

4

2016

РОССИЯ XXI

4.2016 июль-август

Геоглобалистика

Игорь Максимычев

Накануне падения Берлинской стены
(страницы из дневника 1989–1992 гг.) _____ **6**

Страницы истории

Владимир Дегоев

Дипломатия Петра I на заключительном этапе
русско-турецкой войны 1686–1700 годов.
Часть IV _____ **30**

Жорес Медведев

Перестройка до основания
(продолжение) _____ **56**

Ярлыки и мифы

Михаил Ковалев

Зигзаги судьбы: профессор А.В.Флоровский
и его советские коллеги _____ **82**

Михаил Пискунов

«Конструируя советское»: событие и память
постсоветского субъекта (по дневникам
Светланы Вольской) _____ **106**

Ресурсы нации

Евгения Лупанова

Проблема дороговизны дров
в Петербурге XVIII века _____ **120**

Актуальный архив

Елена Мягкова

«Бесы», «игроки» и «мечтатели»,
или как человек становится
революционером. Часть IV _____ **140**

*Оксана Киянская,
Давид Фельдман*

«Ведь он у нас в списке...»:
к истории общественных
настроений 1937 года _____ **160**

Contents in English look at the page 184

РОССИЯ XXI

Редакционный совет

Председатель – Дегоев В.В., доктор исторических наук, директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Гриневский О.А., почетный доктор социологии Саутгемптонского Университета (Великобритания), чрезвычайный и полномочный посол в отставке, руководитель Центра Европа–США, Институт Европы РАН, преподаватель РГГУ;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России Московского государственного областного университета, главный специалист «Центра документальных публикаций» РГАСПИ;

Киянская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ;

Либих Андре, профессор истории, Школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;

Милюков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор Пятигорского государственного лингвистического университета, директор Института международных отношений ПГЛУ;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Розенталь И.С., доктор исторических наук, профессор;

Фридман Л.А., доктор экономических наук, профессор кафедры экономики Института стран Азии и Африки при МГУ;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Средневековья и Нового времени РГГУ

Журнал «Россия XXI» включен
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Каравашкин А.В.;
Куриленкова А.А.;
Петрова И.Н.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, геополитики, отечественной и зарубежной истории, социологии, экономики, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России. Редколлегия оставляет за собой право отбора рукописей для публикации. Рукописи рецензируются Экспертным советом. Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, место работы и должность – на русском и английском, телефон и адрес электронной почты для контактов).

Название статьи (на русском и английском языках).

Аннотацию (500–900 знаков с пробелами) (на русском и английском языках).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова (на русском и английском языках).

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Справочный аппарат, оформленный в соответствии с требованиями ГОСТ.

Объем статьи, включая справочный аппарат, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в двух–трех номерах журнала.

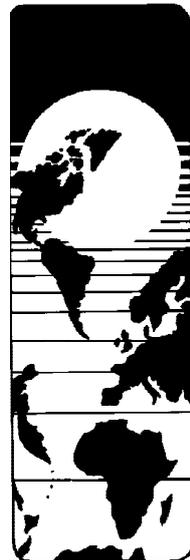
Статья представляется в редакцию на электронном (MS Word) и бумажном (1 экз., подписанный автором) носителях.

Подлинное поражение,
единственно непоправимое
поражение,
исходит не от врага,
а от самого себя.

Ромен Роллан

**Бесспорно, во всякой борьбе тот,
кто поднимает перчатку, рискует быть
побежденным, но разве это основание
для того, чтобы с самого начала объявить
себя разбитым и покориться ярму,
не обнажив меча?**

Фридрих Энгельс

Игорь Максимычев

НАКАНУНЕ ПАДЕНИЯ БЕРЛИНСКОЙ СТЕНЫ

СТРАНИЦЫ ИЗ ДНЕВНИКА¹

ГЕОГЛОБАЛИСТИКА

УДК

94(47)083

Исчерпывающий ответ на вопросы, касающиеся истории последней трети XX в., вряд ли станет возможным до того, как распахнутся двери всех архивных хранилищ. Однако пассивно дожидаться этого момента невозможно – в стремительно меняющемся мире уже сегодня нужны четкие точки отсчета для строительства сбалансированных отношений с партнёрами в Европе и по всему миру. Отрицательный опыт тоже полезен: на ошибках учатся (во всяком случае, теоретически). Человеческая память коротка, избирательна и ненадёжна. Ближе всего к истине приближаются ежедневные дневниковые записи по свежим следам событий. Наиболее ценны те свидетельства времени, которые раскрывают изнутри исходную расстановку сил, меняющих судьбы людей, стран и континентов. Сегодня вниманию читателя предлагаются дневниковые записи, относящиеся к кануну открытия границ ГДР в ноябре 1989 г.

The irrefragable answer to questions regarding history of the last third of the 20th century will hardly be possible until all archives will be open. However, it is impossible to wait for that moment passively: in the rapidly changing world exact reference points for building of balanced relations of partners in Europe and all over the world are needed. The negative experience is useful, for people learn from mistakes (at least, theoretically). The human memory is short, selective and unreliable. The notes made in diaries immediately after events are more close to the truth. The evidences that reveal from within the original alignment of forces affecting destiny of people, countries and continents are the most valuable. The diary records related to the eve of the German Democratic Republic's frontiers opening in November of 1989 are offered in the article.

Ключевые слова: ФРГ; Западный Берлин; германский вопрос; обстановка в ГДР; Берлинская стена; позиция СССР; «перестройка»; позиция западных держав.

Key words: Federal Republic of Germany; West Berlin; the German question; situation in the German Democratic Republic; the Berlin Wall; position of the USSR; position of the Western powers.

E-mail: igormaxim@mtu-net.ru

¹ Готовится к печати книга: Игорь Максимычев. Мой берлинский дневник (1989–1992).

Праздники закончились

Рано утром в **воскресенье 8 октября 1989 года** Вячеслав Иванович Кочемасов² срочно созвал совещание дипломатического состава посольства (обычно такие совещания проходили

по будням ежедневно в 9.00 часов утра по берлинскому времени, через полчаса после официального начала работы посольства). Посол прямо светился хорошим настроением: визит М.С.Горбачева в Берлин по случаю 40-летия ГДР, которое отмечалось вчера и позавчера, прошел без «накладок». Угроза «накладок» реально существовала. Во внесенной накануне визита в мою записную книжку заметке (без указания источника информации) указывалось: «Приведены в готовность боевые дружины рабочего класса³, [состоялись] учения по разгону демонстраций, выделены участки для поддержания порядка. [Усилена] ночная охрана учреждений, [налажена] система экстренной телефонной связи. Созданы бригады маляров для быстрой ликвидации лозунгов на стенах».

Кочемасов постоянно сопровождал Горбачева, несколько раз беседовал с ним с глазу на глаз, был единственным провожающим при отлете в Москву. Он точно знал, что советский лидер покинул Берлин в отличном расположении духа. Согласно записи в моем дневнике (я вел что-то вроде стенограммы наших совещаний, чтобы располагать точными формулировками указаний посла, которые он давал по ходу обсуждения), генеральный секретарь ЦК КПСС не воспринял обстановку в ГДР как катастрофическую, хотя и продолжал испытывать беспокойство в связи с тем, что «республика находится на рубеже» (видимо, посол хотел сказать: «на грани»). Однако Э.Хонеккер⁴, продолжал посол, про-

² Член ЦК КПСС, в прошлом многолетний заместитель председателя Совета министров РСФСР, с 1983 года Чрезвычайный и Полномочный посол СССР в ГДР.

³ «Боевые дружины рабочего класса» – вооруженные формирования типа народного ополчения, созданные на крупных предприятиях республики в июле 1953 г. для подавления «своими силами» возможных антиправительственных выступлений.

⁴ Эрих Хонеккер – генеральный секретарь ЦК Социалистической единой партии Германии, председатель Государственного совета ГДР; СЕПГ – правившая в ГДР партия. Возникла (1946) в результате слияния Коммунистической и Социал-демократической партий советской зоны оккупации Германии; Государственный совет ГДР – коллективный президент республики.

пустил мимо ушей намеки высокого гостя на необходимость «перемен в политике, тактике и методах работы с ориентацией на демократизацию и расширение прав людей, [чтобы] без спешки и без крайностей обеспечить включение существующих демократических структур». Напротив, руководитель ГДР высказал «много критического о положении в СССР с подтекстом: ваши проблемы гораздо серьезнее наших». В отношении работы посольства Горбачев поставил задачу «не просмотреть что-либо важное: [советский] народ не простит нам потерю ГДР». В то же время он говорил о том, что не нужно «подталкивать» немецких товарищей – «они сами за все отвечают, пусть обсуждают и решают».

На этом фоне довольно абстрактно прозвучало процитированное послом замечание Горбачева о «совместной ответственности», в силу которой «мы не можем позволить дестабилизировать ГДР и демонтировать социализм в ней». Осталось совершенно неясным, в чем конкретно эта «совместная ответственность» выражается и как «мы не можем позволить». Расплывчатостью характеризовалось и адресованное нам указание посла: «Надо продумать план действий по изучению ситуации и откликов: что ожидало население от визита и что получило (оно довольно разочаровано); настроения по вертикали и горизонтали. Составить план первоочередных встреч на доверительной основе. В дипкорпусе ничего не рассказывать».

Составление обзора реакции (естественно, восторженной) политических и общественных кругов посещаемых стран на итоги визитов представителей СССР высокого и особенно высшего уровня являлось святой обязанностью соответствующих советских зарубежных дипломатических представительств (а иногда и всех посольств сразу). Сохранившийся у меня черновик информации об откликах на визит Горбачева показывает, что логика жанра не была нарушена и на этот раз. Доклад посольства в Москву повествовал о всеобщем ликовании в ГДР по поводу визита; в тексте не слишком четко просматривалось упоминавшееся послом «разочарование». Делегация заканчивалась так:

«Вполне понятно, говорят нам, что в условиях массового бегства из республики оценкам М.С.Горбачевым положения в ГДР придается особое значение. Определенная часть людей возлагает даже слишком большие надежды на то, что советский лидер сможет оказать решающее воздействие на руководство республики в плане преодоления внутривнутриполитического

НАКАНУНЕ ПАДЕНИЯ БЕРЛИНСКОЙ СТЕНЫ

кризиса. Среди функционеров среднего звена выделяется то, что М.С.Горбачев избежал славословий в адрес Э.Хонеккера и руководства ГДР, которое уже нельзя "реанимировать" и которое потеряло поддержку подавляющего большинства членов партии и населения ГДР. Особую симпатию у коммунистов вызвала высокая оценка советским лидером "интеллектуального потенциала партии" и его уверенность в том, что именно партия во взаимодействии с другими общественными силами сумеет справиться с возникшими трудностями, найти ответы на волнующие всех граждан вопросы. Речь С.М.Горбачева 7 октября во Дворце Республики анализируется, прежде всего, с той точки зрения, что он умело подсказал, что перестройка в ГДР – дело самих коммунистов республики и ее населения. В связи с этим подчеркивается, что советский руководитель сказал максимум того, что можно и нужно было сказать с учетом обстановки в республике, не дав ни малейшего повода для спекуляций на тему о вмешательстве Советского Союза в дела ГДР».

У меня лично остались довольно смешанные впечатления от визита Горбачева. С одной стороны, все могли убедиться в потрясающей популярности советского лидера среди населения ГДР. В реакции людей на празднества 40-летия республики фигура Эриха Хонеккера была совершенно явно оттеснена на задний план. На пути следования официального кортежа с Горбачевым и Хонеккером из аэропорта Шенефельд в правительственную резиденцию Нидершенхаузен через весь Восточный Берлин днем 6 октября я видел лишь один плакат, адресованный не генеральному секретарю ЦК КПСС. Текст плаката: «Так держать, Эрих!» Все остальное больше походило на адресованный Горбачеву коллективный призыв о помощи. Во время факельного шествия колонн Союза свободной немецкой молодежи перед почетной трибуной на Унтер-ден-Линден вечером того же дня участники видели лишь гостя из Москвы, был слышен только клич: «Горби, Горби!»

С другой стороны, публичные выступления Горбачева напоминали скорее риторические упражнения, чем политическую программу действий. Он отлично знал, что ситуация в ГДР носит взрывоопасный характер, но в своей главной речи во Дворце Республики процитировал в противовес известной формуле объединителя германского рейха Отто фон Бисмарка о «великих свершениях, достигаемых железом и кровью» (цит. по: [4]) принадлежавший перу русского поэта Фёдора Тютчева романтический образ единства, которое можно «спаять... любовью» –

«а там посмотрим, что прочней» [3, с.122]. Могло сложиться впечатление, что Горбачев не против «германского единства», если оно состоится «полюбовно» (кстати, такого мнения придерживались некоторые советники генерального секретаря ЦК КПСС). Осталось полностью за кадром, что Тютчев имел в виду совсем другое единство, а именно: единение славян перед лицом германской угрозы, возникшей в результате создания в 1871 г. германского рейха. В результате вместо внесения ясности в ситуацию добавился еще один повод для недоразумений.

Тревожные реальности

Накануне визита один из представителей «прогорбачевской фракции» в аппарате ЦК СЕПГ, готовившей давно, но безуспешно отстранение Хонеккера от власти, передал через меня (по телефону) просьбу к ЦК КПСС, чтобы «речь Горбачева содержала развернутый тезис о том, что немецкие товарищи могут положиться на КПСС, на СССР. Это поможет тем здесь, кто еще колеблется». Между тем самым запомнившимся моментом берлинских высказываний генерального секретаря ЦК КПСС стали его слова в беседе с западными журналистами у мемориала жертвам нацизма на Унтер-ден-Линден: «Тех, кто опаздывает, наказывает жизнь». Этот афоризм стал в дальнейшем активно использоваться для обоснования гонений против тех из числа «старых кадров» республики, кто не был готов поспешить с отказом от дружбы с Советским Союзом.

Бранденбургские ворота в начале ноября 1989 г. (вид со стороны столицы ГДР)

НАКАНУНЕ ПАДЕНИЯ БЕРЛИНСКОЙ СТЕНЫ

Процесс утраты иллюзий по поводу успешности итогов визита протекал стремительно. Уже в **понедельник 9 октября** высказывания посла на совещании дипсостава были окрашены почти в трагические тона. На основании состоявшихся у него бесед (лично и по телефону) с представителями руководства республики он констатировал, что в ГДР «самая серьезная обстановка с 1953 года»⁵. Посол отметил: «СМИ Запада очень хорошо подготовились к юбилею – [идет] показ массового характера выступлений против политики СЕПГ. Западные корреспонденты (даже дипломаты) участвовали в организации сборищ в Берлине, Дрездене, Лейпциге. В Потсдаме среди демонстрантов находились [диссидентствующие] граждане СССР, ПНР, ВНР, ФРГ (задержаны)». В то же время он намекнул на возможность кадровых изменений в верхушке республики: «Работа М.С.Горбачева с руководством ГДР не останется без последствий. Важны предстоящие 2–3 недели». Посол запретил сотрудникам посольства давать какие-либо советы собеседникам из ГДР и предложил ограничиваться лишь призывами к дружбе: «Говорить об усилении сотрудничества во всех областях – пожалуйста; Хонеккер и Горбачев об этом договорились».

Под конец совещания прозвучала неожиданная реплика первого секретаря посольства экономиста О.В.Юрыгина, который заявил: «Для СЕПГ поезд ушел. Ей придется делиться властью. Нам надо находить возможности выходов на людей, близких к новым оппозиционным структурам». Юрыгин поддерживал прочные связи с хозяйственным активом ГДР, и его слова отражали, в первую очередь, точку зрения этого сегмента общественного мнения республики. Дискуссии не последовало, поскольку мнения участников совещания несильно расходились с высказанной Юрыгиным оценкой. Однако посол уже несколько раз предостерегал нас от контактов с оппозицией. Подобные контакты на тот момент выглядели бы действительно странно: ГДР оставалась нашим

⁵ 17 июня 1953 г. после забастовки строительных рабочих в Берлине, протестовавших против повышения норм выработки и роста цен на продовольствие, начались волнения в ряде городов ГДР. Радиостанции ФРГ и Западного Берлина (особенно РИАС – «Радио в американском секторе») передавали инструкции по организации беспорядков. Поскольку оккупационный режим еще сохранялся, на улицы были выведены советские танки. Столкновений с их участием не было – общественный порядок восстановила своими силами пришедшая в себя полиция ГДР.

важнейшим союзником, и участвовать официальным советским представителям в расшатывании ее государственных основ было бы, по меньшей мере, недальновидно.

Празднества по случаю 40-летия ГДР не предотвратили дальнейшего обострения обстановки. Циркулировавшие накануне юбилея слухи о возможности массового прорыва молодежи в Западный Берлин не оправдались (праздничные колонны ССНМ формировались у Бранденбургских ворот, в непосредственной близости от стены⁶), но вечером 7 октября демонстрация с требованием «Долой стену!» всё же состоялась. Демонстранты собрались на Александер-плац и двинулись к Дворцу Республики, где проходил заключительный прием с участием иностранных гостей. Полиция разогнала протестующих, было много задержанных. Кортёж Горбачева успели отправить в Шенефельд до того, как выкрики демонстрантов стали слышны во Дворце. На следующий день проходившие уже несколько недель протестные «демонстрации по понедельникам» после вечернего богослужения в церкви Св. Николая в Лейпциге приобрели общенациональный характер. В шествии 9 октября, прошедшем под лозунгами «Долой стену!», «Нет насилию», «Мы остаемся здесь»⁷, «Разрешить "Новый форум"!»⁸, участвовали приезжие из других городов ГДР. Сильное психологическое воздействие оказал удачно найденный девиз: «Народ – это мы!», который стал отныне неотъемлемым элементом всех массовых оппозиционных выступлений в ГДР.

На совещании во **вторник 10 октября** посол смог отметить лишь один положительный момент: «На производстве, на промышленных предприятиях эксцессов нет. Это очень важно». И сразу вслед за этим:

⁶ Берлинская стена была возведена 13 августа 1961 года в завершение кризиса вокруг Западного Берлина, продолжавшегося с 1959 года. Она означала прекращение безвизового режима для посещения обеих частей Берлина и ужесточение контроля на государственной границе ГДР и ФРГ.

⁷ Этот лозунг выражал отказ следовать примеру тех, кто бежал из ГДР в ФРГ через Венгрию, открывшую границу с Австрией, и другие социалистические страны, куда граждане ГДР могли выезжать без виз. В связи с тем, что бегство населения стало приобретать массовый характер, власти ГДР накануне 40-летия закрыли границы республики.

⁸ «Новый форум» – созданная 9–10 сентября 1989 г. на базе движения сторонников мира разношерстная оппозиционная организация, провозгласившая своей целью начать «демократический диалог о реформах и преобразовании общества».

НАКАНУНЕ ПАДЕНИЯ БЕРЛИНСКОЙ СТЕНЫ

«М.С.Горбачев сказал: ни при каких обстоятельствах мы не должны терять ГДР. Надо всемерно помочь друзьям». Однако в чем может и должна заключаться наша помощь, по-прежнему оставалось не вполне ясным. В практическом плане посол немедленно ввел дежурство старших дипломатов до полуночи и объявил субботу рабочим днем для всех сотрудников посольства.

В **среду 11 октября** завершалось двухдневное заседание политбюро ЦК СЕПГ. Сообщение посла на утреннем совещании было чрезвычайно кратким. Видимо, он просто повторил указания, полученные из ЦК КПСС по телефону: «Советов друзьям не давать. Слушать, но не комментировать. Жен в магазины в городе не пускать. Мы не вмешиваемся. Надо присмотреться к оппозиционным силам, знать точно расстановку сил. Нужно быть абсолютно точными в отображении и анализе положения. Никаких непроверенных фактов в Москву не сообщать».

В **четверг 12 октября** посол бегло информировал нас о решениях, принятых политбюро ЦК СЕПГ:

- провести совещание первых секретарей окружных комитетов;
- готовить пленум ЦК на тему «Оценка текущего момента и подготовка к 12-му съезду СЕПГ»;
- созвать совещание блоковых партий⁹ и общественных организаций для обсуждения ситуации;
- создать комиссию по совершенствованию работы Народной палаты;
- ввести единый загранпаспорт для всех («без виз выезда по-прежнему нет»)¹⁰.

Посол отметил, что звучала критика в адрес информационной политики СЕПГ: «Недопустимо молчать, когда каждый день выступают канц-

⁹ В ГДР формально сохранялась многопартийность. Помимо СЕПГ и ряда контролируемых ею общественных организаций (типа профсоюзов и Союза свободной немецкой молодежи), были еще четыре партии – Христианско-демократический союз, Либерально-демократическая, Крестьянская демократическая и Национально-демократическая партии Германии. Все они входили в Демократический блок под руководством СЕПГ.

¹⁰ Почему-то посол не упомянул о прерванном затянувшееся молчание руководства республики заявлениями политбюро ЦК СЕПГ по вопросу о бегстве населения. Главным в заявлениях были тезисы: «Социализму нужен каждый» и «Социализм на немецкой земле не подлежит обсуждению».

лер Коль, министр иностранных дел ФРГ Геншер и т.д.». Обратил на себя внимание осторожно оптимистический тон высказываний посла. Он подчеркнул: «Настрой среди партийного актива серьезный. Перемены в партии будут – теперь в этом сомневаться не приходится».

Решающим фактором оставалось время. Руководство ГДР действовало (точнее, бездействовало), как будто в его распоряжении была вечность, а не несколько недель.

В **пятницу 13 октября** посол информировал нас об итогах совещания первых секретарей окружных комитетов СЕПГ. Он сказал: «Руководители округов понимают остроту положения. Центры оппозиции – Лейпциг, Берлин, Дрезден, Потсдам. На севере ГДР спокойно». По словам посла, особенно беспокоит ситуация в молодежной среде. «Начинает осложняться обстановка и на предприятиях (в частности, в Лейпциге). В целом, царит напряженное ожидание реальных перемен. Давление с Запада продолжается (прежде всего, через телевидение)». Несколько удивило нас замечание посла о возможности оказания Западной Германией «значительной финансовой помощи ГДР»¹¹. Причем он сразу оговорился, что «здесь усиливается общенемецкий¹² интерес». Продолжал посол размышлять и о том, «как нам помочь друзьям – через наши СМИ, советы на базе нашего опыта». В связи с этим он назначил на понедельник 16 октября совещание дипсостава (именовавшееся по традиции «референтским») для обмена мнениями о складывающемся в ГДР положении.

Утром в **понедельник 16 октября** посол был лаконичен. Он отметил лишь изменение тона СМИ ГДР: «Отныне можно говорить прямо и открыто». Им были также приведены цифры, иллюстрировавшие масштабы бегства населения на Запад: «136 тысяч человек в целом эмигрировало за этот год из ГДР (80 тысяч легально, остальные нет)».

Из выступлений на состоявшемся в тот же день референтском совещании выделялись высказывания советника посольства по культуре А.П.Иванова, который указал на рост настроений в ГДР в пользу того, что «нельзя терять времени. Интеллигенция ГДР считает, что заявление политбюро ЦК СЕПГ от 11 октября лишь затронуло проблемы и руководство

¹¹ Мы тогда не знали, что Горбачев еще в мае 1987 г. – в ответ на просьбу Хонеккера не сокращать уже согласованные поставки советской нефти в ГДР – ответил: «Находите общий язык с ФРГ. Она в этом нуждается» (см.: [2, с.43]).

¹² Чаще употреблялся термин «общегерманский».

НАКАНУНЕ ПАДЕНИЯ БЕРЛИНСКОЙ СТЕНЫ

дальше идти не намерено. Позитивный фактор – население тяготеет к порядку, к решению проблем через диалог. Поэтому есть еще возможность стабилизировать положение. Надо быстро созывать пленум ЦК СЕПГ, создать группы по подготовке конкретных шагов по демократизации. Пойдет ли на это нынешнее руководство? Интеллигенция выступает за отставку Хонеккера. В качестве позитивной силы наши собеседники называют среднее звено партии. Существует опасность затягивания времени, диктата партийного аппарата на пленуме. На митинге в "Дойчес театер", в котором участвовали 750 человек из всей республики, был поставлен вопрос о том, как обращались с арестованными 7 октября».

Советник В.М.Гринин, руководитель отдела внешней политики посольства, подчеркнул «опасность разрастания общегерманских настроений в ГДР. ГДР – государство искусственное и очень молодое. Традиции слабы, гражданское самосознание имеет во многом лишь идеологическую основу и подвержено колебаниям. Райнгольд¹³ не без оснований заметил, что между ГДР и социализмом стоит знак равенства. Проблемой является национальная идентичность (самобытность). Режиссером развития стал Бонн, а не ЦК СЕПГ. Надо договариваться с оппозицией по национальному вопросу, пока это возможно. Усилить продвижение тезиса о том, что жители ГДР навсегда останутся "немцами второго сорта". Нельзя давать ГДР и ФРГ обгонять общеевропейский процесс¹⁴, – этого возможно добиться вместе с западными державами».

Характерным было выступление уже упоминавшегося О.В.Юрыгина, который сказал:

«В ГДР налицо внутренний кризис. Причины как долгосрочные (прорывы в организации экономики – страна проедала свое будущее), так и краткосрочные (ситуация в Венгрии и Польше, "ошибки" с выборами 7 мая¹⁵, открытие австро-венгерской границы). Изменения, возможные в краткосрочном плане (сменить руководство, организовать диалог), не

¹³ *Отто Райнгольд – ректор Академии общественных наук при ЦК СЕПГ.*

¹⁴ *Эксперты МИД СССР и посольства в Берлине настаивали на том, что установление «особых отношений» между германскими государствами будет приемлемо лишь по мере создания общеевропейской системы коллективной безопасности.*

¹⁵ *7 мая 1989 г. состоялись выборы в местные органы власти ГДР. Околоцерковная оппозиция почти сразу же обвинила СЕПГ в фальсификации итогов выборов, хотя последние вряд ли имели какое-либо значение.*

решат проблемы. "Китайский вариант"¹⁶ приведет к немедленному краху режима. СЕПГ придется делить власть. Вопрос – с кем? Лучше бы с блоковыми партиями. Но нужно давать место и оппозиции. Свободные выборы могут привести к отстранению СЕПГ от власти. Однако главную проблему надо решать в экономике. Концепции такого решения нет ни у кого. Вероятнее всего движение в сторону рыночной экономики и сближения с ФРГ. Темп может быть очень высоким. Воссоединение Германии уже идет – люди едут туда. Нам надо влиять на него. Вести дело к нейтральной Германии или к двум нейтральным Германиям».

Выступления остальных участников совещания вращались вокруг изложенных тезисов, причем большинство бравших слово старалось избегать слишком пессимистических прогнозов. Еще до Юрыгина выступил я. В моих сохранившихся набросках к выступлению говорится:

«Ситуация в ГДР перешла в новое качество: заговорил народ. У режима нет большинства в народе. Конфликт может обостриться в любой момент. А что будет, если большинство потребует воссоединения? Нам надо готовиться к этому моменту. Прошлое не вернется. Придется искать связи с оппозицией. От концепции "европейского дома" мы отказаться не можем. Имеются три возможности развития ситуации: 1) неподвижность руководства ГДР или "китайский вариант"; предвидимый результат – крах в течение полугода; 2) искренний диалог, глубокие реформы, появление национальной идентичности ГДР; предвидимый результат – взрыв оттягивается на неопределенное время; 3) затягивание времени в расчете на крах СССР¹⁷; предвидимый результат – взрыв очень скоро. Нам предстоит сосредоточиться на том, чтобы удержать ГДР как самостоятельное государство – совместно с западными державами через Западный Берлин (в данном вопросе они не против нас)». Из моих контактов с властями трех западных держав в Западном Берлине я действительно знал, что их скорее пугает, чем радует перспектива возрождения германского гиганта в центре Европы. На первых порах колебались даже американцы.

¹⁶ Имеется в виду жесткое подавление протестных демонстраций на площади Тяньаньмэнь в Пекине 4 июня 1989 г.

¹⁷ До посольства неоднократно доходила информация о прогнозах некоторых советников Э.Хонеккера в том плане, что вследствие «перегибов» перестройки вскоре неминуем крах СССР и ГДР придется искать возможность опереться на ФРГ.

НАКАНУНЕ ПАДЕНИЯ БЕРЛИНСКОЙ СТЕНЫ

В своем заключительном слове посол попытался поддержать слабую ноту оптимизма, прозвучавшую в выступлениях «с мест» (что относилось, прежде всего, к сообщениям генеральных консулов). Он сказал:

«Бесспорно, что в ГДР экономический и политический кризис. Какова его глубина, надо изучать и не спешить с крайними оценками. Не все в руководстве ГДР осознают серьезность положения. Если это будет продолжаться, то республике грозит неизбежная катастрофа. У руководства нет концепции выхода из сложившегося положения. Считают: все обойдется само собой. В субботу в Плауэне состоялась десяти тысячная демонстрация с участием рабочих. Не исключены забастовки. Даже самые крепкие окружки СЕПГ с трудом справляются с ситуацией. У руководства ГДР нет времени. Если не будет дел, нельзя рассчитывать даже на стабилизацию. Вопрос о смене руководства назрел. Все было бы хорошо, если бы у нас дела шли в гору. Но у нас трудности растут. Наша помощь ГДР ресурсами маловероятна. Выход у ГДР один – экономическая реформа плюс сотрудничество с Западом. Нужна также и политическая реформа – решительная перестройка партии (демократизация) плюс подлинное народовластие. Диалог с блоковыми партиями и неформальными организациями в рамках закона. Практика выездов должна быть приведена в соответствие с Веной¹⁸. Нам нужно продумать концепцию нашей работы на ГДР. Как быть с "германским вопросом"?»

Поставленный послом вопрос действительно требовал скорейшего ответа. До сих пор все возникавшие оппозиционные группировки исходили в своих программных документах из дальнейшего существования ГДР. Так, во вступительной речи Маркуса Мекеля¹⁹ на учредительном собрании Социал-демократической партии – СДП (ГДР) – 7 октября подчеркивалось: «Мы признаем двухгосударственность Германии в соответствии с прошлым, вина за которое лежит на нашем народе». И далее: «Говорить о воссоединении – дело в высшей степени непродуктивное и в сущности обращенное в прошлое, ибо сейчас воссоединения

¹⁸ В Итоговом документе Венской встречи представителей государств-участников СБСЕ говорилось (п.20): «Государства-участники будут полностью уважать право каждого на свободу передвижения и местожительства в пределах границ каждого государства и покидать любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в свою страну» [1].

¹⁹ Маркус Мекель — немецкий теолог и политик, социал-демократ, член бундестага. С 12 апреля по 20 августа 1990 г. был министром иностранных дел ГДР.

определенно не будет». Однако было ясно, что все могло очень быстро измениться. Поскольку развитие ситуации в ГДР явно определял Бонн, решающее значение имела откровенная заинтересованность ФРГ в скорейшем объединении Германии.

Отставка Хонеккера

На утреннем совещании во **вторник 17 октября** посол сообщил:

«Вчера состоялись демонстрации в Лейпциге, Дрездене, Плауэне.

В Лейпциге – более ста тысяч человек – самая крупная демонстрация за историю ГДР. Полиция не показывала своего присутствия. Все прошло мирно, к 9.30 вечера закончилось. Лозунги: "За подлинные реформы", "Мы уже взрослые", "Народ – это мы", "Разрешить Новый форум", "Присоединяйтесь к нам", "Место МГБ – в правовом государстве". Изменился состав демонстрантов, много стало людей среднего возраста, были рабочие. Поммерт²⁰ пытался обратиться по радио, его почти не было слышно. Диалога нет. В Дрездене представители манифестантов беседовали с городским руководством. Требовали свободных выборов. То же в Плауэне. Ситуация приобретает все более сложный и противоречивый характер. Наблюдаются трудности на производстве вследствие ухода людей на Запад, возникают перебои в снабжении. Ощущается серьезное давление снизу в условиях роста симпатий к манифестантам со стороны населения. Налицо отсутствие продуманной линии поведения у руководства партии и государства».

Сцены оппозиционного шествия по улицам Лейпцига показало накануне западногерманское телевидение, передачи которого принимались практически на всей территории ГДР. Снимали с чердака многоэтажной башни на Ринге («Кольце»), самой широкой улицы города, опоясывающей его центр. Шеренги демонстрантов заполняли Ринг от края до края, конец колонны терялся где-то в туманной дали. Зрелище было достаточно ошеломляющим.

Вечером **17 октября** в Немецкой государственной опере состоялось торжественное заседание в честь 40-й годовщины установления дипломатических отношений ГДР с СССР и другими социалистическими странами. Неожиданностей не было. В докладе министра иностранных

²⁰ Йохен Поммерт – второй секретарь Лейпцигского окружкома СЕПГ.

дел республики Оскара Фишера подчеркивалось: «ГДР навсегда порвала с гибельной политикой капиталистической Германии, выдвигавшей территориальные претензии к другим государствам. ГДР с самого начала признала границы, возникшие в результате Второй мировой войны. Социалистический интернационализм был и остается основной ценностью в отношениях между ГДР и другими социалистическими странами».

Из состоявшегося после торжественной части непродолжительного обмена мнениями с глазу на глаз с заведующим отделом СССР в МИД ГДР Клаусом Штайнхофером мне запомнились его слова: «Даже хорошо, что пришло это потрясение [кризис в ГДР]. Уж очень мы вознеслись, загордились. Немецкое самодовольство и надменность достигли критических размеров: мы-де всегда были правы, вовремя принимали правильные решения, ошибались лишь другие, мы были самыми лучшими марксистами всех времен и народов».

Выступление посла на совещании в **среду 18 октября** было самым коротким за весь период моих записей. Он сказал всего одну фразу: «Сегодня пленум ЦК СЕПГ». Только в течение дня мы узнали, что на пленуме вне всякой повестки дня решался вопрос об отставке Э.Хонеккера. Посол очень волновался – он совсем не был уверен, что «прогорбачевская фракция» реализует, наконец, свое давнишнее намерение сменить руководителя партии и государства. Советский Союз не участвовал в этой «смене декораций», но мнение ЦК КПСС было однозначным, хотя и не высказывалось публично, – «время обновления» пришло и для ГДР. Так же как и Москва, посол придерживался той точки зрения, что, убрав главный «тормоз» на пути реформ, каким считался Хонеккер, ГДР быстро решит все свои социальные и политические проблемы.

Утром в **четверг 19 октября** посол радостно поделился с нами подробной информацией об итогах пленума ЦК СЕПГ. Он говорил:

«Вчера политбюро и пленум единогласно избрали Эгона Кренца генеральным секретарем ЦК СЕПГ. Решение о смене руководства – самостоятельное решение СЕПГ. Если смена Вальтера Ульбрихта произошла с помощью советского руководства²¹, сейчас совершенно не то. ЦК СЕПГ сам нашел в себе силы, чтобы изменить курс. Это свидетельствует о силе партии и мужестве Кренца. Это не переворот, а результат демокра-

²¹ Смещение В.Ульбрихта с высших постов в СЕПГ и государстве состоялось в 1973 г. при активном участии посла СССР в ГДР П.А.Абрасимова, который опирался на поддержку Л.И.Брежневца. Тогда Ульбрихта сменил Э.Хонеккер.

тического процесса. Наша позиция: мы обязаны всемерно помогать новому руководству СЕПГ в продвижении по пути постепенной демократизации и реформ. Программа обновления изложена в речи Кренца. Это не его личное дело, текст заявления был единогласно одобрен политбюро. Друзья избежали ошибки ПНР и ВНР – мазать фигуру предшественника только черной краской. Поэтому хорошо, что Хонеккера поблагодарили. Запад навязывает скепсис, выжидательное отношение: дескать, все будет зависеть от того, какие реформы будет проводить в ГДР Кренц. Такая позиция смыкается с поведением оппозиции ("Новый форум", церковь). Новое руководство ГДР должно действовать осмотрительно. Меры будут приниматься в два этапа: решение неотложных вопросов, разработка концепции для 12-го съезда СЕПГ. Последняя будет обсуждаться на пленуме ЦК 15 ноября. 24 октября будет собрана Народная палата – необходимо тщательное соблюдение Конституции ГДР. Раздаются голоса: Кренц-де переходная фигура. Надо противодействовать этому тезису. Кренц хорошо известен нам, в ЦК КПСС. Мы его будем всячески поддерживать. Мы глубоко заинтересованы в том, чтобы ГДР как можно скорее вышла из того кризисного положения, в которое она попала».

Посол добавил, что сегодня же встречается с Кренцом «для беседы по вопросам, интересующим обе стороны». Подводя итоги, посол сказал: «Начался новый этап в истории ГДР. Помимо внутренних дел надо много сделать для восстановления международного авторитета республики. Кренц выступил хорошо. У него есть хороший коллектив советников. Нужна преемственность – выгонять всех сразу нельзя».

Когда я во второй половине дня беседовал с заместителем министра иностранных дел ГДР Эвальдом Мольдтом (власти ГДР обдумывали возможные контрмеры в связи с нарастающими масштабами закупок в магазинах республики бесконтрольно посещающими столицу ГДР военнослужащими западноберлинских контингентов войск трех держав – главным образом, американцами – субсидируемых товаров на марки ГДР, полученные по бросовому курсу в обменниках Западного Берлина), собеседник поделился своими впечатлениями от вчерашнего заседания пленума ЦК СЕПГ:

«Участники пленума аплодировали Хонеккеру стоя, когда тот закончил свою речь и уходил с заседания. Речь Кренца также была встречена аплодисментами. Выступление Кренца по телевидению было правильным, обозначило начало нового этапа развития. Партия должна постоян-

но заявлять о себе, а не отдавать поле деятельности другим (как, например, председателю ЛДПГ Герлаху, выступившему в программе ТВ ГДР "Актуэлле камера"). Кто, в конце концов, руководящая сила? Настроение в партии в целом неплохое, боевое. Но нужны действия. На них у руководства остаются одна-две недели. Конечно, из диалога с демонстрантами может получиться польский "круглый стол". Но Модров²² убежден, что другого выхода просто нет. Надо искать новые формы, отдавая приоритет практике, а не теоретическим построениям».

На следующий день, в **пятницу 20 октября**, комментарии посла по-прежнему отличались «чувством глубокого удовлетворения». Его оценки разговора с Кренцом носили исключительно восторженный характер:

«Очевидны новые подходы. Правильная тактика – прежде всего, пойти к рабочим. Встреча Кренца с рабочими²³ началась довольно напряженно (накопился огромный потенциал недовольства). Беспокоит обстановка среди творческой интеллигенции. Беседа Кренца с Лейхом²⁴ проходила спокойно, под конец доброжелательно. Лейх заверил, что будет стремиться к тому, чтобы из церкви не шли на митинги. Очень труден вопрос о выездах; решать его надо в гуманном плане. Кренц приглашен с рабочим визитом в Москву. Дружья начали хорошо, надо продолжать в том же ключе. Образовался тандем Кренц – Шабовский».

Однако оптимистический настрой в Москве и в посольстве разошелся с политическими реальностями ГДР. В **субботу 21 октября** в центре Берлина состоялась демонстрация (1 200 чел.) с требованием освободить арестованных участников протестов 7 октября. **22 октября** прошла демонстрация «Нового форума» в Ростоке (18 тыс. участников). Число демонстрантов в **понедельник 23 октября** в Лейпциге превысило 300 тыс. чел. **24 октября** Народная палата приняла отставку Э.Хонеккера с поста председателя Государственного совета ГДР «по

²² *Первый секретарь Дрезденского окружкома СЕПГ.*

²³ *19 октября Кренц в сопровождении члена политбюро, первого секретаря Берлинского окружкома СЕПГ Шабовского встретился с трудовым коллективом комбината имени 7 октября (Берлин).*

²⁴ *Епископ Вернер Лейх – председатель Конференции евангелических церковных организаций в ГДР. В коммюнике о его встрече с Кренцом 19 октября говорилось о согласии сторон «сохранить ГДР, история которой является частью истории евангелических церквей нашей страны и общественного участия граждан христианского вероисповедания».*

состоянию здоровья» и избрала на этот пост Э.Кренца (впервые на таких выборах отсутствовало единогласие – 26 голосов были поданы против и 26 человек воздержались). В **среду 25 октября** только что созданное гражданское движение «Демократия сейчас!» выступило с «Заявлением по Кренцу», в котором возложило на него как на председателя Центральной избирательной комиссии ГДР ответственность за фальсификацию результатов майских выборов 1989 года. В тот же день первый секретарь Дрезденского окружкома СЕПГ Ханс Модров принял представителей «Нового форума» для обсуждения путей политического преодоления кризиса. В **четверг 26 октября** состоялся 20-минутный телефонный разговор Кренца с канцлером ФРГ Гельмутом Колем, в ходе которого обе стороны выразили заинтересованность в дальнейшем развитии отношений между германскими государствами и договорились, что их представители продолжат обсуждение имеющихся проблем. Председатель Совета министров ГДР Вилли Штоф сообщил в интервью телепрограмме «Актуэлле камера» о решении правительства дополнительно увеличить импорт технических товаров народного потребления и продовольственных товаров, а также пересмотреть планирование производства, чтобы увеличить их выпуск. Проходившее в этот же день девятичасовое заседание Дрезденского городского собрания транслировалось по местному радио, а после его окончания Модров и бургомистр Дрездена Вольфганг Бергхофер провели дискуссию с участниками митинга, на который собралось 100 тысяч жителей города. Также **26 октября** Шабовский принял в Берлине для беседы представителей «Нового форума» Йенса Райха и Себастьяна Пфлюгбайля.

На утреннем совещании в **пятницу 27 октября** посол заявил:

«Требуется депеша в Центр об оценке положения в ГДР – не надо повторов, но следует провести тезис: положение имеет тенденцию к ухудшению. Направление дискуссий в обществе – экономика, немецко-немецкие дела, информационная политика. Дискуссии все более приобретают негативный характер (хотя и есть широкий разброс мнений). Усиливается критика партии, ставится вопрос о персональной ответственности руководителей ГДР. Мало конструктивных моментов. Значительная масса населения заражена недоверием ко всему, что исходит из Центра. За всем этим стоят разные силы, но прежде всего "Новый форум". По сведениям, которыми располагают МИД ГДР, округа, Герлах, группировка "Нового форума" очень разнородна, большинство слабо представляет

НАКАНУНЕ ПАДЕНИЯ БЕРЛИНСКОЙ СТЕНЫ

себе, какие цели надо поставить. С большинством можно было бы договориться, но там есть "твердое ядро" антисоциалистического характера, которое выступит на смену нынешним лидерам. Пока еще это ядро можно было бы изолировать. Однако у "Нового форума" отличная организация. Беспокоит положение в партии. Если бы сейчас были выборы, СЕПГ проиграла бы. В ее ряды все больше проникают идеи либерализма и социал-демократизма. Надо предотвратить раскол партии, использовать ее потенциал. Размываются границы между членами партии и беспартийными в смысле реакции на действия оппозиции, на обстановку. Остро встает вопрос о кадрах, которые сейчас проходят самую жесткую проверку. Надо заменить тех, кто неспособен. Есть настроение произвести кадровые изменения еще до съезда СЕПГ (под лозунгом: персональная ответственность). Лозунг отставки руководства в целом встречается пока довольно редко. Пик ситуации еще не достигнут. Установка ЦК СЕПГ: возможно дальнейшее обострение; не всех демонстрантов зачислять во враги. Все, кто может это сделать, мобилизован СЕПГ для работы с населением на улицах. Впечатления Отта²⁵: особой злобности у демонстрантов нет, много справедливых претензий. Вопросы работы в массах сейчас самые главные. В депеше посольства надо поддержать линию руководства СЕПГ на прямой диалог с населением. Похвалить изменения в информационной политике. Здесь скорее следует советовать друзьям проявлять сдержанность. Если раньше о жизни в ГДР ее граждане узнавали из передач телевидения ФРГ, то сейчас телевидение ФРГ пользуется материалами телевидения ГДР. Важен вопрос о доверии к партии, политбюро, центральному комитету. Наблюдается изменение отношения западников к ГДР – заявления Вайцзеккера²⁶, Коля, Момпера²⁷. Идет определение оптимальной линии по отношению к ГДР. Важно, чтобы социал-демократы не лезли во внутренние дела ГДР, не создавали здесь социал-демократической партии. В руководстве ГДР понимают, что намеченные реформы должны быть осуществлены как можно скорее – только в этом случае возможна стабилизация положения. Как поведет себя ра-

²⁵ Гарри Отт – заместитель министра иностранных дел ГДР.

²⁶ Рихард фон Вайцзеккер – президент ФРГ (ХДС).

²⁷ Вальтер Момпер – правящий бургомистр Западного Берлина (СДПГ). Он возглавил правительство (сенат) Западного Берлина в марте 1989 г. после выборов в городской парламент, выигранных коалицией социал-демократов и партии «зеленых».

бочий класс? Происходит его подключение к дискуссии. Раздается критика профсоюзов, лично Тиша²⁸. Настроения на предприятиях плохие. Существует угроза создания параллельных профсоюзных структур. В депеше надо рассказать, что друзья делают – идут в массы, ведут диалог, осуществляют новый курс партии (заявление Штофа 26 октября). Надо выдвигать людей, умеющих мыслить по-современному, разговаривать с людьми. Все зависит от того, удастся ли друзьям удержать (перехватить) инициативу в общественных преобразованиях. Это сходно с нашим положением [в СССР]. У друзей есть концепция дальнейших действий, но можно высказать и советы на основании нашего опыта (в том числе негативного). Растет значение западногерманского фактора – Бонн стал для ГДР фактически вторым правительством. В округах чувствуется огромное давление со стороны ФРГ. Кренц едет в Москву не только ради декларации о поддержке, но и за советом».

Не всё потеряно

Во второй половине **27 октября** посол принял В.Момпера с ответным визитом²⁹. Момпер сообщил, что хотел бы поехать в советскую столицу в 1991 г. на открытие запланированной на это время западноберлинской экономической выставки. Посол счел это вполне приемлемым вариантом и упомянул о возможности подготовки перспективного плана сотрудничества между СССР и Западным Берлином с подписанием его «на надлежащем уровне». Кочемасов обещал информировать сенат о ходе рассмотрения Москвой «берлинской инициативы» трех западных держав³⁰.

²⁸ Гарри Тиш – член политбюро ЦК СЕПГ, председатель правления Объединения свободных германских профсоюзов.

²⁹ Посол встречался с ним 17 июля, чтобы передать приглашение посетить Москву для обсуждения перспектив советско-западноберлинских отношений.

³⁰ В декабре 1987 г. послы трех западных держав в Москве передали в МИД СССР ноту с предложением приступить к переговорам вчетвером в целях улучшения связей Берлина (подразумевался Западный Берлин) с внешним миром в области молодежных обменов, образования, культуры и воздушного сообщения. Ввиду особого статуса Западного Берлина с его «воздушными коридорами», связывавшими город с бывшими зонами оккупации трех держав, эксперты МИД и посольства в ГДР считали возможными консультации

НАКАНУНЕ ПАДЕНИЯ БЕРЛИНСКОЙ СТЕНЫ

В дальнейшем, согласно моим заметкам (я присутствовал на беседе), Момпер поделился с послом своими оценками ситуации в ГДР. Его высказывания представляли для нас интерес, поскольку за ним стояли влиятельные социал-демократические круги, обладавшие разветвленными контактами в ГДР³¹. Он говорил: «Кренц действует быстро и решительно. Он заслужил, чтобы ему был "предоставлен честный шанс: его шаги идут в правильном направлении". Встреча Момпера с Кренцом намечается на конец текущего – начало следующего года. "Мы смотрим, чем можем помочь". Момпер против "воссоединительной риторики" – "пусть решает население ГДР, но там никто не говорит о воссоединении"».

Момпер подчеркнул:

«Мы живем в исторический момент – мы можем построить общеевропейский дом. У нас есть свои заботы – например, успехи [крайне правых] "республиканцев". В связи с этим многие боятся новой националистической волны. Но это лишь социальный феномен – боязнь потерять работу, жилье и т.д. Надо исправить социальную и экономическую политику, а не заниматься националистической демагогией, как это делают ХДС/ХСС».

Момпер продолжал:

«В отношении ГДР многие на Западе считают, что СЕПГ очень скоро очутится там, где находится ПОРП, у которой сузился массовый базис. Но вот ВСРП пытается сохранить свой базис, в ЧССР обстановка складывается также по-иному. Организация общества будет везде разной. Традиции немецких социал-демократов и коммунистов отличаются от других стран. СЕПГ останется массовой партией. Потерять свой базис может всякий, но если Кренцу повезет, то СЕПГ сохранится как значительная сила в ГДР. Развитие после [плена ЦК СЕПГ] 11 октября подтверждает эту точку зрения. За дестабилизацию ГДР выступают те силы в ФРГ, которые считают, что это побудит СССР пойти

СССР с западными державами по воздушному сообщению, адресовав их по остальным аспектам «инициативы» непосредственно к ГДР. Однако даже такой лишь частично позитивный ответ был заблокирован лично Э.Хонеккером. После его отставки западники стали вновь усиленно продвигать свой проект.

³¹ *Должность правящего бургомистра Западного Берлина была неплохим трамплином для политической карьеры в ФРГ. Занимавший ее в 1957–1966 гг. Вилли Брандт стал впоследствии лидером СДПГ и федеральным канцлером, а один из ведущих политиков ХДС Рихард фон Вайцзеккер (в Западном Берлине с 1981 по 1984 г.) – президентом ФРГ.*

на объединение Германии под флагом ее нейтрализации (как это предлагалось советской нотой от 10 марта 1952 года). Такие настроения превалируют у консерваторов: дескать, Германия и Россия договорятся за счет Запада. Отсюда намерение подтолкнуть население ГДР к лозунгу: "Решение наших проблем даст только воссоединение!" Но политика нейтрализации не будет поддержана ни с Востока, ни с Запада, ни с Севера, ни с Юга. Объединенный потенциал ГДР и ФРГ навсегда останется неприемлемым для Европы, да и для самих немцев. Ситуация в Европе по-прежнему открытая».

Правящий бургомистр подробно остановился на выдвинутом им предложении уравнять в правах западноберлинских депутатов бундестага с остальными членами парламента³². Он подчеркнул:

«Целью западноберлинской политики остается, чтобы Западный Берлин стал полноправной землей ФРГ. Но эта цель долговременная. Четырехстороннее соглашение по Берлину, договор об основах отношений ФРГ с ГДР, договоры ФРГ с СССР, ПНР и ЧССР означали начало урегулирования ситуации в Берлине и вокруг него. Следующим шагом станет упорядочение воздушного сообщения с Берлином сначала на уровне четырех держав, а затем на уровне ФРГ–ГДР. Далее – укрепление миропорядка в Европе в ходе процесса СБСЕ. Все это даст в итоге урегулирование для Германии и Берлина, которое будет равнозначно заключению мирного договора. Вот в этих условиях станет возможным равноправие западноберлинских депутатов. Ведь тогда произойдет обесценение границ – во всяком случае, по сравнению с 1961 годом [когда была возведена Берлинская стена]».

Момпер поделился также своей озабоченностью начавшимся наплывом поляков в Западный Берлин: «70 тысяч посетителей из Польши в неделю, 20 тысяч в субботу и воскресенье, главным образом, чтобы торговать. Остальные – нормальные туристы. Население Западного Берлина недовольно [стихийно возникающими базарами]. Но это – естественный результат свободы поездок. Скоро будет очень много посетителей из ГДР. Многие в ФРГ еще не понимают, что для них будет озна-

³² Ввиду заявленных в 1949 г. со стороны западных оккупационных держав возражений соответствующая статья Основного закона ФРГ не действовала, и голоса депутатов от Западного Берлина не учитывались при голосовании в бундестаге по всем вопросам, кроме процедурных.

НАКАНУНЕ ПАДЕНИЯ БЕРЛИНСКОЙ СТЕНЫ

чать свобода передвижения для населения ГДР. Проблема в том, как сократить разрыв в уровне жизни между гражданами ФРГ и ГДР».

Центральный фасад здания посольства СССР в Берлине на Унтер-ден-Линден в ноябре 1989 г. (установленный на клумбе перед ним в апреле 1970 г. бюст В.И.Ленина был позже перенесен во внутренний дворик посольства)

Библиографический список

1. Итоговый документ венской встречи 1986 года представителей государств – участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшейся на основе положений Заключительного акта, относящихся к дальнейшим шагам после Совещания. URL: www.osce.org/ru/mc/40885?download=true (дата обращения: 02.06.2016).
2. Михаил Горбачев и германский вопрос. Сборник документов 1986–1991 гг. / Предисл. и сост.: А.Галкин, А.Черняев. М.: Весь Мир, 2006. 670 с.
3. Поэты тютчевской плеяды / Сост. В.Кожин, Е.Кузнецова, М.: Советская Россия, 1982. 400 с.
4. Хильгрюбер А. Выдающиеся политики: Отто фон Бисмарк, Меттерних. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. URL: militera.lib.ru/bio/hillgruber/03.html (дата обращения: 02.06.2016).

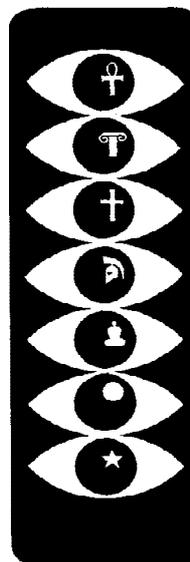
(Окончание следует)

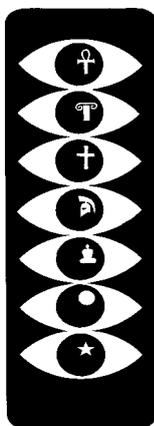
**Мы забываем по необходимости,
а не по желанию.**

Мэтью Арнольд

С первых дней своего существования история историков противопоставила себя социальной функции исторических воспоминаний.

Поль Вен

Владимир Дегоев

**ДИПЛОМАТИЯ ПЕТРА I
НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ
ЭТАПЕ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ
ВОЙНЫ 1686–1700 ГОДОВ¹**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
94(47)05

В четвертой части статьи речь идет о продолжении бескомпромиссного спора между русскими и турецкими делегатами Карловицкого конгресса. Стороны пытаются нащупать новые способы принудить соперника к уступкам. Прокопий Возницын употребляет весь свой опыт и всю свою изобретательность, чтобы выяснить, где та черта, за которую турки не отойдут. Тем же занимались его оппоненты, опираясь на тайную и явную поддержку англо-голландских посредников. Это и облегчало и затрудняло поиски путей выхода из дипломатического тупика.

The fourth part of the article contains the description of the next round of the uncompromising Russo-Turkish talks at Karlowitz. With the immediate prospects still in the haze the opponents tried their utmost to find out the weakest point in each other's diplomatic defense. Their desperate search for "optimal solution" made the chances for the breakthrough and collapse roughly equal.

Ключевые слова: Русско-турецкая война 1686–1700 гг.; Священная лига (1684–1699 гг.); Карловицкий конгресс; Петр I; П.Б.Возницын; П.В.Посников; А.Маврокордато; Рами Мехмед-паша; Вильям Пэджет; Якоб Кольтер.

Key words: Russo-Turkish War of 1686–1700; Holy League (1684–1699); the Congress of Karlowitz; Peter the Great; Procopius Voznitsin; Peter Posnikov; Alexander Mavrocordato; Rami Mehmed-pasha; William Paget; Jacobus Colier.

E-mail: degoev2013@yandex.ru

¹ Продолжение. Начало см.: Россия XXI. 2016. №№1, 2, 3.

IV. Из тупика

Этот странный *quid pro quo* Конференцию назначили на утро 22 ноября. Согласно предварительной договоренности, Возницын приехал почти за два часа до турецкой делегации, чтобы посоветоваться с посредниками и выведать, не изменилось ли их настроение. Но опытные послы старались уклониться от каких-либо обещаний, не желая быть пойманными на слове. Они, почти не лукавя, говорили, что сейчас главное для них – привести оппонентов к полюбовному соглашению, а каким оно будет – дело совершенно второстепенное. В искусстве обходиться общими фразами посредники поднаторели изрядно. К примеру, какую полезную информацию могло дать Возницыну заявление Пэджета и Кольера о том, что они адресуют и русским и туркам один и тот же призыв: поступайте друг с другом «как лучше»? [2, с.295, 302].

Попробуйте сегодня, в XXI веке, объяснить дипломатам, ведущим трудные переговоры по целому комплексу проблем, суть этого увещевания, а тем более заставить их руководствоваться столь прекраснодушным принципом. Не намного легче было Прокопию Богдановичу расшифровать это ничего не значившее «как лучше».

Другое дело – предостережение посредников, прозвучавшее весьма внятно: если упустите сегодняшний шанс помириться с Портой, следующего уже не представится. В желании смягчить угрожающий тон этого предупреждения, Пэджет и Кольер поспешили заверить Возницына (любопытно, чего это ради), что «они тоже христиане», и всей своей христианской душой радуют об общем благе «для чести имени» своих государств и умиротворения собственной совести [2, с.295, 302–303].

Был ли, в принципе, смысл в этом умягчении? Разве что церемониально-дипломатический, связанный с правилами политеса. Посредники плохо чувствовали настроение Возницына, в котором они предполагали страх перед перспективой упустить «последний шанс». Психологическое преимущество русского посла в том и состояло, что оснований испытывать страх у него не было. От этого он был защищен четкими и до сих пор неизменными инструкциями Петра.

Неудивительно, что незадолго до прибытия османской делегации Прокопий Богданович с легким сердцем оставил тему предстоящих

переговоров и переключил посредников на непринужденную светскую беседу. Предметного обсуждения главной проблемы не получилось.

Приехали турки. Возницын приветствовал («поздравлял») их пространной речью в лучших традициях дипломатического этикета. Сокрушаясь о наличии разногласий между сторонами («несходстве дела»), он заявил, что прибыл с искренним намерением уладить их и с надеждой на ответные, столь же чистосердечные усилия, направленные к «общей пользе».

По части красноречия османские послы в долгу не остались. «Многословесным изглаголением» они помянули прежние счастливые дни дружбы с Россией. Затем турки с удовлетворением повествовали о своих плодотворных трудах на конгрессе, имея в виду «иных союзных послов», с которыми удалось прийти к миру. И, наконец, последовало главное – обращенное к Возницыну предложение взять с тех послов добродетельный пример. Этим нехитрым экивоком фактически предопределялась общая позиция турок. Нельзя сказать, что она осталась без всяких изменений. Но об этом ниже.

Между тем, слово вновь взял Прокопий Богданович. Он сразу «приступил к той трудности о поднепровских городах», которая являлась главным препятствием к мирному соглашению. Скрыть и покинуть эти места царь не изволяет потому, что от них исходит угроза России и «иным многим государствам». Да и самой Порте хорошо известны нравы крымских татар, обывших жить воровством и дерзкими набегами на южные российские территории. Укрепленное устье Днепра нужно царю как заслон от их глубоких рейдов, в результате которых уводятся в полон много людей и наносится ущерб хозяйству. В этом справедливом доводе не было ничего нового. Но затем Возницын сделал ход, призванный, как ему думалось, морально помочь туркам пойти на уступку. Он сказал, что знает о бесполезности этих городков для Порты, отстаивающей их лишь «по наговору Хана Крымского», который хочет «корысть себе полученным пленом приобретать» [2, с.296–297, 303–304].

Османские послы согласились, что «в татарах есть то зло», и оно является причиной нарушения мира. Только такого отныне больше не будет, поскольку Порта заставит их зачехлить саблю и «пflug тянуть». А днепровские городки потребны султану не для какой-то прибыли, а для обеспечения непрерывной сухопутной связи между Крымом и султанскими владениями в Западном Причерноморье, Балканах и самой Анатолии. Путь этот будет прерван, если днепровское устье останется в

руках русских. Что касается Азова, так уж и быть: хотя «то место великое и славное», Порты отступает от притязаний на него [2, с.297, 304].

Турки впервые официально объявили об отказе от Азова. Они преподносили это как жертву, предполагающую возмещение. В действительности же их шаг был ничем иным как соблюдением исходного принципа конгресса *uti possidetis*. На какой-то момент показалось, что наметилось движение в сторону компромисса, ну, хотя бы – компромисса в турецком представлении.

Проблема заключалась в том, что у Возницына не было полномочий идти на такой вариант размена. Да и сам размен выглядел странно. Турки предлагали Азов, которым уже три года как не владели, и требовали днепровские городки, которые тоже находились в руках у русских. То есть предметами торга Порты сделала то, что ей не принадлежало. Эдакий *quid pro quo*² на османский манер.

Когда право слова перешло к Прокопию Богдановичу, он начал с похвалы в адрес Порты по поводу ее обещания унять татар. Однако посол отдавал себе отчет, что это обещание невозможно выполнить, если только не с помощью радикальной социально-военно-хозяйственной революции в Крымском ханстве, на которую султан никогда не решится по слишком очевидным причинам. По большому счету именно об этом дал понять туркам Возницын, напомнив Бахчисарайский мирный договор 1681 года, сопровождавшийся не просто обещанием, а торжественной султанской грамотой держать татар в узде. И продолжая, задавался вполне «сочувственным» вопросом: и как же султану взять такое обязательство, когда нет на них никакой управы? Во всяком случае за все эти годы ее не нашли или, сквозило между строк, не захотели искать, не смотря на многократные просьбы царя. А насчет «непрерывности» шляха через османские владения в Северном Причерноморье, Возницын просил несколько не волноваться. Для купцов, дипломатов и «прочих проезжающих людей» с соответствующими документами путь будет не только волен и безопасен, но и облегчен «всяческим вспоможением» с русской стороны [2, с.297–298, 304–305].

Затем без тени иронии Прокопий Богданович «обрадовал» османскую делегацию главной новостью. Было заявлено, что царь «за не-

² Латинский фразеологизм, часто употребляемый в международном праве для обозначения договоренности между спорящими (воюющими) сторонами об обмене территориями, населением, захваченными крепостями и т.д. Дословно: «услуга за услугу» или «то на то».

правды и многие убытки» намеревался крепко наказать крымского хана и взыскать с него в виде возмещения и залога безопасности русских владений город Керчь. Но из любви к Его Салтанову Величеству и в знак доброй воли в связи с предстоящим заключением отдельного мирного соглашения с Бахчисараем государь Петр Алексеевич великодушно отказывается от Керчи.

Возницын разыгрывал такой же фарс, как и турки: те «дарили» России уже не принадлежавший им Азов, а Возницын преподносил им в «подарок» еще не завоеванную русскими Керчь. Заметила ли османская делегация симметричность ситуации или нет, но поёрничать над сообщением Прокопия Богдановича себе позволила. Как же русские «уступают то, чего у них в руках нет»? – вопрошали послы. Что за прок от такого подношения?

Вновь вернувшись к главной спорной проблеме, турки, в ответ на аргумент о татарской угрозе, подняли вопрос об обеспечении в днепровских городках такого состояния, которое сегодня мы назвали бы «равной безопасностью» для обеих сторон. Они изъяснялись настолько витиевато, что Возницыну пришлось попросить их «о том сказать ему светло (ясно. – В.Д.)». «Светлое» объяснение оказалось такой приторной идилией, словно турки забыли, что перед ними не наивное дитя, которого можно потчевать подобными байками, а профессионал, много чего повидавший на своем веку. От предложенной Портой «гарантии» безопасности для Южной России впору было оторопеть даже дипломату, куда менее искушенному, чем Возницын. Вот ее простая и умильная суть: после ухода русских войск из днепровских городков султан поселит там самых добронравных и миролюбивых людей, чтобы у русских не возникло ни малейших поводов для тревоги [2, с.298–299, 305–306].

По-видимому, Возницын не сразу пришел в себя от этой смехотворной и издевательской идеи. Ему осталось одно: доиграть старую партию с патовым исходом. Но напоследок он не преминул выместить свое возмущение тем, что противник заканчивал серьезное дело на балаганной ноте. Как сообщает статейный список, Возницын говорил много. О чем и как? Можно лишь догадываться. Доподлинно известно, что закончил он свою речь категорично: сколько бы ни длились переговоры, никакой «меры уступки» в вопросе о днепровских городках не будет. [2, с.299, 306]. Возницын пошел ва-банк, заявив: «Война, так война! Российский Государь имеет довольно сил воевать и без союзников» [3, с.256]. Посол отнюдь не блефовал – за такую «творческую отсебятину»

можно было лишиться головы. На этот решительный ход он имел высочайшее соизволение.

Рами Мехмед-паша заколебался, но соглашаться на двухлетнее («малое») перемирие не хотел без конкретных гарантий со стороны Москвы. Полный список этих гарантий рейс-эфенди не раскрыл. Были, однако, основания полагать, что османских требований будет много. Пока же турки настаивали на принятии Россией обязательства в течение двух лет не строить на завоеванных территориях новых крепостей и не приводить в порядок старых.

От такого обещания Возницын воздержался, пытаясь склонить Рами Мехмед-пашу к подписанию перемирия «в общих терминах», без четких обоюдных обязательств, за исключением одного: прекратить военные действия, (Стамбулу) унять крымских татар и (Москве) – южно-российских казаков, приложив все старания к утверждению прочного мира [3, с.256–257].

Турки заупрямились, вновь потребовав возвращения днепровских городков, которые, как докладывал Возницын Петру 25 ноября 1698 г., нужны были им, чтобы запереть для России один из выходов в Черное море и обезопасить Крымское ханство. Вновь натолкнувшись на непреклонность Прокопия Богдановича, турецкая делегация не стала продолжать пререкания, вымотавшие обе стороны [3, с.257–258, 271, 482, 490].

Финал конференции, которую выпало завершить туркам, не обошелся без странностей. Сначала они твердо констатировали провал переговоров, ибо на русских условиях учинение мира никогда не состоится. С тем, дескать, и нужно разъехаться. И тут же заговорили о необходимости делимитации русско-османской границы. А это, по всем законам логики, оставляло открытым уже вроде бы закрытый днепровский вопрос. Возницыну, уловившему данное противоречие, предстояло обдумать его подтекст, если там имелся таковой. А пока он высказался за то, чтобы тему пограничных линий отложить до двусторонних (внеконгрессных) переговоров между Россией и Турцией. Османская делегация как будто не возражала, но еще раз подчеркнула, «что без отдачи тех городков они мириться не будут». После, казалось бы, оживившейся, но по-прежнему бесплодной дискуссии послы, наконец, разъехались [2, с.299, 306].

На этом съезде посредники, с тревогой наблюдая за развитием диалога, прилагали немалые старания, чтобы не порвалась та предельно истончившаяся нить, которая связывала противников надеждой на ус-

тупку одной или другой стороны. Они часто вмешивались в ход спора, мрачно замолкая, когда убеждались в непреклонности оппонентов. [2, с.299, 306].

Описанную встречу уместно было бы отнести к классическим примерам бесповоротного срыва переговоров, если бы события не получили дальнейшего продолжения. Весьма весомые факторы не позволяли поставить на этом точку. Располагать их каждый историк волен по-своему. Мы бы во главу угла поставили самого Возницына. Не уверен, что даже опытный современный дипломат в состоянии представить себя на его месте. Вот уж поистине: один в поле воин, один против команды умелых игроков, объединенных жаждой психологически измотать его и принудить к уступкам всеми правдами и неправдами. Как выстоять, выйти из глухой обороны, что-нибудь придумать, находясь за две тысячи верст от царственного тренера, который не видит игрового поля, получает меняющуюся картину происходящего с большим опозданием, а самое главное – не дает столь необходимых указаний? Сегодня такую безвыходность сложно себе вообразить любому руководителю российского посольства (хоть в Веллингтоне, расположенном в 17 тыс. км от Москвы), который за секунды может получить из своего МИДа подробнейшие инструкции в ответ на срочный запрос.

Впрочем, считать положение Возницына катастрофическим – заведомое преувеличение. Выход у него был. Дождаться официального окончания конгресса и, не подписав ни одного документа, вернуться в тепло и уют Москвы, что, в принципе, не противоречило полученной еще в Вене генеральной инструкции Петра. Ежедневные подробнейшие донесения, описывавшие безупречно добросовестные труды Возницына, противопоставленные изощренным обструкциям союзников, не говоря уже о противниках, вероятнее всего, послужили бы ему оправданием в глазах царя и высокосоветного мнения. Кто-то другой, возможно, удовольствовался бы таким оправданием как наградой. Но только не Прокопий Богданович. Он не хотел оправдываться. Он хотел предъявить результаты возложенной на него миссии, хотя бы в том объеме, в котором они были реально достижимы. Самым суровым Возницын считал для себя даже не физическое, а моральное наказание в виде светских сплетен о том, что государь находит его работу в Карловице топорной.

Эти размышления заставили его пересилить усталость, озлобление, укротить гордость и вновь искать пути к менее обидному и более конструктивному завершению своих трудов на конгрессе. Свою

сверхзадачу посол по-прежнему видел в том, чтобы избежать неправомогого шага, который ограничил бы Петра в свободе выбора между войной и миром.

Хотя турки уже дважды заявляли, что они дошли до последней черты уступок России, Возницын решил проверить до конца, так ли оно на самом деле и есть ли возможность «дожать» их. Некоторый оптимизм внушало то обстоятельство, что условия, выдвинутые османами на третьей конференции, отличались от того, что они требовали на первой и второй, в выгодную для России сторону. Как уже отмечалось, Проконий Богданович не пропустил мимо ушей идею об уточнении линии русско-турецкой границы – идею, служившую вполне пригодной зацепкой для возобновления контактов без ущерба для его самолюбия. И, наконец, желание посредников и союзников способствовать завершению русско-турецких переговоров на какой-то внятной ноте, оставляло для Возницына открытой возможность вновь обратиться к ним с просьбой устроить следующую конференцию.

Не теряя времени, Возницын в тот же день (22 ноября) отправился к цесарским и венецианским делегатам уведомить их о ходе дискуссии на съезде. Позиция Эттингена, Шлика и Рудзини была единодушной. Они советовали ему иметь «крепкое прилежание и попечение о совершении того мира». Их не интересовало, кто из спорящих сторон выгадает больше. Главное – как можно скорее закрыть эту историю, оказав давление на обе стороны. Визит русского посла дал им очередной случай применить эту методу. Ему пытались внушить, что сегодня надо брать то, что предлагают. Завтра Порты и этого не даст. Явно завышая цену своим услугам, союзные дипломаты рассказывали, с какой твердостью они отстаивают интересы России, и если турки соглашаются говорить с Возницыным, то лишь из уважения к цесарцам. В доказательство своего усердия Эттинген и Шлик открыли «тайну» о том, на какой рискованный шаг они решились ради него. Оказывается, когда австрийцы умоляли рейс-эфенди отдать Керчь, тот взбесился настолько, что швырнул на пол бумагу с соответствующим прошением и пошел прочь из комнаты, где это происходило. Насилу его удержали.

В заключение Возницыну уже не в первый раз объявили: если он не примет турецких условий, союзники подпишут мир без России, которая тем самым утратит шанс приобрести лучшее из возможного [2, с.299–300, 306–307].

**Почему безмолвствует
Москва?**

Конгресс испытывал участников не только на степень владения профессиональными талантами и навыками работать в обстановке непрерывного нагромождения новых проблем при нерешенности старых, остро

столкновения интересов, интриг, характеров, амбиций, но и на элементарную физическую способность выносить невыносимые условия ежедневного быта. «Стоим в степи, – пишет Возницын, – в людских и в конских кормах и в дровах скудость безмерная... а пришло время самое зимнее, и стужа и нужда (нужда – *В.Д.*) большая». Турки отпустили домой многих слуг из обслуживающего штата посольства. Оставшиеся рвутся к Возницыну «бить челом со слезами», чтобы хотя бы другим не мешал мириться, если сам не хочет, и не морил бы людей холодом и голодом. Как грустно пошутил посол, настроение у челобитчиков такое, что ненароком и убить могут, поскольку у него в карауле человек десять, остальных «за стужею» отпустил в Петервардейн [2, с.307–308].

Стужа стужей, но никто из союзников пока и не думал уезжать, хотя они непрестанно пугали Возницына, что зима заставляет их вести дела к скорейшему завершению, которое может случиться в любой день, ибо предварительные документы уже готовы, требуя лишь технической шлифовки и перевода на соответствующие языки. Что-то по-прежнему подсказывало Прокопию Богдановичу, что завершение, скорее всего, окажется не таким уж «скорейшим», как ему представляют.

Тем не менее отсутствие инструкций из Москвы, острая потребность в которых ощущалась давно, его сковывало и угнетало. Неоднократные запросы оставались без ответа. Среди почтовых отправлений в Москву от 25 ноября была составленная еще 18 ноября записка к Льву Кирилловичу Нарышкину, где посол отчаянно сетует, что кроме требования государя «туркам ничего не уступать... иными указами никакими я не определен, хотя я о том и не в одну пору писал». Здесь же Возницын умоляет главу Посольского приказа уведомить государя о положении дел в Карловице и выпросить инструкции. Показательно, что он совершенно не исключает вероятности получить от Петра карт-бланш на прекращение переговоров, и на такой случай уже готов нанимать в Венеции военно-морских специалистов [2, с.307–308].

Тут вновь всплывает один из весьма загадочных и принципиальных вопросов. Почему царь спустя 5 месяцев после Вены, где он дал последние указания своему послу, не захотел вносить в них никаких изме-

нений, зная, что ситуация будет непростой? В ответ вновь заявляет свои права на существование гипотеза, уже излагавшаяся нами в самых общих чертах. Все помыслы Петра были связаны с южными проблемами. Он *не желал мира с Портой*, но предпочитал, чтобы война продолжилась не по его вине. Не поэтому ли царь держал Возницына в Карловице, не внося изменений в неприемлемые для турок условия?

Позволим себе еще более смелое предположение. Петра по строгому счету не устроила бы и уступка Керчи, поскольку она лишила бы его повода отказаться от мирного договора и отложила бы на неопределенное время его грандиозные военные планы. Иными словами, государя несколько не огорчал тот тупик, в который зашли русско-османские переговоры. Еще больше его обрадовал бы общий провал конгресса и возобновление коалиционной войны. Не для того кипела судостроительная работа в Воронеже, чтобы удовлетвориться жалкими уступками Порты и пойти на мировую из опасения остаться без союзников, подлинная цена которых выявилась на конгрессе.

Мы уже имели и еще будем иметь случаи убедиться, что Возницын хорошо чувствовал настроение царя. В своих донесениях он деловито рассуждает о вероятности продолжения русско-турецкой войны и всем своим поведением на конгрессе намекает на отсутствие у Москвы страха перед ней. Мы говорим «намекает», поскольку Прокопий Богданович старался беречь свою профессиональную репутацию, понимая, что маститые дипломаты собираются на мирные конференции не для того, чтобы бряцать оружием.

Отчасти и из этих соображений Возницын подумывал попросить у союзников и турок двухмесячную отсрочку для получения царских инструкций. Но по здравом размышлении пришел к справедливому выводу, что он не получит и меньшей паузы, поскольку участники конгресса больше всего, похоже, опасались неприятных сюрпризов из Москвы.

Возницын, очевидно, не раз спрашивал себя, почему Петр подчеркнуто игнорирует все его просьбы об обновлении старых инструкций. Посол был слишком искушенным политиком, чтобы питать иллюзию, будто все мысли царя в Карловице (а не в Воронеже). Но и допустить, что государь забыл о конгрессе, где решается судьба войны и мира, Возницын тоже не мог. Оставалось то ли тешить свое самолюбие, то ли досадовать по поводу небезосновательной догадки о том, что Петр, безгранично доверяя своему дипломату, предоставляет Прокопию Бо-

гдановичу полную свободу действий в твердом убеждении в его исчерпывающем понимании военных и внешнеполитических задач России.

Похоже, правомерность своего предположения Возницын пытается выведать небесхитростным способом. 23 ноября 1698 г. он пишет Петру пространный доклад о ходе и итогах накануне состоявшейся конференции. Посол сообщает, что дал предварительное согласие на «малое (двухлетнее. – *В.Д.*) перемирие», пока не подписывая никакого официального документа. «Помилуй, милостивый Государь, если что не против твоего намерения учинено: ей (ей-богу. – *В.Д.*), учинил то по самой крайней нужде. А чтоб до миру всех не допустить, и того некоторыми делами учинить нельзя было; или б учинить мир вообще с другими: и к тому поступить за великими трудностями невозможно было; оставить тебя, Государя, одного в войне: и того учинить не смел же. Взял по твоему Государеву указу и по письму малое перемирие, в котором ограждено и написано *без всякой тягости* (курсив мой. – *В.Д.*). И те, при которых турки стояли, трудности, а именно: о нестроении вновь и непочинке городов (в устьях Дона и Днепра. – *В.Д.*), и о посылке в Царьград послов и о посредниках, насилу отговорил; тут же и хан Крымский не забыт. Однако же учинено то все в надежду твоей милости, размышляя то, что по сему постановлению как мир, так и война в твоей Государевой воле». Прямо говоря о нереальности открытого срыва конгресса (поначалу у Возницына такая надежда была), посол сообщал о своих попытках устроить так, чтобы его итоги не просто не исключали, а недвусмысленно обещали возобновление коалиционной войны. «Я их (союзников. – *В.Д.*) в тот армистициум звал и советовал, чтоб учинили то ныне, а не мир», – писал он. Однако цесарцы и поляки отказались [3, с.482–483].

В заключительной части послания Прокопий Богданович честно, хотя и рискованно для собственной профессиональной репутации, вновь (как и в донесении к Л.К.Нарышкину) хвалит своих оппонентов. «По правде, Государь, немцы знают, как свои дела вести, и сей мир сильною рукою и в потребное время сделали: перво, при союзных, неприятелю страшны; другое, в их руках и в их стране то дело (конгресс. – *В.Д.*); третье, сами они и им же в помощь союзники их посредники; четвертое, что турки зело сходны в нынешнее время к миру, и потому как бы не так могло дело их в совершенство прийти. Ныне, Государь, стоим за венецом (венецианцем. – *В.Д.*); только, чаю, не много ждать его станут. Я, сие покорно донесши, паки твоей Государевой милости молю: помилуй грешного убогого своего сироту; а лучше я сделать сего дела не умел, и

в том во всем как тебе, Великому Государю, Господь Бог по сердцу положит» [3, с.484].

Доклад царю преследовал сразу несколько целей:

- во-первых, показать, что, несмотря на «великие трудности» в виде созданной вокруг Возницына дипломатической блокады как средства психологического принуждения, а также непреклонной османской позиции, он ни на шаг не отступил от государева наказа (на всякий случай посол просит о «помиловании», если, он паче чаяния, не совсем точно трактовал данный наказ);
- во-вторых, Возницын пытается выяснить вопрос как о степени решимости Петра воевать против турок даже без помощи союзников, так и о его готовности к заключению мирного договора;
- в-третьих, Прокопий Богданович старался оградить себя от возможных монарших укоров, подчеркивая, что избранная им стратегия и тактика на конгрессе оставляет за царем полную свободу выбора.

Иначе говоря, Возницын пытается проникнуть в ход мыслей Петра, спровоцировать на исчерпывающее разъяснение его стратегических замыслов. Тогда он сможет приспособиться к ним и в заключительной фазе конгресса, и после него.

Призрак компромисса

Свою карловицкую миссию Возницын видел отнюдь не в томительном ожидании указаний из Москвы, которая хранила молчание и, кажется, не спешила его нарушать. Полагаясь на интуицию, он берет инициативу на себя. Поскольку турки переквалифицировали проблему днепровских городков в более широкий, но не менее спорный вопрос об уточнении русско-турецких границ, Возницын решил предложить компромиссный вариант, позволяющий обеим сторонам сохранить лицо и в то же время оставить за Петром конечный выбор между войной и миром. 25 ноября он пишет проект договора, в котором предлагается заключить краткое перемирие, и за это время без спешки (и, надо понимать, без назойливого давления внешних сил) уладить пограничный вопрос.

Новый документ заметно расходился с «десятью пунктами» (от 23 октября). Первые две статьи слиты в одну, где речь идет уже не о вечном мире, а о «мире в образе перемирия» или о «перемирных летах»,

против которых стоял пробел для заполнения уже после согласования этого срока между Возницыным и Рами Мехмед-пашой. А если царь и султан «по дружеской любви» соизволят продолжить такое благодатное состояние для своих подданных, то сделают это через своих послов [2, с.310–311].

Вместо прежней (третьей) появилась статья, где Возницын уже не вспоминал о Керчи, а соглашался принять турецкое предложение о «разводе земель и постановлении границ», но при условии, что оно будет представлено «на доношение» (*ad referendum*) Его Царскому Величеству. Если царь примет такую постановку вопроса, то к султану будет направлен специальный посол – «о том говорить и пристойное постановление чинить» [2, с.312].

Несколько иную, но столь же строгую редакцию получила статья, обязывающая Порту накрепко, под страхом сурового наказания, удерживать крымского хана и подвластные ему орды (крымские, очаковские, белгородские, черкесские, кубанские и иные) от разорения русских земель. Подчеркивая внешнеполитический аспект данной проблемы, Возницын говорил, что именно из-за этого «ссора и недружба» между государствами «уростают». В свою очередь и Москва обязывалась безжалостно предавать казням разбойников (слово «казаки», как и в «десяти пунктах», не употреблено), совершающих набеги на Крымское ханство [2, с.311–312].

Другие статьи «десяти пунктов» были сокращены, оставшись почти без изменений, за исключением соображений Возницына о том, как должно технически организовать обмен специальными посольствами с целью ратификации договора. К новому проекту прилагался чертеж днепровских городков.

26 ноября документ был отослан цесарцам, венецианцам и посредникам. В тот же день были получены ответы. Эттинген и Шлик нашли договор толковым, попросив лишь отметить в тексте миротворческое содействие императора Леопольда и «завершать дело свое поскорее» [2, с.314]. Затем проект прочитал Рудзини, который, как и австрийцы, нашел противоречие между 1-й и 3-й статьёй. В одном случае Возницын принимает принцип *uti possidetis*, в другом отдаляется от него, отказываясь договариваться на конгрессе о делимитации границ [4, №723].

Для Прокопия Богдановича тут, однако, никакого противоречия не было, ибо он придерживался своего понимания основного международно-правового фундамента конгресса. Академик М.М.Богословский справедливо заметил, что статью о границах «надо рассматривать как

попытку открыть выход из того положения, которое создалось упорством обеих сторон: турок, не хотевших мириться без разорения городков, и Возницына, не хотевшего на это разорение соглашаться. С его точки зрения вопрос о днепровских городках предопределен был принятым основанием "*uti possidetis*", но в Москве могли, не жертвуя своим достоинством, в случае надобности подвести его под статью о границах и согласиться на очищение городков в виде исправления границ» [1, с.407–408].

Организационная форма конгресса сама по себе предполагала секретность и скрытность переговоров. В такой атмосфере трудно было вовремя определить меру успешности в разрешении тех или иных проблем или меру удаления от позитивного результата. Между тем Возницын остро нуждался в надежной информации, чтобы соотносить с ней свои действия и при необходимости корректировать их радикальным образом. Мало было собрать сведения. Из них предстояло составить общую картину с ее внутренней динамикой, коллизиями, шансами на успех или провал. Прокопий Богданович выполнял эту головоломную работу мастерски. Его опытные помощники поспевали повсюду, где назревали или уже происходили важные события. Не ленился Возницын отправляться в охоту за новостями и самолично. Впрочем, на конгрессе имелись зоны, плотно закрытые для посторонних глаз.

Самая плотная завеса тайны окутывала австро-турецкие встречи. Верить тому, что сообщали об их содержании Эттинген и Шлик, русский посол считал наивным. Но путем сличения различных источников информации, косвенных признаков и многозначительных намеков не очень осторожных собеседников Возницын умудрялся проникать в суть вещей, скрываемых цесарцами и турками с особой тщательностью.

По мере обострения отношений между некоторыми участниками конгресса Прокопий Богданович старался создать, насколько это было реально, доверительную атмосферу с нужными ему людьми, чтобы через них узнавать больше, чем ему позволяли цесарцы и посредники. С польским и венецианским послами он держался принципа «откровенность за откровенность»; разумеется, в тех пределах, что допустимы правилами и традициями дипломатии, которые не исключали тонкой симуляции чистосердечия с обеих сторон.

26 ноября через подъячего Михайла Родостамова пан Малаховский был уведомлен об очередной конференции с турками, где опять осталась непреодоленной «великая трудность... о неотдаче поднепровских городков».

Поблагодарив Возницына за информацию, польский посол тоже сообщил о своих проблемах с турками, которые соглашались на уступку Каменца при условии, что они возьмут себе весь его огромный арсенал, в основном пушки. Малаховский пообещал «стоять крепко» в данном вопросе. Прокопий Богданович одобрил его позицию, как фактор, создающий дополнительные препятствия к заведомо невыгодному для Польши и России завершению конгресса. Чтобы поддержать союзника в «крепком стоянии», он заявил, что не оставит польского посла без помощи и не станет приводить свои дела с турками к окончанию, пока не будут удовлетворены поляки [2, с.315].

**С ним вполсилы
не поиграешь**

Растущее внимание цесарцев и посредников к Возницыну укрепляло его в догадках, что конгресс принимает не то направление, которое они пытались ему задать изначально. С какой стати вся эта союзно-

посредническая братия, до этого в упор не замечавшая русских требований, вдруг с таким энтузиазмом стала интересоваться новым проектом Возницына? Тут тебе и ежедневные присылки гонцов с просьбой не посчитать за труд сделать то одно, то другое пояснение, связанное с поднепровскими городками. Тут тебе и признаки особого усердия в организации новой конференции с турками. Тут тебе и явная перемена тональности в общении – прежние сухие и формально-протокольные уведомления, одобренные почти повелительным наклоном, уступают место просительным нотам и вежливым призывам внести вклад в общее дело прекращения войны.

Поднепровские городки, ранее воспринимавшиеся посредниками едва ли не как упрямая детская прихоть Возницына, становятся предметом их более глубокого изучения. 28 ноября Пэджет прислал своего секретаря с просьбой растолковать чертеж, составленный в русском посольстве. С этой целью к посредникам был отправлен Посников, который помог им изучить карту и ответил на вопросы, весь смысл которых заключался в желании выяснить: неужели для вас это так важно? [2, с.315–316].

Обстановка секретности, насаждаемая в Карловицах посредниками (и цесарцами), стала оборачиваться против них. До поры до времени они были целиком сосредоточены на австро-турецких переговорах, заботясь лишь о том, чтобы союзники знали об этих встречах ровно

столько, сколько нужно для их успешного завершения. Но потом сама жизнь заставила осознать, что конгресс это не только решение проблемы мира между Веной и Портой, а целый комплекс преимущественно сталкивающихся и лишь отчасти совпадающих интересов всех участников. Международные переговоры, имеющие целью подписание мирного соглашения между двумя государствами, конгрессом называть не принято.

В Карловице, однако, дело шло не просто о терминах. Чем обернется общая военно-политическая и дипломатическая ситуация в Европе в ближайшем будущем, если в результате многолетней войны Священной лиги с Османской империей будет достигнут только сепаратный мир между Веной и Стамбулом? Да и пойдут ли на это турки, закрыв глаза на тот факт, что в состоянии войны против них останутся Россия, Венеция и Польша? Воевать не на четыре, а на три фронта, даже если твой самый грозный соперник (Австрия) вышел из игры, большое ли это утешение для Порты, когда его место готово занять набирающее могущество государство, уже доставившее туркам столько неприятностей и, кажется, не последних?

Стамбул был решительно против того, чтобы Священная лига выступала на конгрессе единым субъектом. Четыре отдельных договора с каждым участником союза – вот практическая цель османской дипломатии, которая отказывалась рассматривать эти соглашения как некую систему с внутренними логическими связями. При этом турок совершенно не интересовало, соответствует ли их представление о таком формате переговоров понятию *конгресс*.

Австрийцы разделяли подобный подход. Конечно не потому, что они не знали, чем конгресс отличается от двусторонних мирных переговоров, а потому, что им в данном случае подмена понятий была выгодна.

Вместе с тем, и турки и цесарцы, возможно, с самого начала подозревали, что их «хитроумный» план, даже при наличии мастеровитых помощников в лице англичан и голландцев, не так уж прост в осуществлении. Он прямо задевал достоинство России, Венеции, Польши, официально отводя им роль второразрядных участников конгресса и толкая на поиски каких-то форм противодействия келейному сговору. И хотя до возникновения сплоченной оппозиции дело едва ли могло бы дойти, такая ситуация ставила под сомнение успешное претворение в жизнь австро-турецкого замысла. Кроме того Порты получала возможность поставить в качестве условия своего согласия на мир с цесарцами их готовность отвергнуть «чрезмерные» требования русских, венецианцев

и поляков. Были в руках у турок и другие средства манипуляций. Почему бы, к примеру, не потребовать одновременного подписания всех четырех договоров в минимально ущербных для Порты редакциях? Одним словом, османские послы, звавшие о степени заинтересованности Австрии в прекращении войны, хотели, чтобы она купила мир ценой не только собственных уступок, но и принуждением своих союзников к «благоразумному» поведению. Это вносило в и без того непростой контекст австро-турецких переговоров дополнительные проблемы, непредсказуемый потенциал которых пугал Вену.

К концу ноября эта непредсказуемость отнюдь не развеялась, несмотря на постоянные заявления посредников, что австрийские и османские дипломаты близки к полюбовному соглашению. В подтексте этого аффектированного оптимизма скрывался призыв к России, Венеции и Польше: поскорее приводите свои дела с турками к мирному окончанию, а то останетесь ни с чем. Придать больше достоверности этим угрозам невольно помогали слухи о том, что рейс-эфенди действительно спешит покинуть Карловиц из-за нестерпимых погодных условий.

Эта психологическая атака кое на кого подействовала. Только не на Возницына. Он становился тем спокойнее, чем усерднее пытались царьцы, англичане и голландцы загнать его в цейтнот. И причина такого хладнокровия их весьма озадачивала. Тонкого мастера интриг Пэджета просто бесил тот факт, что он не находил ответа на вопрос: блефует ли Возницын, ссылаясь на отсутствие иных указаний из Москвы, кроме тех, от которых ему нельзя отступить? Ведь от этого ключевого момента зависел и выбор линии поведения с русским послом. С одной стороны, Возницын переделывает проект договора с турками и предлагает обсудить его на новой конференции. С другой, не скрывает неизменности своей позиции в днепровском вопросе. Что тогда обсуждать на этой встрече?

Надменному англичанину были ненавистны головоломки, которые ставили перед ним другие. Использование таких приемов он считал собственной привилегией. А тут Возницын своей несуетностью вынуждал Пэджета гадать на кофейной гуще. Неужели за все это время посол так и не получил из Москвы никаких корректирующих установок? В это трудно было поверить. А раз так, значит, у него есть секретная инструкция: стоять в спорном вопросе до последней возможности, и лишь в самом крайнем случае отдать городки. Посему, полагал Пэджет, давить на Возницына нужно с той силой и до тех пор, пока он не сочтет, что

«крайний случай» наступил. Но как давить на человека, всем видом своим убеждавшего, что ни один из возможных исходов конгресса его не огорчит?

В принципе, метод, с помощью которого Пэджет проанализировал ситуацию, был достаточно логичным и корректным, чтобы избавить самоуверенного английского дипломата от желания искать изъясны в этой «образцовой» конструкции. Откуда же этому поклоннику законов рационального мышления было знать, что все обстояло гораздо проще?

И все же что-то мешало Пэджету до конца освободиться от смутных сомнений: поди пойми этих русских. Как бы там ни было, он уже воспринимал Возницына как игрока, с которым нельзя играть вполсилы.

В царе «несть страха» пред войной

30 ноября Прокопий Богданович приехал на встречу с посредниками, которая состоялась в главном конференц-зале. На столе была разложена карта Черного моря. Русского посла приняли обстоятельно расспрашивать о «всех местах», прося не обессудить за столь дотошное любопытство: «чтобы не имел он то за истязание (допрос. – *В.Д.*), токмо они хотят ведать для лучшего согласия» [2, с.316, 323]. Прокопий Богданович, казалось, находился в благодушном настроении, необходимость догадываться о причинах которого вызывала у присутствующих недоумение и раздражение. Ясно, что прямо задать ему вопрос – «отчего вы так спокойны, когда дела запутываются все больше?» – никто не смел.

Возницын спокойно и обстоятельно объяснял, что на той карте верно, а что нет. Посредники перешли к поднепровским городам, давая понять, что согласны с мнением турок об исключительном значении этих пунктов, блокирующих османские стратегические коммуникации. Посол сказал, что это заблуждение. Турки и татары пользуются свободным сообщением между Крымом и Очаковым. Недавний пример – переброска 20 тысяч янычар из Очакова в Крым. На возражение посредников о том, что это была силовая операция, Возницын невозмутимо ответил: когда будет мир, то и нужда в применении силы пропадет. Говорили часа два. Потом Пэджет и Кольер сообщили о скором приезде турок. Тут Прокопий Богданович озадачил посредников в очередной раз уточнением, что «он призван не на съезд с турецкими послами, токмо с ними на разговор», и главным условием этого разговора будет согласие

османской делегации дать четкий ответ на новые письменные предложения Возницына. Иначе «говорить с ними ныне не о чем» [2, с.316, 323–324].

Англичанин и голландец разнервничались не на шутку. Они заявили, что если встреча с подновленной повесткой дня назначена, то она должна состояться непременно. На Возницына вновь обрушились упреки о его неверном толковании принципа *uti possidetis*: он, дескать, таков, какими его единодушно приняли другие союзники и турки.

Тем временем пришло сообщение, что рейс-эфенди отказался ехать на переговоры и послал вместо себя Маврокордато. С точки зрения протокола, Рами Мехмед-паша позволил себе не слишком учтивый жест, и русский посол мог вполне ответить тем же. Но отказать во встрече такому человеку, как Маврокордато, тем более уже ожидавшему «в сенях» и просившему о неофициальной беседе... Оставлять столь тягостный осадок в своей христианской душе Возницыну не хотелось. Кроме того, было бы неразумным упускать удобный момент для обсуждения сложных вопросов не под испытующе-подозрительными взглядами рейс-эфенди, а в конструктивном общении с великим драгоманом, к которому посол питал не только единоверческую симпатию. Не будем, впрочем, забывать, что как-никак встречались должностные лица, представлявшие два враждующих государства, пока так и не нашедшие пути к миру.

Беседа, естественно, велась в присутствии посредников, что исключало ту степень откровенности и приязни, которыми отличались конфиденциальные свидания Возницына и Маврокордато. Здесь же они были противниками, стоявшими по разные стороны барьера, чтобы отстаивать интересы своих держав в дипломатическом состязании аргументов, логических ходов, толкований, казалось бы, одних и тех же понятий. Оставаясь непреклонными в своих взглядах, оппоненты продемонстрировали искусство ведения дискуссии в таком ключе, когда брезжит перспектива медленного сближения позиций до той точки, которую очень условно можно назвать компромиссной, и с несколько большей уверенностью – выходом из тупика.

Выступивший первым Возницын предложил максимально разгрузить повестку дня, а именно: «иные трудности отставя», обсуждать только проблему поднепровских городков. Посол хотел вычленив главный объект торга и, сконцентрировав на нем все усилия, выиграть партию. Верил ли он в такую возможность, имея перед собой искусного

соперника, или нет, но, по крайней мере, был сделан четкий ход, требовавший столь же недвусмысленного ответа.

Маврокордато стремился уклониться от него с помощью весьма конструктивной идеи: составить документ, в котором были бы детально запротоколированы разногласия и трудности в решении днепровской проблемы, чтобы выделить ее в отдельный предмет русско-турецких отношений и позже рассмотреть в двустороннем порядке.

Возницын, скорее всего, оценил изобретательность великого драгомана. Однако почувствовав, что Порта в принципе не отказывается (как это с неизменной категоричностью делал Рами Мехмед-паша) хотя бы от дискуссии по данной проблеме, Прокопий Богданович попытался усилить давление. Как знать, не вдохновился ли он еще и тем фактом, что рейс-эфенди не появился на встрече? Ведь это могло быть расценено не только как непоколебимая приверженность прежней позиции, но и как нежелание присутствовать на конференции, где придется пойти на уступку. Пусть уж эту унижительную миссию выполнит Маврокордато.

Возницын выступил против. «Лучше все разрешить ныне», – сказал он. А если османская делегация надеется заполучить поднепровские городки, перенеся переговоры в Стамбул, то от этой мысли следует вовремя отказаться. Царь об отдаче тех городков как ныне, так и впредь не мыслит [2, с.317, 324]. В зале повисла тягостная тишина. Судя по угрюмым лицам посредников, они были совершенно растеряны. Пэджет наконец понял, что решимость Возницына идти до конца – не самоуправство и не блеф, а воля русского государя.

В состоянии оцепенения пришел и Маврокордато. Помолчав, он спросил: «что будет далее?» Прокопий Богданович ответил, что будет война, если не помириться. Великий драгоман в отчаянии умолял измыслить хотя бы какой-нибудь способ избежать ее, найти приемлемую для обеих сторон точку, от которой легче двигаться к миру.

Возницын по-человечески сочувствовал своему коллеге. И себе тоже. Оба они были повязаны необходимостью подчиняться строгим предписаниям своих монархов. И оба искренне стремились найти какой-то выход. В желании убедить в этом друг друга, они, кажется, уже перестали обращать внимание на присутствие посредников.

Русский посол заявил, что полностью разделяет миролюбивое умонастроение Маврокордато. В голосе Возницына усиливались отчаянные интонации человека, которого не слышат или не хотят слышать. Он говорил буквально следующее: как же вы не можете понять, что я тоже всецело за мир, и за этот мир уже ничего не прошу, кроме самоочевид-

ного – соблюдения фундаментального принципа конгресса (*uti possidetis*) без всяких изъятий, добавлений, поправок, двойных толкований [2, с.317–318, 324–325].

Маврокордато в своей пространной речи просил понять и его: туркам «без тех городков отнюдь мириться невозможно». Но коли возникла столь безвыходная ситуация, есть смысл в том, чтобы учинить малое перемирие (или амнистициум).

Это было то самое предложение, с которым прежде выступал Возницын, но тогда турки отклонили его, подозревая русских в стремлении выиграть время для основательной подготовки продолжения войны. Теперь, когда на перемирие согласилась Порты, заартачился Прокопий Богданович. Логику своего отказа он раскрыл на удивление откровенно, да еще в присутствии посредников. Согласно его рассуждениям, Россия, «сделав мирок», может попасть в невыгодное положение, если союзники заключат полноценные мирные договоры и тем самым оставят русских один на один с турками. Если же он воздержится от мира, «так и другие не помирятся».

Тут, возможно, Возницын действовал с излишней откровенностью, если, разумеется, в ней не скрывался заведомый расчет. Фактически он объявил и туркам, и посредникам, что продолжает настаивать либо на идее согласованного и одновременного подписания мира между Священной лигой и Османской империей при удовлетворении интересов победителей, либо на продолжении коалиционной войны. Это был смелый ход, нацеленный на выяснение реальных шансов на тот или иной исход. Ведь это заявление нельзя было оставить без ответа, обещавшего, как надеялся Возницын, содержать информацию, которой ему не хватало. Он приглашал соперника к игре в открытую.

Маврокордато, на первый взгляд, принял приглашение, но на самом деле открыл только те карты, которые представляли положение вещей в выгодном для Порты свете, укрепляя ее дипломатические позиции. Наряду со сведениями, близкими к действительности, он спешил ввести в бой неподтвержденную информацию и свои несколько самоуверенные предположения. Выслушав Прокопия Богдановича, великий драгоман неожиданно рассмеялся. Он не смог сдержать эмоции, чтобы выразить свое скептическое отношение к наивному взгляду своего коллеги. Поскольку такая, пока еще совершенно необъяснимая для Возницына, реакция могла задеть его самолюбие, Маврокордато тут же меняет тон, говоря: «он не как посол токмо, (а) как единый ему древний друг и искренний брат и приятель христианскою душою объявляет, чтоб он не

блазнился и в союзных своих... надежды не имел». Союзники, заверял дипломат, все свои дела с турками окончили, и ждут только русских, у которых на всё про всё лишь несколько дней. По их истечении Возницын останется без договора. Прокопий Богданович сказал, что не верит этому. Тогда Маврокордато попытался убедить его пересказом собственных тайных бесед с союзными дипломатами, якобы признавшимися в расхождении с русскими в понимании принципа *uti possidetis*. Это было «дружеское» уведомление о том, что на конгрессе все, кроме Возницына, исходят из широкого толкования этого принципа. Пора бы и ему принять данную реальность [2, с.318, 325–326].

При несомненном наличии приязни между этими людьми без элементов лукавства в их общении не обошлось. В ответ на передачу «секрета» о намерении союзников Возницын раскрыл свою «правду» с просьбой «не гневаться на него» за это. Царь, сказал посол, «с крайним желанием хочет быть в миру» с султаном, но если союзники его предадут, «неправедно поступя», то Порте должно быть ведомо, что в русском государе «несть страха» и он «один в войне пребыти намерен». Маврокордато заявил, что в Стамбуле на сей счет никогда никаких сомнений не было [2, с.318–319, 325–326].

Вновь наступило молчание, как будто собеседники хотели отдышаться от этих признаний. Нежелание великого драгомана заканчивать съезд на безысходной ноте чувствовалось во всем. После паузы последовал то ли экспромт, то ли отложенный на крайний случай ход. Возницына спросили, не изволит ли он, чтобы для продолжения разговора приехал рейс-эфенди. Быть может, впервые с начала конгресса перспектива встречи с Рами Мехмед-пашой, встречи, которой русский посол когда-то искал с такой настойчивостью, не вызвала у него интереса.

Не в этот ли момент Прокопий Богданович припомнил, сколько раз посредники и цесарцы отказывали ему в праве на присутствие там, где оно в их глазах было нежелательно, и в праве на информацию, касающуюся интересов России? И все это делалось со ссылками на протокольные правила конгресса. Теперь Возницын не отказал себе в удовольствии не без легкого сарказма намекнуть на свою готовность придерживаться таких правил, заявив, что не в его воле решать подобные вопросы. К тому же, выглядело все это как-то нелепо еще и с точки зрения логики: вначале рейс-эфенди вольно или невольно демонстрирует свое высокомерие и твердость характера, а затем готов появиться на уже практически завершившихся переговорах. Зачем?

Именно этот вопрос задал Возницын с недвусмысленным пояснением. Если Рами Мехмед-паша собирается отказаться от своих требований, то русская делегация подпишет мирный договор хоть сейчас. Если же он по-прежнему хочет настаивать на передаче поднепровских городков, то пусть не утруждается приездом. Вновь наступившая тишина свидетельствовала о том, что позиция рейс-эфенди осталась неизменной. Возницын предложил считать дискуссию исчерпанной и поднялся с места [2, с.319, 326].

Испугавшийся Маврокордато почти по-детски попросил Прокопия Богдановича, «чтоб он посидел еще». Похоже, грек уже перестал заботиться о том, что его попытка любым путем задержать Возницына выглядела смешной. Она была похожа на личную жертву во избежание продолжения войны. В стремлении не допустить необратимого разрыва он осознанно загоняет себя в комическое положение трогательным историко-эпическим повествованием о «древней дружбе» между Россией и Турцией, не стесняясь тем обстоятельством, что участники конгресса уже слышали эту поэму много раз.

Остаться в состоянии войны с русскими в планы Порты не входило. Эту линию Маврокордато проводил тем усерднее, что она отвечала его собственным представлениям о путях достижения какой-то стабильности в русско-турецких отношениях.

Он подтвердил согласие Турции на армистициум, хотя она предпочла бы заключить настоящий мир или долгое перемирие. Маврокордато все глубже осознавал: на конгрессе в лучшем случае удастся добиться взаимного согласия на прекращение военных действий. Обо всем остальном Москве и Стамбулу придется договариваться позже. Это подрывало миротворческую репутацию столь крупного дипломатического собрания. Но тех, кто был близок к тому, чтобы получить свое (цесарцы), кажется, это не беспокоило.

Дело, однако, приняло такой оборот, что и армистициум превращался в проблему. У Возницына имелись основания полагать, что перемирие это не более чем иная форма выключения поднепровских городков, переговоры о которых вне конгресса с его ограниченным регламентом можно вести до бесконечности. Прокопий Богданович предложил прекратить хождение вокруг да около: «лучше нам, – сказал он Маврокордато, – друг у друга знать дружбу, или не дружбу ныне, нежели что впредь отлагать» [2, с.320, 326–327].

Посредники молчали. Таким Возницына они, пожалуй, еще не видели. Именно им давал он понять своим жестким тоном, что к сказанному

ему добавить нечего. И именно этим он выражал свое отношение к их «честному маклерству», благовидно прикрывавшему намерение оставить Россию у разбитого корыта.

Парадокс был в том, что в данный момент Прокопий Богданович испытывал неприязнь отнюдь не к человеку, к которому обращал свои резкие слова и который представлял враждебное государство, а к Пэджету и Кольеру, клявшимся использовать все свои посреднические таланты в интересах России. Намек был схвачен на лету. Англичанин и голландец молча встали и покинули зал.

Что касается Маврокордато, то с ним, напротив, Возницын расставался по-приятельски. Грек сказал, что он не прощается, ибо рейс-эфенди до отъезда из Карловица непременно хочет видеться с русским послом «неоднократно», чтобы «сыскать всякого способом, как бы обновить между обоими Великими Государями (царем и султаном. – *В.Д.*) дружбу». Возницын заверил Маврокордато в своем неизменном «приятстве» к нему и в готовности употребить все свое усердие в деле достижения согласия [2, с.320, 327]. Как видно, в отсутствие посредников послы общались совсем в другом тоне. Не стоит ли тут предположить, что англо-голландские услуги применительно к русско-турецким переговорам изначально таили в себе деструктивный потенциал?

Две новости в первый день декабря

Используя лексику моряков, можно сказать, что Возницын продолжал находиться в одиночном плавании при неясных погодных перспективах. Крушение ему, конечно, не грозило. Однако вернуться в родную гавань с утраченным грузом, полными трюмами воды и потрепанными парусами ему, как профессионалу, не хотелось.

Его беспокоила услышанная на конференции 30 ноября новость о почти подписанных договорах между союзниками и турками, что звучало для Возницына как ультиматум и грозило полной дипломатической изоляцией. Повторимся: паники по этому поводу посол не испытывал, но и для особой радости оснований тоже не было. Каковы бы ни были военные планы Петра, и как бы горячо ни разделял их Возницын, профессиональная честь не позволяла ему предстать перед государем с докладом о том, что в Карловице мир с Турцией подписали все участники Священной лиги, кроме России, которой предоставили свободу

воевать с турками в одиночку. Понятно, что ехать ради этого на конгресс не имело смысла.

Первое, что не терпелось сделать Возницыну после русско-турецкой встречи 30 ноября, было желание проверить сведения о вступлении конгресса в завершающую стадию. Достоверно узнать о подлинной ситуации послу хотелось еще и потому, что заверениями о «блиском окончании дел» посредники и цесарцы начали шантажировать его более 10 дней назад.

1 декабря Возницын встретился с Рудзини и откровенно рассказал ему о содержании вчерашней, как всегда, тяжелой дискуссии с турками и о «секретном» сообщении Маврокордато, и о достигнутом между союзниками твердом согласии оставить русских один на один в войне с Портой. Рудзини, удивленно посмотрев на Возницына, сказал, что османский дипломат мог иметь в виду кого угодно, только не венецианского посла, который еще ни с кем своей позицией в этом вопросе не делился [2, с.320–321].

Тогда Прокопий Богданович поставил вопрос «без церемоний»: готова ли Венеция помириться с Портой и тем самым присоединиться к политике изоляции России? Рудзини, помолчав, перешел на шепот. Посол откровенно признался, что венецианцам «одним пребыть в войне (с Турцией. – *В.Д.*) невозможно». И тут Возницын произнес фразу, на которую он, не чувствуя благословения царя, никогда бы не решился: «не одним, с нами».

Ответа не последовало. Рудзини, видимо, был озадачен. Полномочиями обсуждать такие темы он не располагал. Однако, питая к Возницыну симпатии, венецианец позволил себе предупредить собеседника, что главные кураторы сепаратных, а значит антирусских, договоренностей – цесарцы и польский посол. Согласно его сведениям, их дела близятся к концу [2, с.321, 327–328].

При всей важности состоявшегося разговора Возницын понимал, что откровенность Рудзини еще не гарантия его исчерпывающей осведомленности. Многие ведь скрывалось и от него. В сообщении о наступлении заключительной фазы конгресса новизны не было. Но насколько оно было достовернее, чем прежние известия такого рода? Выяснить это предстояло из других источников.

Новости из других источников оказались малоприятными. В тот же день (1 декабря) Малаховский прислал своего нарочного известить Возницына, что хотя польско-турецкий договор еще не подписан, его содержание уже фактически согласовано. Польша получала Каменец и

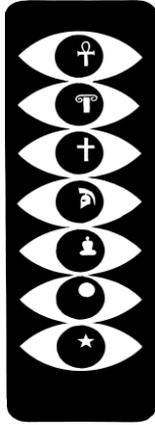
освобождение от выплаты дани крымскому хану; проблема каменецкого оружейного арсенала откладывалась до особой двусторонней конференции.

Русский посол попытался предотвратить этот предательский удар со стороны польского союзника. Освежая память пана Малаховского, Возницын пишет ему письмо, напоминающее о существовании русско-польского Вечного мира 1686 года, согласно которому ни одна сторона не имеет права без согласия другой вступать в соглашения с турецким султаном и крымским ханом. Требуя выполнения данного обязательства, Прокопий Богданович предупреждает, что в противном случае и он оставляет за собой право заключить с Портой договор, который придется полякам не по душе, намекая на то обстоятельство, что если турки захотят вернуть себе разоруженный Каменец, то у Москвы будет полное моральное основание не мешать им [2, с.321–322, 328–329].

Библиографический список

1. Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. М.: Госполитиздат, 1946. Т.3. 503 с.
2. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб.: Тип. II отд-ния С.Е.В. канц., 1868. Т.9. Памятники дипломатических сношений с Римскою империею (с 1698 по 1699 год). 1230 стб.
3. Устрялов Н. История царствования Петра Великого. СПб.: Тип. II отд-ния С.Е.В. канц., 1858. Т.3. Путешествие и разрыв с Швецией. 532 с.
4. Шмурло Е. Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого. Юрьев: Тип. К.Маттисена, 1903. Т.1. 1693–1700. 728 с.

(Продолжение следует)

Жорес Медведев

ПЕРЕСТРОЙКА ДО ОСНОВАНИЯ¹

УДК
929.82-94

Придя к власти после поражения ГКЧП, Ельцин издал указ, прекративший выход основных центральных газет. Сохранилась лишь «Известия», осуществив преобразование из государственной в акционерную газету. Верховный Совет Украины, переименованный в Верховную Раду, объявил полную независимость республики и назначил референдум о выходе из состава СССР. Аналогичные решения принимались и в других советских республиках. Эти решения разрушали единую экономическую структуру СССР и затрудняли работу крупных промышленных предприятий, прежде всего военных, атомных и космических. Запрет деятельности КПСС и КПРФ привел к созданию новых коммунистических и социалистических партий. Одной из них стала Социалистическая партия трудящихся, идейным лидером которой был Р.Медведев. Все члены ГКЧП и Председатель Верховного Совета СССР А.Лукиянов были арестованы. Однако обвинения против них не были юридически сформулированы. СССР существовал, и М.Горбачев сохранял пост его президента. Наиболее острой оказалась проблема выплаты государственных валютных долгов. Референдум на Украине, подтвердивший ее независимость, стал первым актом полного распада СССР.

After defeat of GKChP the main state owned newspapers were closed by Yeltsin's decree. "Izvestia", however, survived, due to privatisation. The Ukrainian Supreme Soviet renamed as Supreme Rada declared referendum on full independency. Similar decrees in other republics of the USSR were destructive for soviet industry, particularly military, atomic and space branches. The ban on the Communist Party of the USSR and CPRF resulted in the formation of many smaller left-oriented parties. One of them was the Socialist Party with R.Medvedev as one of its leaders. All members of GKChP and the speaker of the Supreme Soviet Anatoly Lukyanov were arrested. M.Gorbachev was still the president of the USSR and the main problem remained the payment of huge Soviet state debt. The referendum in the Ukraine which confirmed its independence was the main step of the full desintegration of the Soviet Union.

Ключевые слова: «Известия»; независимость Украины; советская экономика; Рой Медведев; Михаил Горбачев; государственный долг.

Key words: "Izvestia"; independence of the Ukraine; soviet economy; Roy Medvedev; Michail Gorbachev; state debt.

E-mail: zhmedvedev@yahoo.co.uk

¹ Продолжение. Начало см.: Россия XXI. 2015. № №3–6; 2016. №№2, 3.

Известия

Газета *Известия* считалась наиболее информативной и популярной в Советском Союзе, и ее тираж приближался к 13 миллионам экземпляров, превышая тираж *Правды*. Я получал

Известия по подписке, оформленной еще в 1973 г. В то время каждый ее выпуск стоил 3 копейки; сейчас, из-за инфляции, 25 копеек. За событиями в Москве я следил в основном по выпускам газеты 20–24 августа. 20 августа были опубликованы основные документы ГКЧП, «Обращение ГКЧП к советскому народу», датированное 18 августа, «Заявление Анатолия Лукьянова», о котором я раньше писал, а также заявление Комитета Конституционного надзора СССР, обращавшего внимание на то, что распространение Чрезвычайного положения на всю страну требует одобрения Верховного Совета СССР.

Председатель ВС РСФСР Р.И.Хасбулатов созывал внеочередную сессию на 21 августа. Председатель Верховного Совета СССР А.И.Лукьянов назначал внеочередную сессию на 26 августа. 22 августа *Известия* неожиданно внесли коррективы в собственное название. Газета была основана в марте 1917 г. как *Известия Петроградского Совета рабочих депутатов*, но затем «петроградский» ареал расширился до общесоюзного. С 1977 г. газета называлась *Известия Советов народных депутатов*, и справа от этого названия стояло изображение герба СССР. Слева от названия газеты изображались и ордена, которыми газету награждали в разные юбилейные годы; сначала Орден Трудового красного знамени, затем Орден Октябрьской революции, а потом и Орден Ленина. Сверху от заголовка газеты был традиционный лозунг «Пролетарии всех стран, соединитесь!», повторявшийся на языках союзных республик. В четверг 22 августа слева от названия газеты исчезли изображения всех ее орденов, а сверху – и лозунги о пролетариях. Удалили и герб СССР. В пятницу 23 августа из названия газеты удалили и текст о том, что она является *Известиями Советов народных депутатов*. Теперь это была просто газета *Известия*. Ранее *Известия* были государственной газетой. Но теперь, сменив главного редактора, газета перешла в собственность ее журналистов и провела перерегистрацию, став акционерной. Это спасло ее от закрытия, но полностью изменило характер репортажей, потерявших объективность. 23 августа Борис Ельцин

августа Л.Кравчук объявил о своем выходе из рядов КПУ и об отставке с поста лидера этой партии. Одновременно с этим, уже как Председатель Верховного Совета УССР, Кравчук экстренно созвал внеочередную сессию ВС УССР, на рассмотрение которой была поставлена декларация о независимости Украины.

«Суверенитеты», о которых объявляли в 1990 г. союзные и автономные республики, не означали выход из СССР. Но на этот раз предполагалось создание действительно нового унитарного государства, выходящего из Советского Союза и формирующего собственные вооруженные силы, национальный банк и менявшего символы, – государства Украина. Без Украины Союз Суверенных Государств не имел для РФ реального смысла и превращал последнюю в заурядную страну, хотя и с большой территорией. Население Украины в 1991 году насчитывало около 52 миллионов человек, треть из которых составляли русские. Четверть всего сельскохозяйственного, промышленного и энергетического потенциала СССР приходилась на Украину. Особенно чувствительной для русских была бы потеря «подаренных» Хрущевым Украине Крыма и Севастополя, и отданных Лениным (для «пролетаризации» Украины) Донбасса и Харькова. Да и легендарную Одессу, основанную Екатериной Второй на месте отвоёванного у турков поселка, почти все в России считали русским городом.

24 августа Верховный Совет УССР почти единогласно принял решение о независимости – «...торжественно провозгласил независимость Украины и создание самостоятельного украинского государства...» [1]. На 1 декабря назначался референдум о независимости Украины и одновременно выборы ее президента, на пост которого претендовал теперь беспартийный Леонид Кравчук.

Эти решения Киева оказались полной неожиданностью для России. К объявлениям независимости в республиках Средней Азии в Москве относились спокойно. Но события в Киеве вызвали сильное замешательство в окружении Ельцина. В украинскую столицу срочно отправили делегацию, во главе с вице-президентом РСФСР А.Руцким, для переговоров с Л.Кравчуком. Приглашения из Киева на приезд делегации не было, и цель ее миссии не объявлялась. Ко времени прибытия миссии Кравчук не был готов к переговорам и находился на заседании Верховного Совета, переименованного в Верховную Раду. Российской делегации пришлось ждать, объяснять цель своего визита охране резиденции

Рады, порученной националистам-боевикам «Руха», и объявить об отсутствии территориальных претензий к независимой Украине. Было много и других проблем для обсуждения, т.к. Украина выходила из состава СССР как новая ядерная держава. На ее территории дислоцировались межконтинентальные ракеты с ядерными боеголовками, и в глубоких горных пещерах Карпатских гор находился секретный склад атомных бомб. Важнейшей проблемой была и судьба Черноморского флота СССР в Севастополе. Переговоры Руцкого с Кравчуком начались поздно вечером и касались лишь военно-стратегических проблем. Забегая вперед, можно сказать, что на планы Украины сохранить ядерно-ракетный потенциал не согласились ни США, ни Совет Безопасности ООН.

**Экономический разрыв
между республиками**

Политические изменения в СССР, связанные с запретами деятельности КПСС и республиканских компартий, не вели сами по себе к коллапсу Советского Союза как могучей экономической и военной державы. Партийная инфраструктура была важным, но лишь «наблюдательным» или псевдорелигиозным идеологическим фактором жизнеспособности страны. Государства могут существовать и без идеологий. Основным условием их жизнеспособности является экономика, промышленная, сельскохозяйственная, ресурсная, транспортная и финансовая системы. В условиях плановой экономики СССР нормальная жизнь страны поддерживалась правительством, главным образом его отраслевыми министерствами и главками с их сложной инфраструктурой, распространявшейся во все республики, области и края. Любой крупный завод, гражданский или военный, работал в комплексе с другими, поставлявшими детали, сырье и энергию. В выпуске продукции, например, Минского автомобильного завода участвовало около тысячи других предприятий, расположенных в десятках областей Советского Союза. В этом отношении социалистическая экономика принципиально не отличалась от капиталистической. Разница состояла в социальной сфере и в наличии в СССР Госплана, обширный аппарат которого координировал работу разных отраслей промышленности.

Переход власти в СССР к Ельцину и арест премьер-министра В.Павлова и «силовых» министров СССР привели и к отставке всего

ПЕРЕСТРОЙКА ДО ОСНОВАНИЯ

правительства СССР. Однако министры, ответственные за экономику, продолжали работать, но пока как и.о., поскольку Ельцин, о чем я уже писал, решил поставить во главе правительства СССР премьер-министра РСФСР Силаева и подчинить союзные министерства республиканским. Это было поспешное и невыполнимое решение, т.к. у многих союзных министерств не было аналогов в правительстве РСФСР. Любые подобные решения, затрагивающие экономику, требуют очень длительной подготовки.

Борис Ельцин и его ближайшие советники решали все такие проблемы быстро, без всяких консультаций, общими указами, не содержащими детальных предложений. Главный указ Ельцина, разрушавший экономическое единство страны, готовился еще до создания ГКЧП. Еще до введения в стране чрезвычайного положения, ареста премьер-министра В.Павлова и подчинения союзного правительства российскому в аппарате президента РСФСР Б.Ельцина готовился Указ «Об обеспечении экономической основы суверенитета РСФСР» [12].

Он был срочно подписан 20 августа прилетевшим накануне из Алматы Ельциным, еще во время действия ЧП. Указ вступал в силу с момента его публикации 22 августа, когда Горбачев уже вернулся в Москву. Именно этот указ и несколько других Ельцин заставил Горбачева утвердить, не читая, 22 августа на трибуне внеочередной сессии Верховного Совета РСФСР. Этот эпизод унижения Горбачева транслировался по телевидению и в Великобритании по всем программам новостей, а на следующий день комментировался всеми газетами. *Известия* этот эпизод не комментировали.

На трибуне Верховного Совета РСФСР в Доме Советов Ельцин вручил Горбачеву пачку бумаг, объявив, что это Указы президента РСФСР, подписанные 19–21 августа, и потребовал их немедленно утвердить. Здесь был и указ, в котором Ельцин временно брал на себя функции союзного президента. Горбачев не успел все эти указы даже прочесть:

«Борис Николаевич, – взмолился Горбачев, – мы же не договаривались все сразу выдавать, все секреты...» "Это не секреты, – возразил Ельцин, – это серьезно. Специально подготовлен целый блок – Указы и постановления, принятые в осажденном Доме Советов. Так и называется. Мы вам вручаем!" (Бурные аплодисменты, шум, свист, выкрики, смех в зале)».

Горбачев, только что вернувшийся из Крыма и проведший бессонную ночь, был сознательно унижен, и Ельцин явно этим наслаждался. Полного содержания этих документов тогда никто не знал. Текст указа об экономических проблемах, судя по его содержанию, явно готовился до создания ГКЧП и не согласовывался с отдохавшим в Крыму Горбачевым.

Ново-Огаревский проект создания Союза Суверенных Государств был политическим и не определял судьбу союзной собственности. Указ Президента РСФСР № 66 обосновывал претензии РСФСР. Даю некоторые выдержки из текста:

«В интересах многонационального народа Российской Федерации, руководствуясь решениями Съездов народных депутатов РСФСР, Верховного Совета РСФСР и законами РСФСР по обеспечению экономической основы суверенитета Республики, постановляю:

1. Совету Министров РСФСР:

до 1 января 1992 г. обеспечить передачу и принятие в ведение органов государственного управления РСФСР... предприятий и организаций союзного подчинения, находящихся на территории Российской Федерации...

2. Предприятия и организации, расположенные либо осуществляющие деятельность на территории РСФСР (в том числе союзного подчинения), руководствуются законодательством РСФСР и применяют законы и иные акты органов Союза ССР в порядке, установленном Законом РСФСР "О действии актов органов Союза ССР на территории РСФСР".

3. Совету Министров РСФСР совместно с Центральным банком РСФСР представить до 1 октября 1991 г. Президенту РСФСР предложения по:

формированию золотого запаса, алмазного и валютного фондов РСФСР;

определению доли РСФСР, подлежащей направлению на погашение внешнего долга СССР, а также доли, подлежащей получению при разделении долгов зарубежных стран Союзу ССР;

налогообложению валютных доходов предприятий, организаций и граждан...

4. Совету Министров РСФСР подготовить предложение о приостановлении на территории РСФСР действия Указа Президента СССР от 2 ноября 1990 г. "Об особом порядке использования валютных ресурсов в 1991 году"» [12].

ПЕРЕСТРОЙКА ДО ОСНОВАНИЯ

Другие пункты этого указа (их было 12) брали под контроль Совета Министров РСФСР разведку и добычу полезных ископаемых на территории РСФСР, промысловый лов рыбы и многие другие отрасли. Лицензии на эту форму активности, выданные правительством СССР, отменялись. Российская Федерация брала их под свой контроль, а также вводила собственные пошлины на ввоз товаров на свою территорию. Указом создавался «Комитет по защите экономических интересов РСФСР при Президенте РСФСР».

Этот указ фактически выделял РСФСР как самостоятельное государство из состава СССР. Действия Леонида Кравчука и ВС Украины, о которых я писал выше, оказывались, таким образом, неизбежной реакцией на решения Ельцина.

Указ Ельцина, опубликованный 22 августа, затрагивал интересы всех республик СССР, т.к. лишал бюджет союзного государства основных налоговых и таможенных поступлений и переводил под контроль РСФСР большую часть золото-валютных резервов страны и внешнюю торговлю. Каждая из 15 республик для защиты собственных экономических интересов неизбежно должна была принимать аналогичные указы и национализировать общесоюзную собственность на своей территории, не вступая при этом в переговоры с другими республиками.

Такой мощный индустриальный гигант, как Экибастузский угольно-энергетический комбинат с самым крупным в СССР и в мире комплексом теплоэлектростанций с общей мощностью в 16 миллионов киловатт переходил в собственность Казахской ССР. Казахстан брал под собственный контроль гигантский угольно-металлургический комбинат в Караганде, закрывал Семипалатинский полигон для испытаний атомных бомб и объявлял своей собственностью космодром Байконур, главный космический центр СССР.

Грузия национализировала все общесоюзные курорты вдоль восточного побережья Черного моря и даже единственный в СССР питомник обезьян, принадлежавший Академии медицинских наук СССР.

В наихудшем положении оказывались республики Средней Азии и Армении, почти не имевшие «союзной» собственности. Они взяли под свой контроль горные астрофизические обсерватории Академии Наук СССР, но не могли, естественно, обеспечить их эффективное обслуживание.

Непосредственно в РСФСР сразу возникла проблема финансирования «атомных» городов, производящих оружейный уран и плутоний и

собиравших атомные и термоядерные бомбы и боеголовки для межконтинентальных ракет. Об их существовании Ельцин и его команда, возможно, и не знали. Таких секретных городов в РСФСР оказалось 12² с общим населением около миллиона человек. Их деятельность финансировалась из фондов Министерства среднего машиностроения СССР, которое прекращало теперь свое существование. Правительство РСФСР вскоре распорядилось перевести все эти секретные «номерные» города на местные областные бюджеты. Фактически это означало лишение их средств к существованию.

Особая проблема возникла и с местами заключения. Сибирские, уральские или дальневосточные лагеря отказывались теперь содержать в заключении граждан Литвы, Эстонии или Грузии. Их этапами отправляли в родные республики, где чаще всего они оказывались на свободе, даже если были осуждены местными судами и за местные преступления. Но тюрем для их содержания ни в Риге, ни в Таллине, ни в Тбилиси просто не было.

Указ № 66 от 20 августа 1991 г. и копировавшие его законы, принимавшиеся в других республиках, создали большие проблемы для 9-миллионного населения Москвы, терявшей статус столицы СССР. Распад экономических связей грозил Москве массовой безработицей и перебоями в продовольственном снабжении.

**Рой с единомышленниками
создают «Социалистическую
партию трудящихся»**

Запрет на деятельность КПСС и недавно возникшую КППРФ, имевших в течение длительного периода монополию на власть в СССР, создал политический вакуум, т.к. все группировки, объединявшиеся вокруг Ельцина и называвшие себя «демократическими», не имели никаких политических организаций. «Межрегиональная группа», созданная еще на I съезде народных депутатов как оппозиционная, не стала политической партией, и ее деятельность не выходила за пределы сессий съездов. Ельцин стал безусловным лидером, но лишь как Президент Российской Федерации. Он не руководил какой-либо политической организацией. Новые реалии жизни показывали, что промышленность и сельское хо-

² В Свердловской, Челябинской, Горьковской и Томской областях и в Красноярском крае.

зайство в стране могут существовать и без политических партий, но для нормального функционирования законодательных органов власти и, прежде всего, для грядущих выборов в верховные и местные Советы необходимы политические объединения и программы. Переход от социалистической экономики к «свободно-рыночной», т.е. к капиталистической, не мог осуществляться без сотен новых законодательных актов, изменений Земельного кодекса и других кодексов, включая Уголовный, который в прежнем виде считал ныне разрешенные формы активности, например, продажу валюты или антисоветскую пропаганду, наказуемыми деяниями.

В этих условиях на осколках КПСС быстро стали возникать разные политические группировки местного, областного и общероссийского характера. Они были, в основном, левой или националистической ориентации. Запрет на многопартийность был снят решением Съезда народных депутатов (1990) именно в надежде на то, что Межрегиональная группа, созданная вокруг вышедшего из КПСС Ельцина, сформируется в оппозиционную партию. Однако этого не произошло по разным причинам. Первой жизнеспособной оппозиционной партией в СССР оказалась Либерально-демократическая (ЛДПР), которую возглавил Владимир Жириновский, бывший хорошим и оригинальным оратором и русским националистом. При общенародных выборах Президента РСФСР летом 1991 г. кандидат Жириновский набрал 7,81% голосов, заняв третье место (на втором с 16,85% оказался бывший премьер СССР Николай Рыжков). Победил беспартийный Ельцин, за которого проголосовало 57,3%. В голосовании принимали участие 74% избирателей [4].

1 октября 1991 г. народные депутаты СССР Р.А.Медведев и А.А.Денисов и народные депутаты РСФСР И.П.Рыбкин и В.И.Севастьянов опубликовали «Обращение» – призыв к созданию новой российской партии «левых сил социалистической ориентации», на основе принципов «социализм, демократия, прогресс» [6]. Это обращение вызвало широкий отклик, и по контактному телефону, один из номеров которых был в квартире Роя на улице Дыбенко, звонили непрерывно со всех концов страны. В Англии на эту инициативу быстро обратил внимание наш друг Кен Коатс, Директор Фонда Бертрама Рассела, издательство которого публиковало некоторые книги Роя и сборник его статей.

К.Коатс был в это время членом Европейского парламента (MEP) от лейбористской партии. Он понимал, что создание политической партии требует денег, и разослал членам Фонда и его активистам письма с предложением сбора денег для помощи Рою в этом деле³. Сумма, скромная по британским стандартам, превращалась из-за сильной девальвации рубля в приличную. Достаточную, чтобы снять в Москве две комнаты в административном здании бывшего райкома под штаб-квартиру новой партии, получившей на Учредительном собрании название «Социалистическая партия трудящихся» (СПТ). Наличие московского адреса, телефона и факса было для СПТ необходимостью.

Учредительная конференция СПТ состоялась в субботу 26 октября 1991 г. в Доме культуры знаменитого завода «Компрессор» на окраине Москвы. Это был старинный завод по выпуску холодильного оборудования. Но во время войны он выпускал реактивные снаряды для гвардейских минометов «Катюша». Конференц-зал клуба имел все необходимые реквизиты, бюст Ленина и флаг СССР, развернутый вдоль стены за спинами членов президиума.

На Учредительную конференцию были приглашены представители нескольких других уже возникших левых партий, среди которых был и «Союз коммунистов»⁴.

Менее чем через месяц Социалистическая партия трудящихся была зарегистрирована Министерством юстиции РСФСР.

Рой писал мне в начале декабря: «...Партию нашу – СПТ официально зарегистрировали, это для нас очень важно. Вообще в РСФСР официально зарегистрировано всего 9 партий из многих десятков, объявивших

³ В Москве я передал Рою собранные К.Коатсом деньги.

⁴ Открывал конференцию, на которой присутствовало около 500 человек, короткой вступительной речью Р.Медведев. Он, как народный депутат и историк, часто выступавший на заседаниях Верховного Совета СССР, был наиболее известен собравшимся. С политическим докладом выступил народный депутат СССР Анатолий Алексеевич Денисов, профессор Ленинградского политехнического института. После прений, продолжавшихся около двух часов, Учредительная конференция избрала оргкомитет, в состав которого вошло около 60 человек из разных областей РСФСР. Председателем оргкомитета был избран Иван Петрович Рыбкин, народный депутат РСФСР. До избрания в ВС он был вторым секретарем Волгоградского обкома КПСС, т.е. секретарем по сельскому хозяйству области.

ПЕРЕСТРОЙКА ДО ОСНОВАНИЯ

о создании. Регистрация дает право на получение здания или достаточного помещения и право на участие во всех выборах...»

Первый съезд СПТ прошел в декабре. Прибыло около 300 делегатов, избранных в 65 областях РСФСР. Съезд принял программу, избрал Федеральный совет и правление. Было решено выбирать не одного лидера, а несколько сопредседателей. Ими оказались 7 человек: Р.Медведев, А.Денисов, И.Рыбкин, М.Лапшин, Л.Вартазарова, А.Мальцев и Г.Скляр.

Судьба членов ГКЧП

Поскольку я подхожу в этих воспоминаниях к переломному событию мировой истории – распаду Советского Союза, который был ускорен в августе 1991 г., то целесообразно вкратце рассказать о судьбе некоторых членов ГКЧП и таких людей, как Анатолий Лукьянов, не входивших в его состав, но арестованных и включенных в общее дело о «заговоре». По этому делу на основе санкций Генерального прокурора РСФСР Валентина Степанкова было арестовано 12 человек, каждый из которых являлся ключевой фигурой руководства СССР⁵. Арестованных поместили в следственный изолятор «Матросская тишина» в общие камеры, но раздельно друг от друга.

В прессе постоянно публиковались требования о быстром суде и суровом наказании «путчистов». Прокуратура РСФСР обещала представить обвинения в течение месяца и передать дело в Верховный Суд РСФСР.

Лично я и Рой пытались внимательно следить за судьбой А.Лукьянова, бывшего председателя Верховного Совета СССР. К Лукьянову пресса относилась иначе, чем к членам ГКЧП, т.к. он был более известен и популярен. Предъявленное ему обвинение в измене родине было нелепым, и все это понимали. 15 сентября газета *Московские новости* опубликовала сообщение о том, что Лукьянов отказывается давать показания, считая арест незаконным [10]. Лукьянов был не только государственным деятелем, но и поэтом. Газета публиковала отрывок из его стихотворения, написанного в «Матросской тишине»:

Лично я и Рой пытались внимательно следить за судьбой А.Лукьянова, бывшего председателя Верховного Совета СССР. К Лукьянову пресса относилась иначе, чем к членам ГКЧП, т.к. он был более известен и популярен. Предъявленное ему обвинение в измене родине было нелепым, и все это понимали. 15 сентября газета *Московские новости* опубликовала сообщение о том, что Лукьянов отказывается давать показания, считая арест незаконным [10]. Лукьянов был не только государственным деятелем, но и поэтом. Газета публиковала отрывок из его стихотворения, написанного в «Матросской тишине»:

⁵ Арестом маршала Язова, министра обороны СССР, Степанков руководил лично.

Страницы истории

*...Жить, чтобы правды добиться,
Чтобы свет увидеть,
Чтобы страница в страницу
Эту правду сказать.
Без хулы и оваций,
Боль содравши с лица,
Человеком остаться
До конца. До конца.*

Я понимал, что никакого суда и даже полноценного следствия по всему этому делу быть не может.

Во-первых, главным свидетелем по делу о «заговоре с целью захвата власти» должен был выступать сам Горбачев, с которым «путчисты» вели переговоры на даче «Заря» 18 августа именно о необходимости введения Чрезвычайного положения. Статьи о «попытке захвата власти» в Уголовном кодексе вообще не было. То, что Горбачев действительно вел такие переговоры, было известно, и обсуждать их содержание на следствии или в суде он бы не захотел. Возникли бы неизбежные противоречия в показаниях. «Путчисты», приехавшие в Форос, утверждали, что после окончания острых споров, прощаясь, Горбачев «подал всем руку, сказав: "Черт с вами, делайте, что хотите, но доложите мое мнение". Спрашивается, какое? То есть опять: ни да, ни нет» [2]. Горбачев это отрицал. 18 августа Горбачев мог бы еще приказывать и мог бы срочно вылететь в Москву. Начальник охраны Горбачева в Форосе Владимир Медведев сообщал, что в его

ПЕРЕСТРОЙКА ДО ОСНОВАНИЯ

распоряжении в этот день находился резервный ТУ-134 и вертолет. 19 августа В.Медведев был уже отозван в Москву.

Во-вторых, члены ГКЧП публично обвинялись в попытках «государственного переворота» и даже в «измене Родине» – на заседаниях Верховного Совета РСФСР 20 и 21 августа, в заявлениях Ельцина, а затем и в прессе сразу же после их ареста. Это нарушало принцип «презумпции невиновности», юридическую аксиому, о которой постоянно напоминали следователям адвокаты арестованных. Доктор юридических наук Лукьянов отказывался на этом основании вообще давать какие-либо показания назначенным следователям. Судить в РСФСР министра обороны СССР, Маршала Дмитрия Язова, которого как военного можно было обвинять лишь по статье 64 в «измене родине», никто бы не решился. Судить председателя КГБ Владимира Крючкова, главного инициатора создания ГКЧП, было тем более невозможно. До 1988 г. Крючков был начальником Первого главного управления КГБ СССР (внешняя разведка). В его распоряжении имелись документы и информация, которые ни Ельцин, ни Горбачев не захотели бы предавать огласке в судебных заседаниях. 21–23 августа и в прессе, и на телевидении Крючкова объявляли не только изменником родины, но и «палачом» и «убийцей». Почти все документы из сейфа в кабинете Крючкова и его картотека были собраны и «пропали».

Членов ГКЧП содержали в следственном изоляторе больше года, что было нарушением закона. Поэтому в конце 1992 г. многих освобождали под подписку о невыезде. Некоторым требовалось лечение. А.Лукьянов перенес инсульт с временным параличом ноги. Крючков был освобожден в 1993 г. Новая Государственная дума, избранная в конце 1993 г., объявила амнистию всем членам ГКЧП, хотя их «дело» выросло уже до 144 томов.

Однако генерал армии Валентин Иванович Варенников, Герой Советского Союза и участник штурма Рейхстага в 1945 г., заместитель министра обороны, командовавший до августа 1991 г. всеми сухопутными силами СССР, отказался от амнистии и потребовал суда. Амнистия означала прощение вины, а не реабилитацию. Варенников был членом той группы, которая приезжала к Горбачеву в Форос 18 августа, и знал подробности переговоров о плане введения Чрезвычайного положения, доложенные Горбачеву. Суд над Варенниковым не был открытым и продолжался с перерывами почти год, с апреля 1993 до марта

1994 г. Одним из свидетелей на суд вызывался и Горбачев. Генерал Варенников был оправдан. В оправдательном приговоре, в частности, говорилось: «Мотивами и целью содеянного им были не корыстные побуждения или личная заинтересованность, а сохранение и укрепление своего государства, что соответствовало воле народа, высказанной на Референдуме 17 марта 1991 года...» [3].

Памятник В.И.Варенникову
на Троекуровском кладбище в Москве

Генеральный прокурор РСФСР, это был уже не Степанков, незаконно смещенный Ельциным 5 октября 1993 г.⁶, а Алексей Казанник, обжаловал оправдательное решение суда, поскольку оно, как прецедент, косвенно распространялось и на других членов ГКЧП. Еще через год, 2 февраля 1995 г., Верховный Суд РСФСР оставил в силе оправдательный приговор Варенникову.

Все эти задержки в исполнении правосудия были неизбежными. Возникало слишком много и других важных событий и сверхсрочных проблем. К этому времени в более обширном следственном изоляторе «Лефортово» находились вице-президент РСФСР, Герой Советского Союза генерал Алек-

сандр Руцкой, спикер Верховного Совета РСФСР Руслан Хасбулатов и немалое число депутатов Верховного Совета республики, арестованных в здании незаконно распущенного ВС, «Белого дома», горевшего после обстрела его 4 октября 1993 г. из танков по приказу Б.Ельцина, Верховного главнокомандующего РСФСР.

⁶ По Конституции РСФСР президент не имел права смещать и назначать Генерального прокурора страны.

Если вспомнить, что именно в «Лефортово» помещались диссиденты Владимир Буковский, Борис Кагарлицкий и Александр Солженицын, то события октября 1993 г. можно с полным основанием назвать «государственным переворотом». Была отменена Ельциным и Конституция РСФСР.

Необъявленный дефолт СССР В начале сентября в Москву для встречи с Горбачевым приехал премьер-министр Великобритании Джон Мэйджор. С ним Горбачев был особенно дружен. Он был уверен, что Джон (они еще в Лондоне перешли на первые имена) действительно хочет оказать Советскому Союзу финансовую помощь. В эти же дни в Москву приезжали также министр финансов США Н.Брейди, министры финансов европейских стран и представители Международного валютного фонда. В Москве воспринимали эти визиты как намерение западных стран определить реальные размеры необходимой стране финансовой помощи. Однако более скептические комментаторы *The Financial Times*⁷ связывали эти визиты с беспокойством западных стран по поводу постоянных отсрочек Госбанка СССР в выплатах процентов по прежним долгам. С начала 1991 г. валютный долг СССР вырос с 57 до 80 млрд дол. и продолжал быстро увеличиваться, что и вызывало беспокойство западных кредиторов, тем более что золотовалютные резервы Госбанка СССР таяли с необыкновенной быстротой. После смерти Сталина золотой запас страны составлял 2 500 тонн, после смерти Брежнева – 1 200 т, в сентябре 1991 г. лишь около 300 т, что для Советского Союза приближалось к годовой добыче этого металла. В 1991 г. было добыто 304, а продано 500 т золота [9]. Около трети добычи приходилось на Среднюю Азию, которая теперь не отправляла драгоценный металл в общую казну. Как я уже писал, в июле 1991 г. во время визита

⁷ Преимущество этой газеты, по существу международной, перед другими, более многотиражными, состояло в том, что в ней полностью отсутствовали пропаганда, развлекательные и спортивные материалы и рекламы. Политические новости освещались объективно. Эта газета была рассчитана на деловых людей, бизнесменов и финансовых работников, которым необходима свежая, но проверенная и надежная информация, прежде всего по экономике разных стран.

в Лондон Горбачев надеялся, но не смог получить от «Большой семерки» (G-7) срочный кредит в \$100–150 млрд.

Никто точно не знал общей структуры валютных долгов СССР, т.к. краткосрочные «потребительские» кредиты брались во множестве банков разных стран, нередко под высокие проценты⁸. Были заморожены все валютные вклады советских граждан, ранее работавших за рубежом по контрактам. Начались особые «биржевые аукционы» валюты, на которых за доллары или фунты стерлингов платили еще дороже. В ноябре 1991 г. цена одного доллара на валютных аукционах взлетала до 170 руб. В конце ноября Внешэкономбанк СССР прекратил на неделю все валютные операции. Даже дипломаты не могли выехать из Москвы. В банке просто не было иностранной валюты [8]. «Критический» импорт полностью остановился. Но общую картину финансового положения в стране доподлинно не знал никто, и наличие реального кризиса оценивалось, в основном, по исчезновению из продажи импортных продуктов и товаров и росту цен.

В начале ноября 1991 г. в газете *The Financial Times* появилась небольшая заметка об обращении Горбачева к Дж.Мейджору с просьбой о срочной финансовой помощи. Судя по комментариям газеты, телеграмма Горбачева свидетельствовала о панике в Москве в связи с возможностью дефолта. Газета не приводила текст самой телеграммы, которая по характеру была, очевидно, конфиденциальной.

В 1993 г. помощник Горбачева А.С.Черняев опубликовал текст этой телеграммы в книге воспоминаний [14, с.499].

«Дорогой Джон!

Обращаюсь к Вам как к координатору "большой семерки" со срочной просьбой о финансовой помощи.

Несмотря на все принятые меры, валютная ситуация грозит обвалом. До середины ноября нехватка ликвидных валютных ресурсов для выполнения обязательств по внешнему долгу СССР составляет около 320 миллионов долларов и до конца текущего года может достигнуть 3,6 миллиардов. Все основные расчеты были представлены экспертам "группы семи" в Москве 27–28 октября.

⁸ Краткосрочный кредит в \$10 млрд под высокие проценты был взят в разных западных банках осенью 1989 г. для срочной закупки потребительских товаров для бастовавших шахтерских районов Донбасса, Кузбасса, Воркуты и других.

ПЕРЕСТРОЙКА ДО ОСНОВАНИЯ

Во избежание нежелательного оборота дела, Джон, прошу о предоставлении нам ликвидных ресурсов в любой приемлемой для Вас форме в сумме 1,5 млрд долларов, в том числе 320 миллионов до середины ноября.

Михаил Горбачев, 2 ноября 1991 года».

Английский премьер не ответил на это экстренное письмо. Только через месяц, 2 декабря, когда валютная ситуация действительно обернулась «обвалом», посол Великобритании в Москве передал Горбачеву письмо Мейджора, также опубликованное А.С.Черняевым [14, с.502–503]. Это был ответ не на послание Горбачева от 2 ноября о предоставлении «ликвидных валютных ресурсов», т.е. наличных денег, а на более раннее письмо Горбачева от 23 октября – о предоставлении Советскому Союзу продовольственной помощи. Надвигалась зима, урожай в СССР был плохой, и Москве, Ленинграду и другим крупным городам угрожал реальный голод. Инфляция и сильная девальвация рубля тормозили заготовительную кампанию в колхозах и совхозах. Продажа зерна государству за рубли по прежним ценам почти остановилась. Европейский Союз обещал безвозмездную продовольственную помощь в размере \$300 млн, США предлагали кредитные гарантии на закупки американского зерна и кормов на еще большую сумму.

Однако «ликвидные ресурсы» – для выплаты процентов по каким-то прежним долгам – никто не предлагал и не мог предложить. Таких «ликвидных ресурсов» просто не было в резервах западных стран. Политические лидеры этих стран не имели в собственном распоряжении каких-либо внебюджетных средств в таких размерах. Бюджет Великобритании в 1990/1991 г. (рассчитывается с апреля каждого года) был дефицитным. Расходы превышали доходы на £8 млрд, причем 10,8% всех расходов составляли выплаты по собственному государственному долгу страны, достигшему в конце 1989 г. £192 млрд. Он, таким образом, был намного выше валютного долга СССР. В США и в Германии положение с дефицитом бюджета и с долгами было еще труднее. Их преимущество перед Советским Союзом состояло лишь в том, что они платили проценты по государственным долгам собственной валютой и из бюджета. Дефолт возможен и в этом случае, но лишь когда стоимость общего «валового внутреннего продукта» (ВВП) (*“gross national product”*) окажется ниже государственного долга. В Великобритании госдолг составлял в 1990 г. лишь 30% от GNP. В США, где в 1991 г. государственный долг превышал \$3 трлн, а

GNP составлял \$5,5 трлн, финансовое положение было не столь устойчивым. На «обслуживание долга» расходовалось около 14% национального бюджета. Преимущество капиталистической экономики перед социалистической состояло в этом случае, прежде всего, в способности «обслуживать» из бюджета значительно большие долги. Но это преимущество распространялось лишь на ограниченное число богатых капиталистических стран со свободно конвертируемой валютой. Важно отметить, что они выделились как «богатые» давно, еще в колониальный период, эксплуатируя без компенсаций ресурсы других стран.

Переход от социализма к капитализму в Венгрии, Болгарии, Польше или в Румынии сделал их к 1991 г. более бедными странами и с возросшим уровнем безработицы по сравнению со временем их членства в СЭВ. Снизились и уровень их индустриализации. Еще большая бедность, безработица и разруха, причем на много лет, ожидала бы и Советский Союз при «декретном», а не медленном и направляемом законами переходе к «рыночной» экономике. Европа стремилась к росту и развитию своей экономики путем объединения своих стран в Европейский Союз. При этом отдельные страны неизбежно теряли часть своего суверенитета. В Советском Союзе происходил противоположный стихийный процесс политической и экономической «суверенизации» республик, который сулил каждой из них экономический упадок.

Хотя Советский Союз не мог в ноябре 1991 г. обслуживать свои валютные долги, правительство не объявляло состояние суверенного дефолта, т.е. банкротства всей страны. Такое объявление делает обычно должник, а не кредитор. Кредиторы всегда предпочтут продление сроков выплаты долгов или их реструктуризацию и отсрочку.

Между тем продовольственная помощь из США и из других стран стала действительно прибывать. Западные страны не были заинтересованы в неуправляемом распаде Советского Союза, т.к. не исключали, что это могло бы привести к военной диктатуре. Армия оставалась в стране единственной централизованной и организованной системой, идеологически ориентированной на сохранение социалистической экономики. Неизбежность распада СССР была, по-видимому, уже очевидна для западных политиков, но эту дезинтеграцию следовало осуществить постепенно и направить через промежуточные формы. Отделение Прибалтики от СССР было одним из первых шагов, который прошел достаточно спокойно. Вторым шагом, как мож-

ПЕРЕСТРОЙКА ДО ОСНОВАНИЯ

но судить по развитию событий, был Всеукраинский референдум о независимости, назначенный на 1 декабря. За ним планировалась ликвидация КГБ. К разрушению этой организации народ, как ожидалось, отнесется достаточно спокойно.

Референдум о независимости Украины

Я уже писал о провозглашении Верховным Советом Украины независимости республики. В «Акте о независимости» не было, однако, заявления о выходе Украины из Союза

СССР. По закону, принятому в 1990 г. [11], выход республик из состава СССР мог производиться лишь на основании референдума. Такой референдум был назначен на Украине на 1 декабря и планировался одновременно с выборами президента Украины, в которых по опросам общественного мнения лидировал Леонид Кравчук, недавний Первый секретарь ЦК КПУ.

Во время поездки в Советский Союз в октябре 1991 г. я мог наблюдать, что Рой и многие его единомышленники, занимавшиеся тогда созданием Социалистической партии трудящихся, были очень обеспокоены событиями на Украине и характером националистической пропаганды при подготовке к референдуму. Факты истории Украины грубо искажались. Перспективы на лучшую жизнь «независимой» Украины сильно преувеличивались. Помню до сих пор заявление Кравчука на каком-то телевизионном диспуте: «... будем жить лучше, чем Франция..., ресурсов у нас больше, наши черноземы лучшие в мире... уголь, сталь, трубы...самолетостроение, ракетостроение...»

Какая-то активность по созданию Союза Суверенных Государств в Москве еще продолжалась, но Л.Кравчук в ней не участвовал. Его отношения с Ельциным были очень плохими, т.к. последний обычно разговаривал «командным» тоном не только с Горбачевым, но и с лидерами других республик.

Результаты референдума – 84% участия и 90% проголосовавших в поддержку независимости – были мировой сенсацией. «Ново-Огаревский» процесс создания Союза Суверенных Государств был похоронен. Из газеты *Вашингтон Пост* мне позвонил наш с Роем друг, Роберт Кайзер⁹, с

⁹ В 1970–1976 гг. был корреспондентом в Москве; теперь заведовал международным отделом газеты.

просьбой о срочной, совместной с Роем статье в 500 слов для страницы *Opinion* (Мнения). Я согласовал свою позицию с Роем по телефону, и наша статья появилась в газете 4 или 5 декабря. Мы считали, что украинский референдум не был беспристрастным, т.к. в бюллетенях для голосования содержалась ложная пропаганда и сам вопрос для голосовавших не был ясно сформулирован. Большинство жителей Украины просто не понимало последствий голосования. Выдержки из текста «бюллетеней» вашингтонская газета, однако, не напечатала, что было явным искажением нашего с Роем «мнения». Целесообразно привести здесь текст «бюллетеня» для голосования, чтобы показать, что на рядового избирателя был оказан сильный политический нажим. Текст был на украинском языке.

БЮЛЕТЕНЬ

для голосування на всеукраїнському референдумі

А К Т

ПРОГОЛОШЕННЯ НЕЗАЛЕЖНОСТІ УКРАЇНИ

Виходячи із смертельної небезпеки, яка нависла була над Україною в зв'язку з державним переворотом в СРСР 19 серпня 1991 року,
— продовжуючи тисячолітню традицію державотворення в Україні,
— виходячи з права на самовизначення, передбаченого Статутом ООН та іншими міжнародно-правовими документами,
— здійснюючи Декларацію про державний суверенітет України, Верховна Рада Української Радянської Соціалістичної Республіки урочисто

ПРОГОЛОШУЄ

НЕЗАЛЕЖНІСТЬ УКРАЇНИ та створення самостійної української держави — УКРАЇНИ.

Територія України є неподільною і недоторканою.
Відповідні на території України мають чинність виключно Конституція і закони України.
Цей акт набирає чинності в моменту його схвалення.

ВЕРХОВНА РАДА УКРАЇНИ

24 серпня 1991 року

«Чи підтверджуєте Ви Акт проголошення незалежності України?»

«ТАК, ПІДТВЕРДЖУЮ» «НІ, НЕ ПІДТВЕРДЖУЮ»

Залиште одну із вказаних відповідей, нашу викресліть.
Бюлетень, в якому під час голосування викреслені всі слова «Так, підтверджую» та «Ні, не підтверджую» або не викреслене жодне слово, визнається недійсним.

ПЕРЕСТРОЙКА ДО ОСНОВАНИЯ

Даю в переводе на русский [5].

«АКТ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ УКРАИНЫ

Исходя из смертельной опасности, нависшей над Украиной в связи с государственным переворотом в СССР 19 августа 1991 года,

– продолжая тысячелетнюю традицию государственного строительства на Украине,

– исходя из права на самоопределение, предусмотренного Уставом ООН и другими международно-правовыми документами,

– осуществляя Декларацию о государственном суверенитете Украины,

Верховная Рада Украинской Советской Социалистической Республики торжественно **провозглашает независимость Украины** и создание самостоятельного украинского государства – УКРАИНЫ. Территория Украины является неделимой и неприкосновенной. Отныне на территории Украины имеют силу исключительно Конституция и законы Украины. Этот акт вступает в силу с момента его одобрения.

Верховная Рада Украины
24 августа 1991»

Под этим текстом стоял вопрос «Подтверждаете ли Вы Акт провозглашения независимости Украины?», на который следовало дать ответ:

«ДА, подтверждаю

НЕТ, не подтверждаю».

Для большей ясности следовало использовать в вопросе не словосочетание «подтверждаете ли Вы?», а словосочетание «одобряете ли Вы?» и предлагать одновременно с украинским и русский текст бюллетеня, т.к. русский язык был доминирующим в восточных областях республики.

В обращении Верховного Совета к народу накануне голосования было сказано:

«Итак, независимость. Альтернативы – нет.

Только независимая Украина сможет, как равноправный партнер, вступать в любое межгосударственное сообщество с соседями, в первую очередь с наиболее близкой нам Россией» [13].

Самый высокий уровень «да» – 9% и 97% был в Ивано-Франковской и Львовской областях. Самый низкий – 8 в Крымской АССР – 54%.

Однако при проведении этого референдума был нарушен закон о выходе республик из состава Союза [11]. Согласно 3-й статье в Крымской АССР требовалось провести отдельный референдум по вопросу пребывания Крымской автономии в составе СССР или в выходящей союзной республике. Очень вероятно, что в этом случае Крымская автономия, преобразованная из области в автономную республику также референдумом в Крыму в начале 1991 г., предпочла бы остаться в составе СССР. Это же относилось и к Севастополю. При соблюдении закона формат и содержание бюллетеней в Крыму были бы другими и текст печатался бы на двух языках – русском и украинском.

Никакой «тысячелетней традиции» государственного строительства на Украине не существовало. Это была попытка связать современную Украину с Киевской Русью и с «Крещением Руси» в 988 г. Однако вдаваться здесь в историю современной Украины, которая как республика была образована лишь в 1922 г. в результате гражданской войны и расширялась в 1939, в 1945 и 1953 гг., нет необходимости. Главными «архитекторами» современной Украины были Ленин, Сталин и Хрущев.

Библиографический список

1. Акт провозглашения независимости Украины 24 августа 1991 года. Справка. URL: <http://gia.ru/spravka/20110824/418329239.html> (дата обращения: 22.06.2016).
2. Варенников В.И. Дело ГКЧП. URL: <http://litfile.net/pages/235578/258000-259000?page=17> (дата обращения: 22.06.2016).
3. Варенников В.И. Дело ГКЧП. URL: <http://litfile.net/pages/235578/258000-259000?page=50> (дата обращения: 22.06.2016).
4. Выборы президента РСФСР 12 июня 1991 г. Справка. URL: <http://gia.ru/spravka/20110612/386650420.html> (дата обращения: 22.06.2016).
5. День независимости Украины. URL: http://old.ua-today.com/modules/myarticles/article_storyid_35569.html (дата обращения: 22.06.2016).
6. Заявление инициативной группы по объединению российских левых сил социалистической ориентации [о намерениях создания партии. 1991, октябрь]. URL: http://old.nasledie.ru/oborg/2_18/0102/01.htm (дата обращения: 22.06.2016).
7. Известия. 1991. 24 августа, веч. вып.
8. Известия. 1991. 29 ноября.
9. Известия, 1992. 3 марта.
10. Московские новости. 1991. 15 сентября.

ПЕРЕСТРОЙКА ДО ОСНОВАНИЯ

11. О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР. Закон СССР от 3 апреля 1990 г. // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. №15.
12. Об обеспечении экономической основы суверенитета РСФСР. Указ Президента Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. URL: http://hpc-strategy.ru/ukazy_i_prezidenta/19910820_ukaz_prezidenta_rsfsr_66_ob_obespechenii_ekonomicheskoy_osnovy_suvereniteta/ (дата обращения: 22.06.2016).
13. Обращение Президиума Верховного Совета Украины к народу Украинской ССР накануне референдума (1 декабря 1991 года) на Украине. URL: <http://www.webcitation.org/6MhkupdW2> (дата обращения: 22.06.2016).
14. Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым: По дневниковым записям. М.: Прогресс Культура, 1993. 521 с.

(Продолжение следует)

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

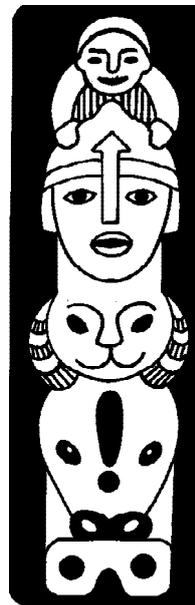
Самая высокая, самая чистая идея
становится низкой и ничтожной,
как только она дает мелкой личности
власть совершать ее именем
бесчеловечное.

Стефан Цвейг

РОССИЯ XXI 04. 2016

Память – это медная доска,
покрытая буквами,
которые время
незаметно сглаживает,
если порой
не возобновлять их резцом.

Джон Локк

Михаил Ковалев

ЗИГЗАГИ СУДЬБЫ:

**ПРОФЕССОР А.В.ФЛОРОВСКИЙ
И ЕГО СОВЕТСКИЕ КОЛЛЕГИ¹**

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

УДК
94(47+100-87)
929:930

В настоящей статье, первой из серии, посвященной русскому историку А.В.Флоровскому, рассказывается о попытках ученого установить научные связи с советскими коллегами в послевоенные годы. Его движущим мотивом был интерес к изучению эпохи Петра Великого. В статье рассказывается о коммуникациях А.В.Флоровского с А.И.Андреевым и его научной группой, которая занималась изданием «Писем и бумаг императора Петра Великого». Показано, как и в научные планы, и в судьбы людей вмешивается политика. В СССР разгораются идеологические кампании. Коллеги А.В.Флоровского оказываются под огнем критики.

The first in the series this article, dedicated to Russian historian A.V.Florovsky, describes the attempts of the academic to establish contacts with Soviet colleagues in the postwar years. The interest to the study of the epoch of Peter the Great was his motive. This article describes the communications of A.V.Florovsky with A.I.Andreyev and his research group, which was engaged in the publication of "Letters and papers of the Emperor Peter the Great". This work shows how politics intervenes in the research plans, as well as the fate of the peoples. In the USSR erupted ideological campaigns. Colleagues of A.V.Florovsky were under fire.

Ключевые слова: А.В.Флоровский; А.И.Андреев; С.А.Фейгина; А.Л.Сидоров; Н.Л.Рубинштейн; «Письма и бумаги императора Петра Великого»; Петр Великий; Чехословакия; СССР; историография; Зарубежная Россия; идеологические кампании; эпоха Сталина.

Key words: A.V.Florovsky; A.I.Andreyev; S.A.Feygina; A.L.Sidorov; N.L.Rubinstein; "Letters and papers of the Emperor Peter the Great"; Peter the Great; Czechoslovakia; USSR; historiography; Russia Abroad; ideological campaigns; Stalin Era.

E-mail: kovalevmv@yandex.ru

¹ *Статья подготовлена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук, проект МК-4739.2016.6 «Российская научная эмиграция в Чехословакии в 1920–1940-е годы (по материалам зарубежных архивов)».*

Письмо из Чехословакии

В марте 1947 г. в Москву на имя одного известного историка неожиданно пришло любезное письмо из Праги. Его автор выражал глубокое уважение адресату, проявлял большой интерес к работам советских коллег и искренне заверял в готовности сотрудничать. «Я был бы весьма Вам признателен – и, думаю, что это было бы к пользе дела вообще – если бы Вы признали возможным войти со мной в близкий контакт в области изучения Петровской эпохи. Со своей стороны я готов помочь делу, чем могу, кое-что для Москвы остается недоступным, я мог бы расследовать соответствующий материал здесь или в ином месте в Европе. Во всяком случае, мог бы информировать Вас и круг Ваших сотрудников о новинках европейской литературы по эпохе Петра Великого», – говорилось в послании [1, ф.1609, оп.2, д.3, л.3–3 об.].

Автором письма был видный русский историк профессор Антоний Васильевич Флоровский (1884–1968), а его получателем – другой крупный исследователь профессор Александр Игнатьевич Андреев (1887–1959). Оба корреспондента к 1947 г. были уже именитыми и состоявшимися учеными. В их судьбах тоже было немало общего, роднившего их. Оба принадлежали к одному поколению, и за плечами каждого из них был драматический жизненный опыт, наполненный лишениями, болью и потерями, но одновременно необычайной тягой к творчеству, вопреки всем перенесенным испытаниям.

А.В.Флоровский был воспитанником Новороссийского университета в Одессе. Там он окончил историко-филологический факультет, там он начал ученую и преподавательскую карьеру. Его труды по истории России XVIII в., особенно о екатерининской Законодательной комиссии 1767–1768 гг., получили заслуженное признание среди коллег. Как и многие представители своего поколения, Флоровский оказался ввергнут в водоворот переломных исторических событий. Его жизнь и научная

А.В.Флоровский, 1920-е годы

карьера оказались расколота революцией и Гражданской войной. В 1922 г. историк был выслан из Советской России, поселился сначала в Софии, а оттуда перебрался в Прагу. С чехословацкой столицей будет связана вся его последующая жизнь. Он будет активным участником эмигрантской интеллектуальной работы, сотрудничая с Русским народным университетом, Русским педагогическим институтом имени Я.А.Коменского, Археологическим институтом имени Н.П.Кондакова, Русским историческим обществом. Но при этом Флоровский успешно интегрируется в европейскую интеллектуальную среду, чему во многом будут способствовать его исследования русско-чешских и русско-австрийских отношений².

А.И.Андреев принадлежал к числу талантливейших ученых-археологов 1-й половины XX столетия. Выпускник историко-филологического факультета Петроградского университета (1916), он еще в 1913 г. по предложению своего учителя А.С.Лаппо-Данилевского включился в работу по изданию грамот Коллегии экономии, хранившихся в московском Архиве министерства юстиции. После революции он не покинул Россию, жил в родном городе Петрограде – Ленинграде, работал в Археологическом институте и читал лекции в университете. Но ученая карьера была прервана: А.И.Андреев в числе других представителей «старой школы» был арестован по «Академическому делу» и сослан (1931) в Сибирь. Пытаясь выжить, он вынужденно сменил несколько профессий: был счетоводом транзитного лесосостава, статистиком на железной дороге, заведующим библиотекой Севполярлеса и, наконец, научным сотрудником Енисейского районного музея. Невзирая на тяготы ссыльной жизни, он заинтересовался историей Сибири и сделал ее одним из главных направлений своих исследований. После освобождения в ноябре 1935 г. Александр Игнатьевич вернулся в Ленинград, где поступил на работу в Институт народов Севера и Институт этнографии АН СССР. На основе недавних наработок он подготовил и в 1940 г. защитил докторскую диссертацию «Очерки по источниковедению Сибири XVII–XVIII вв.»; параллельно вел работу по подготовке академического издания «Истории Сибири» Г.Ф.Миллера. В начале Великой Отечественной войны ученый вместе с семьей был отправлен в эвакуацию сначала в Татарию, а затем – в Ташкент. В 1943 г. его пригласили заведовать кафедрой вспомогательных исторических дисциплин в Московский государственный историко-архивный институт [7,

² О биографии А.В.Флоровского см. подробнее: [2; 6].

с.294–295; 21, с.357]. Переехавшись в столицу, Андреев обратился к новой для себя теме – истории Петра Великого – и вошел в состав научной группы по изданию документов о петровской эпохе.

Комиссия по изданию писем и бумаг императора Петра Великого была создана в декабре 1872 г. усилиями ведущих московских и петербургских историков: К.Н.Бестужева-Рюмина, А.Ф.Бычкова, А.Е.Викторова, Е.Е.Замысловского, Н.В.Калачова, Н.А.Попова, С.М.Соловьева. Ведение всех дел и координацию непростой работы тогда взял на себя Афанасий Федорович Бычков (1818–1899), академик и будущий директор Императорской публичной библиотеки. Комиссия, пользовавшаяся поддержкой Министерства народного просвещения и Императорской Академии наук, поставила своей задачей выявление, подготовку к публикации и научное комментирование материалов, непосредственно связанных с Петром Великим. Тогда же были выработаны принципы, по которым вплоть до наших дней издается серия петровских документов. Так, было решено исключить из числа публикуемых материалов именные указы от лица царя, не имевшие его подписи. В то же время было признано необходимым издавать документы международного значения, например межгосударственные договоры, ибо их составление было продиктовано непосредственно волей монарха [20, с.66–67]. В 1887 г. был выпущен I том «Писем и бумаг императора Петра Великого» [19, т.1], собравший документы 1688–1701 гг. После смерти А.Ф.Бычкова в 1899 г. работу продолжил его сын, Иван Афанасьевич Бычков (1858–1944). До 1918 г., пока издание не было прервано, творческая группа подготовила 7 томов, в которых опубликовано 2 460 документов за 1688–1708 гг. [20, с.67]. И.А.Бычков, оставшийся после революции в Советской России, всё же сохранял надежду на продолжение работы. Но ждать пришлось долго.

Лишь в 1941 г. было принято решение о возобновлении издания «Писем и бумаг императора Петра Великого», но научным планам помешала начавшаяся война. К ним вернулись в мае 1943 г., когда АН СССР создала специальную группу по изучению эпохи Петра Великого под председательством академика Юрия Владимировича Готье (1873–1943). Публикация 2-го выпуска VII тома была поставлена в план на 1944 г., однако не состоялась из-за смерти Ю.В.Готье (17 декабря 1943 г.) и И.А.Бычкова (23 марта 1944 г.). Возобновить остановившуюся работу было поручено А.И.Андрееву, который в сентябре 1944 г. возглавил группу по изучению эпохи Петра Великого [20, с.68]. Он взялся за дело с огромным интересом и необычайной энергией, собрав вокруг

себя талантливых и целеустремленных единомышленников – Н.А.Бакланову, А.П.Глаголеву, Т.К.Крылову, Е.П.Подъяпольскую и С.А.Фейгину [19, т.7, с.IV]. Своей задачей они поставили обработку материалов за 1708 г., находившихся в тот момент как в Государственной публичной библиотеке имени М.Е.Салтыкова-Щедрина³, так и в квартире умершего И.А.Бычкова, вдова которого постепенно передавала бумаги в Ленинградское отделение Института истории АН СССР [20, с.68]. Общими усилиями и в условиях огромного интеллектуального напряжения в кратчайшие сроки был подготовлен 2-й выпуск VII тома, который увидел свет уже в 1946 г. и который почти сразу попал в поле зрения А.В.Флоровского, занявшегося изучением Петра Великого и его времени, и внимательно следившего за научной жизнью в СССР.

Венский след

Петровская тематика возникла в научном творчестве А.В.Флоровского вполне органично. Несомненно сказывалась прежняя, еще дореволюционная, специализация по истории екатерининской эпохи, способствовавшая обращению ко всей истории XVIII в. для уяснения механизмов социальной, политической и экономической эволюции Российской империи. Среди лекционных курсов, читавшихся Флоровским в Карловом университете в 1930-х гг., был курс о Петре Великом, рукописные материалы которого для лекций сохранились в архиве историка в Праге [15; 39]. Другим источником научного вдохновения стало изучение русско-чешских и русско-австрийских отношений. Эти исследования открывали дорогу для освещения широкого круга сюжетов, связанных с политикой России в Центральной и Восточной Европе в 1-й четверти XVIII в. [18, с.243]. А потому в творчестве профессора появились работы о петровской дипломатии.

Научные поиски привели Антония Васильевича в чехословацкие и австрийские архивы, в которых хранились уникальные документы, прежде практически не востребованные другими учеными. Ценнейшие материалы о петровской эпохе он обнаружил в Венском государственном архиве (Haus-, Hof- und Staatsarchiv)⁴.

³ Ныне Российская национальная библиотека.

⁴ История этого собрания восходила к 1749 г., когда императрица Мария-Терезия повелела создать Секретный архив Габсбургского дома (*Geheimes Hausarchiv*) и объединить в

Венские документы попали в поле зрения ученого еще в конце 1930-х гг. К сожалению, о практической работе историка с ними известно пока мало. По имеющимся сведениям, сам он в Вене никогда не бывал, несмотря на относительную близость Праги к ней. Вместо того он регулярно посылал в архив запросы и заказывал копии необходимых ему материалов. С венским архивом профессор состоял в многолетней переписке, сначала с 1937 по 1941-й, а затем с 1946 г. и вплоть до смерти (1968) [37, №1–22]. Флоровский мог получить представление о документальных собраниях и выявить нужные ему бумаги благодаря высококвалифицированным архивным справочникам. Автором одного из них был крупный австрийский историк-архивист Людвиг Биттнер (Ludwig Bittner; 1877–1945) [40]. Известно, что в 1941 г. Антоний Васильевич обращался к нему за помощью [35, №1–2]⁵.

нем ранее разрозненные документы. В 1762 г. он был подчинен Государственной канцелярии и получил статус документального собрания высших государственных учреждений [41; 47, s.21–22]. В XIX в. архив пережил организационные изменения в связи с эволюцией управленческого аппарата империи. Во 2-й половине XIX в., благодаря усилиям директора Альфреда фон Арнета (Alfred von Arneth; 1819–1897), он превратился в важный исследовательский центр. На рубеже XIX–XX вв. для него построили специальное здание в самом сердце Вены – на Миноритенплац (Minoritenplatz). После I мировой войны архив сосредоточил в своих фондах документы рухнувшей Австро-Венгерской империи. Не обошли его стороной роковые потрясения 1930-х гг. После аншлюса он в 1940 г. стал частью Рейхсархива в Вене (Reichsarchiv, Wien). В том же году туда было перевезено большое количество документов из пражских собраний [44, s.126–127]. Во время II мировой войны архив понес тяжелые потери, немалое число документов погибло. В 1945 г. он был включен в состав Австрийского государственного архива (Österreichischen Staatsarchiv) и в этом статусе пребывает поныне [42; 43].

⁵ *К тому моменту Л.Биттнер занял пост директора Рейхсархива в Вене. Он был талантливым ученым, но при этом убежденным нацистом. Еще до аншлюса он сотрудничал с Рейхсинститутом истории Новой Германии (Reichsinstitut für Geschichte des Neuen Deutschlands). Своего воинствующего антисемитизма Л.Биттнер никогда не скрывал, а потому рьяно принимал участие в подготовке пропагандистского журнала «Исследования по еврейскому вопросу» (“Forschungen zur Judenfrage”), начавшего выходить в 1936 г. (см. подробнее: [46]). Он был одним из инициаторов перевоза в Вену архивных документов из захваченной нацистами Югославии с тем, чтобы потом использовать их для доказательства «сербской вины» в развязывании Первой мировой войны. Предвидя неминуемый крах Третьего рейха, 2 апреля 1945 г. Л.Биттнер вместе со своей женой Марией покончили жизнь самоубийством [45]. К слову, о своих контактах с Л.Биттнером*

Вернемся к венскому архиву. Справедливости ради скажем, что еще русские дореволюционные исследователи обращались к его богатым собраниям, а отдельные документы публиковались в «Письмах и бумагах императора Петра Великого». Таким образом у Флоровского имелся прочный подготовительный фундамент. И даже если не вдаваться в подробности его архивной работы и не гадать о том, бывал ли он в Вене или нет, то все равно не вызывает сомнения факт, что ему удалось прикоснуться к бесценным и уникальным материалам, которые и легли в основу работ о Петре Великом и его времени. Среди этих документов особое место занимала секретная внешнеполитическая переписка, которая, по словам историка, позволила ему «заглянуть за кулисы дипломатической игры» [28, с.238]. Вдобавок он расширил источниковую базу по теме за счет документов из различных чешских собраний. Свои архивные наработки профессор Флоровский в полной мере будет использовать уже после Второй мировой войны, практически ежегодно публикуя работы по петровской тематике.

Новые и старые знакомые

Для историка первые послевоенные годы ознаменовались большими изменениями. К сожалению, ограниченность сохранившихся источников не позволяет в полной мере реконструировать внутренний мир и жизненные ориентиры ученого. Но с большой уверенностью можно утверждать, что разгром Германии и долгожданный мир в Европе побудили его, как и многих других эмигрантов, изменить свое отношение к СССР. Еще в годы войны на волне патриотического подъема в эмигрантской среде родилось убеждение, что советский режим, защищая национальные интересы, постепенно эволюционирует. Это заставило если не идейно примириться с советской властью, то взглянуть на нее по-другому, даже таких людей, как П.Н.Милюков и А.Ф.Керенский. Для А.В.Флоровского Советский Союз также стал освободителем и победителем (см. подробнее: [4]). Патриотические чувства и вера в будущее своей Родины подтолкнули его к принятию советского гражданства в 1946 г. Здесь стоит напомнить, что Вторая мировая война нанесла сокрушительный удар по русской научной диаспоре в чешских и словацких землях. Одни эмигранты уехали на Запад, боясь преследований со стороны коммунистов (Н.О.Лосский,

А.В.Флоровский впоследствии не будет распространяться.

М.М.Новиков, С.Г.Пушкарев) [14, с.169–170]. Другие же предпочли по разным причинам остаться. Некоторые из них вскоре были арестованы советскими спецслужбами (Н.Е.Андреев, С.П.Постников, П.Н.Савицкий). Но были и те, кто принял советское гражданство и даже вернулся в СССР (Д.И.Мейснер).

Итак, профессор Флоровский был явно полон творческих планов и мечтал завершить прежние, прерванные войной, проекты, например, издать заключительный том своего главного научного труда – «Чехи и восточные славяне»⁶. Он пытался реанимировать работу Археологического института имени Н.П.Кондакова, став его директором. Профессор энергично взялся за возобновление нарушенных войной связей с коллегами из разных стран. В 1948 г. он с неподдельной радостью и оптимизмом писал знаменитому британскому археологу Элису Миннзу (Ellis Novell Minns; 1874–1953) в Кембридж: «После нескольких лет молчания Институт вновь возвращается к жизни и возобновляет свою прежнюю научную и учено-издательскую деятельность. Институт рад возобновить свои деловые и дружественные связи со своими сотрудниками и друзьями...» [34]. Все преобразовательные планы мыслились тогда Флоровскому в неразрывном сотрудничестве с советскими историками, он хотел подключить к решению судьбы Археологического института имени Н.П.Кондакова Академию наук СССР и потому в июле 1948 г. обратился напрямую к ее вице-президенту Вячеславу Петровичу Волгину (1879–1962). Видимо желая продемонстрировать лояльность советской стороне и заручиться высочайшей поддержкой, А.В.Флоровский спрашивал академика о целесообразности своего участия в международных съездах византистов: «Очень прошу Вас не отказать сообщить мне – надлежит ли мне, как представителю русской научной организации, участвовать в этих съездах или хотя бы на одном из них. Я имею в виду, прежде всего, конгресс в Париже; брюссельский конгресс организуется под руководством проф[ессора] Анри Грегуара, отношение которого к СССР и русской науке вызывает серьезные возражения» [1, ф.514. оп.3, д.135, л.1]. Можно, конечно, представить, сколь трудно далось такое письмо русскому эмигранту, который в 1922 г. был выслан советскими властями из страны, а через четверть века спрашивал у этих

⁶ *Первый том вышел в Праге в 1935 г. [30, т.1]. Публикации второго тома помешала война, и он увидел свет лишь в 1947 г. [30, т.2].*

же властей разрешение для поездки на научную конференцию. К сожалению, неизвестно, что ответил В.П.Волгин, но ни в Париж, ни в Брюссель Антоний Васильевич в итоге не поехал. Попытки возобновления работы Археологического института имени Н.П.Кондакова успехом также не увенчаются, вопреки энергичным усилиям и искреннему порыву пражского профессора [3].

И всё же интерес к контактам с советскими историками не был случайным, не был вызван текущим политическим моментом и надеждами на обновление, которые охватили многих эмигрантов сразу после войны. А.В.Флоровский всегда с большим вниманием следил за научной жизнью в СССР и после войны поставил себе задачу развивать контакты с коллегами, подключиться к их исследовательским поискам. Думается, это желание было искренним, лишенным стремления к сиюминутной выгоде и не связанным с приспособленчеством.

А.Л. Сидоров

Вероятно, первым советским историком, с которым Антоний Васильевич познакомился после войны, был Аркадий Лаврович Сидоров (1900–1966). Последний был командирован в октябре 1946 г. в Чехословакию для чтения лекций по истории России с 1861 по 1917 г. и проведения семинара по истории Первой русской революции в Карловом университете [1, ф.514, оп.3, д.113, л.1–1 об.]. В Праге он имел возможность познакомиться с русскими эмигрантами и соприкоснуться с их историей. Сам он вспоминал впоследствии: «Я довольно свободно чувствовал себя в Праге и часто встречался с

представителями эмиграции, ставя регулярно в известность посольство об этих встречах» [22, с.430–431]. А.Л.Сидоров, в частности, общался с Алексеем Филаретовичем Изюмовым (1885–1951), бывшим сотрудником Русского заграничного исторического архива. О встречах с А.В.Флоровским Аркадий Лаврович, к сожалению, не рассказывал в своих воспоминаниях. Но зато о самом Сидорове несколько раз упоминал в письмах пражский профессор, что подтверждает факт их зна-

ЗИГЗАГИ СУДЬБЫ

комства. Сохранилось и его письмо к советскому коллеге, датированное апрелем 1948 г. [1, ф.1609, оп.2, д.85, л.1–1 об.]. Примечательно, что Аркадий Лаврович выступал в это время за активизацию контактов между советскими и чехословацкими академическими кругами и призывал организовать приезд в Прагу видных ученых, например В.И.Пичеты или Е.А.Косминского [1, ф.514, оп.3, д.113, л.2]⁷.

Очевидно, что знакомство с Сидоровым воодушевило Флоровского. Он попытался при его посредничестве наладить общение с советскими историками, некоторых из которых он знал еще с дореволюционных времен. В 1947 г. Антоний Васильевич хотел возобновить контакты с одним из своих бывших студентов в Новороссийском университете в Одессе, а потому специально просил Сидорова разыскать того и передать письмо. Этим бывшим студентом был Николай Леонидович Рубинштейн (1897–1963), к тому времени ставший уже известным ученым. Некогда он был слушателем лекций А.В.Флоровского по русской истории до XVII в., а также спецкурсов по исторической географии и русскому летописанию [16, с.334]. Антоний Васильевич не был его учителем в прямом смысле слова, хотя они довольно интенсивно общались. Н.Л.Рубинштейн продолжал писать профессору даже после того, как тот был выслан из Советской России. Он обстоятельно рассказывал о своей исследовательской работе и консультировался по текущим научным проблемам («Хочется теперь рассказать Вам о своей работе, чтобы хотя бы на расстоянии воспользоваться Вашими советами и указаниями. Я стараюсь по возможности продолжать работу систематически») [1,

Н.Л.Рубинштейн

⁷ За год до А.Л.Сидорова в Прагу для закупки научной литературы был командирован известный востоковед А.Ф.Миллер, а АН СССР официально пригласила чехословацких историков публиковаться в советских журналах и обмениваться информацией [1, ф.514, оп.3, д.11, л.1].

ф.1609, оп.2, д.390, л.2]. Рубинштейн в начале 1920-х гг. занимался «Русской Правдой», к которой до революции обращался в своих исследованиях сам Флоровский [29]. Важно отметить, что Николай Леонидович был для профессора важным источником информации обо всем происходившем в Одессе, от него он узнавал о судьбах друзей и коллег, оставшихся на Родине. Общение двух ученых носило нерегулярный характер, письма нередко пропадали. В конце 1923 г. переписка прервалась почти на год. Рубинштейн не имел сведений о Флоровском и уже подумал, что тот переехал из Праги. В апреле 1925 г. он написал профессору о своих исследованиях о декабристах и просил указать на новые иностранные и эмигрантские работы по теме [1, ф.1609, оп.2, д.390, л.11, 17 об.]. Судя по сохранившимся архивным данным, после этого письма переписка надолго прервалась.

В 1931 г. Н.Л.Рубинштейн переехал в Москву, где сначала работал в различных издательствах и редакциях, затем преподавал в высшей школе, в том числе в Московском государственном университете. В мае 1940 г. он защитил докторскую диссертацию, а в 1941 г. увидела свет его «Русская историография», которая в тот момент была тепло принята научным сообществом и даже выдвинута на Сталинскую премию [16, с.353–372; 31, с.186–188]. Антоний Васильевич об этой работе был осведомлен и потому в 1947 г. в первом письме за долгие годы разрыва написал Рубинштейну: «Рад был узнать о Ваших научных успехах и деятельности. Правда, из литературы я кое-что знал о Ваших трудах, хотя и неполно и случайно. В частности, меня очень обрадовала Ваша книга по русской историографии. Я только несколько дней держал ее в руках и не мог надлежащим способом ее изучить, но, во всяком случае, поздравляю Вас с нею. Если у Вас найдется лишний экземпляр, пришлите мне, это ведь настольная книга для нашего брата-историка». В этом же письме А.В.Флоровский подробно рассказал о своих текущих научных проектах: «Мои собственные работы сейчас связаны с эпохой Петра Великого. Правда, еще не исчерпан в печати запас моих прежних исследований из области чешско-русских отношений. Но именно от них я и перешел к эпохе Петра Великого, в частности, к вопросам его экономической и торговой политики в связи с судьбами силезско-украинской торговли (а попутно и чешской) и его политики в отношении католической церкви в связи с деятельностью в Москве иезуитов из Чехии и капуцинов. В этой области я собрал кое-какой новый материал и сейчас обрабатываю его» [36, №1].

В июле 1947 г. Флоровский получил ответ из Москвы, в котором Рубинштейн выражал огромную радость по поводу возобновления общения и посылал в дар учителю несколько своих статей, рассказывал о новых направлениях своей работы («Хочу Вам сказать, что я не только "историограф" и сейчас полностью, с головой, ушел в XVIII в.». Он называл А.В.Флоровского одним из ведущих специалистов по истории XVIII в. и напоминал, что его собственные научные занятия начались с изучения Уложенной комиссии: «Знаю, что и Вы много работали это время, и, судя по Вашему письму, возвращаетесь сейчас к XVIII в., хотя и к несколько более раннему периоду, к Петровскому времени». Николай Леонидович делился задачами на ближайшее будущее: «В первую очередь предстоит готовить новое издание моей историографии, которую следует перерабатывать довольно основательно, а сдавать надо ее в начале 1948 г. Вообще планов работы в голове много» [36, №2]. Он был полон оптимизма и неуемной творческой энергии. Дух надежд и обновления пока еще не окончательно рассеялся в советском обществе.

«Мы будем признательны Вам, если Вы возьмете на себя это дело...»

В письме к Н.Л.Рубинштейну А.В.Флоровский жаловался, что в Праге недостает новейших изданий по петровской эпохе, и что эту проблему он пытается решить пу-

тем установления активных контактов с советскими исследователями. Такой контакт он хотел найти в лице А.И.Андреева. Сохранился черновик письма Флоровского к нему, датированный февралем 1947 г., с упоминания о котором мы и начали повествование. Пражский профессор сообщал, что от А.Л.Сидорова узнал о работавшей под руководством А.И.Андреева группе по изучению эпохи Петра Великого. Он писал, что сам в течение последних лет занимался петровской эпохой и в 1941 г. издал в Праге книгу о чешских иезуитах, рассмотрев в ней и вопрос о католическом влиянии в России на рубеже XVII–XVIII вв. Помимо того, он интересовался экономической, особенно торговой и таможенной, политикой Петра Великого, а в настоящее время сосредоточил внимание на исследовании дипломатических отношений России и Австрии в 1-й четверти XVIII в., А.В.Флоровский специально подчеркивал, что все свои работы он строил на материалах зарубежных архивов. При этом он сетовал, что ему остаются недоступны многие работы советских авторов, и по-

этому просил информировать его об изучении петровской эпохи в СССР и по возможности присылать новейшие работы ему лично, библиотеке исторического семинара Карлова университета или Славянской библиотеке [1, ф.1609, оп.2, д.3, л.3–3 об.]. Письмо это было передано в Москву лично А.Л.Сидоровым и вызвало огромный интерес со стороны получателя.

27 марта 1947 г. А.И.Андреев составил подробный ответ, в котором обрисовал первые итоги работы своей научной группы, назвал советских историков, занимающихся петровской тематикой, описал кратко основные направления их работы. Среди перечисленных имен мы встречаем

- Наталью Аполлинариевну Бакланову (1891–1977), готовившую посмертное издание фундаментального труда М.М.Богословского;
- Татьяну Корнильевну Крылову, изучавшую петровскую дипломатию;
- Петра Павловича Епифанова (1909–1992), работавшего над тематикой военных преобразований;
- Елизавету Ивановну Заозерскую, писавшую о петровских мануфактурах;
- Бернгарда Борисовича Кафенгауза (1894–1969), исследовавшего внешнюю политику России и одновременно деятельность Демидовых на Урале;
- а также Софью Ароновну Фейгину, заканчивавшую в тот момент докторскую диссертацию об Аландском конгрессе [1, ф.1609, оп.2, д.119, л.1–2].

А.И.Андреев признавал, что в СССР крайне обрывочно знают иностранную литературу о Петре и поэтому предложение Флоровского о содействии оказывается весьма своевременным: «Мы будем признательны Вам, если Вы возьмете на себя это дело – обзор иностранной литературы о Петровской эпохе... Нами уже подготовлен второй сборник "Петр Великий", готовим третий, – в один из них мог бы войти Ваш обзор...» [1, ф.1609, оп.2, д.119, л.2]⁸.

⁸ Сборник готовился на основе докладов, прочитанных на заседании группы по изучению эпохи Петра Великого. В основном материал был собран уже к концу 1945 г. 20 июля 1946 г. книгу подписали в печать, в феврале 1947 г. вышел сигнальный экземпляр, а 9 июня тираж поступил в продажу. Среди авторов были Н.А.Бакланова, П.П.Епифанов, В.Г.Гейман, Е.И.Заозерская, Б.Б.Кафенгауз, Т.К.Крылова, С.А.Фейгина. Некоторые из них

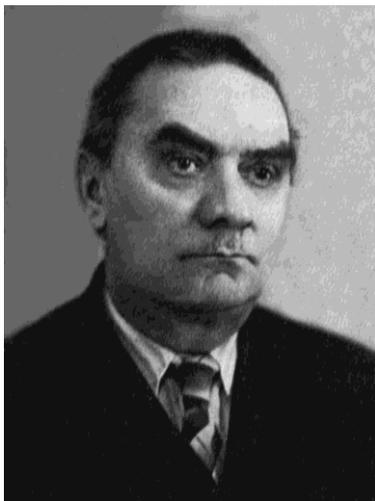
А.И.Андреев рассказал пражскому коллеге о работе по выявлению петровских материалов в архивах СССР, коснувшись при этом и имевшихся трудностей: «Конечно, слабым местом в нашей работе является отсутствие связи с иностранными хранилищами материалов о Петровской эпохе. Ваше любезное предложение помочь нам в этом отношении принимаю с большой благодарностью». Он говорил о большом интересе к иностранным исследованиям и сетовал, что не имеет книги о чешских иезуитах в России, а потому просил А.В.Флоровского по возможности прислать его работы и обещал подарить свои в ответ. Уже вскоре, 30 апреля 1947 г., Александр Игнатьевич через чехословацкого историка Зденека Неедлы передал Антонию Васильевичу 2-ю часть VII тома «Писем и бумаг», который вышел в начале апреля, и сообщил о скорой присылке сборника статей «Петр Великий» [1, ф.1609, оп.2, д.119, л.4, 5]. Таким образом, А.И.Андреев был чрезвычайно заинтересован в сотрудничестве с А.В.Флоровским, который мог помочь в работе с зарубежными архивами, недоступными в тот момент для ученых из СССР.

Контакты двух историков развивались довольно интенсивно. В личном фонде А.В.Флоровского в Архиве РАН сохранился черновик его письма к Андрееву, датированный 17 октября 1947 г. [1, ф.1609, оп.2, д.3, л.2]. Он представляет собой набросок вопросов и предложений к московскому коллеге. Флоровский перечислял изучаемые им сюжеты. Например, деятельность капуцинов в России, взаимоотношения Петра с Австрией, торговые отношения с Силезскими землями и др. В этом же письме он поднял вопрос о рукописи воспоминаний Филиппе Балатри, итальянского музыканта, приглашенного князем П.А.Голицыным по рекомендации герцога Козимо III Медичи на службу в Россию, и прожившего в ней с 1698 по 1701 г. В 1930-х гг. ее обнаружил живший в Праге выдающийся русский почвовед и гидролог Павел Владимирович Отоцкий (1866–1954), большой знаток и ценитель антикварных книг [39]. Он предполагал издать эту рукопись и обращался за консультациями к Флоровскому. Но проект так и не состоялся. Сам П.В.Отоцкий после войны выехал в Швецию, а воспоминания Ф.Балатри продал⁹.

принимали участие в работе над «Письмами и бумагами». Их работы «носили ярко выраженный конкретный характер, избегали широких обобщений, и <...> были выдержаны в академическом духе» [24, с.119, 121].

⁹ В 1962 г. по случаю 100-летия Ленинской библиотеки в Москве Государственная библиотека Чехословацкой республики (Státní knihovna ČSR) преподнесла ей в дар рукопись

А.В.Флоровский долгое время ничего не знал о судьбе рукописи. В том же письме пражский историк благодарил А.И.Андреева за присылку «Писем и бумаг императора Петра Великого» и просил переслать ему работы Т.К.Крыловой и С.А.Фейгиной, отсутствующие в библиотеках чехословацкой столицы [1, ф.1609, оп.2, д.3, л.1].

А.И.Андреев

Вскоре Флоровский отправил Андрееву свою книгу о чешских иезуитах с просьбой передать ее в подходящую библиотеку Москвы. В письме, приложенном к посылке, он лестно отзывался о трудах А.И.Андреева, посвященных Академии наук и М.В.Ломоносову, припомнив, что некогда касался в собственных научных штудиях истории Академии екатерининской эпохи¹⁰. А.В.Флоровский подробно рассказывал о своих текущих научных делах и осведомлялся о возможности публикации своей статьи в Москве: «Лекции и иные спешные занятия задерживают мои изыскания по истории Петра Великого. В настоящее время у меня имеется уже законченная статья о пражских легендах о Петре Великом, т.е. разъяснение того,

как могли возникнуть известные рассказы о пребывании Петра Великого в Праге в 1698 году, хотя в действительности Петр лишь проехал через Прагу. Я использовал пражский и брненский архивный материал для освещения обстоятельств этого проезда и попытался выяснить, на основе каких фактов могли эти пражские легенды возникнуть в XVIII веке. Я хотел бы издать этот свой очерк по-русски еще в этом же году – исполняется 250 лет со времени этого проезда Петра через Прагу. Но может быть придется согласиться на чешское издание. Есть ли какая-нибудь возможность напечатать подобный очерк в Москве?» [1, ф.1609, оп.2, д.3, л.2].

Ф.Балатри, которая, как сообщалось официально, была специально куплена в одном из антикварных магазинов Праги [9, с.164].

¹⁰ Речь идет о статье: [27]. Ее отклик автор отправил А.И.Андрееву в Москву.

**Петр Великий в интерьере
сталинской эпохи**

Петровская тематика в СССР стала чрезвычайно востребованной с конца 1930-х гг. Сохранила она свое значение и в послевоенные годы [11, с.33; 31; 24, с.119]. Конечно, образ Петра

не был любим И.В.Сталиным в той мере, как Ивана Грозного, но, тем не менее, воплощал в себе идею сильного государства и модернизации. Великие исторические деятели становились частью официального мемориального и одновременно политического дискурса. Поскольку их биографии превращались в жития, то отступление от канона жестко пресекалось и каралось. Поэтому изучение их жизненного пути и их времени оказывалось под пристальным вниманием властей. Перед учеными стоял выбор: либо приспосабливаться к конъюнктуре, либо стоять на позициях чистой науки.

Летом 1947 г. на А.И.Андреева поступил донос с обвинениями в преклонении перед А.С.Лаппо-Данилевским [24, с.120–121]. Это было начало травли. В скором времени в печати появилось несколько разгромных рецензий на сборник «Петр Великий». Одна из них, едва ли не самая агрессивная по тону, а значит, и по последствиям, для авторов рецензируемой работы, вышла в четвертом номере *Вопросов истории* в 1948 г. [5]. Ее автором был Григорий Николаевич Анпилогов (1902–1987), защитивший в 1938 г. кандидатскую диссертацию о петровском Сенате, а до этого успевший поработать в органах НКВД. Теперь он стремительно делал ученую карьеру, преподавал в Высшей партийной школе при ЦК ВКП (б), а потому все чаще выступал в роли обличителя. В начале сентября 1948 г. разнuzданную критику Андреева и его коллег подхватила *Литературная газета*. Она обрисовала изданный ими сборник в крайне нелицеприятных тонах. Причем больше всех досталось редактору, статья которого, как говорилось в газете, была «пропитана низкопоклонством перед иностранщиной», и С.А.Фейгиной, обвиненной в пропаганде «антинаучных взглядов буржуазных, в том числе фашистских, историков», и цитировавшей «их грязную клевету на великий русский народ» [17, с.257–258].

Уничижительные рецензии на «Петра Великого» стали прелюдией к заседанию сектора истории СССР Института истории, на котором андреевский сборник подвергся беспощадному идеологическому разгрому, а его авторы были вынуждены оправдываться. Нельзя не согласиться с В.В.Тихоновым, который заметил, что «беда (и мужество авторов сборника) была в том, что они изначально поставили во главу угла строго

научные принципы, отказавшись следовать за быстро меняющейся конъюнктурой» [24, с.119, 124–127].

Против А.И.Андреева и его коллег мгновенно развернулась истеричная травля, сопровождавшаяся обвинениями в «буржуазном объективизме». В декабре 1948 г. *Вопросы истории* вновь обрушились с критикой на его группу за «грубейшие антимарксистские ошибки» [24, с.129]. В 1948–1949 гг. на заседаниях Ученого совета Института истории АН СССР ожесточенному разносу подверглись едва ли не все ведущие ученые – С.В.Бахрушин, С.Б.Веселовский, Н.М.Дружинин, Н.Л.Рубинштейн, Л.В.Черепнин, А.И.Яковлев и др. [12, с.232–236; 32, с.607]. Андреев был вынужден оправдываться и доказывать критикам, что сборник статей «Петр Великий», разгромленный в официальной советской печати, в том числе и его собственная работа о пребывании Петра Великого в Англии, начали готовиться еще в годы Великой Отечественной войны, в ту пору, когда суровая действительность и союзнические чувства делали необходимым говорить о традициях дружбы и старинных связях между русским и английским народами. По злой иронии, технологические возможности печатания сборника не поспевали за стремительно менявшейся политической конъюнктурой. Пока его составляли, редактировали, корректировали и тиражировали, обстановка в стране изменилась. На смену образу союзника пришел образ врага, отношение к Западу, которое и раньше было пропитано подозрительностью и настороженностью, переросло в откровенно враждебное. Эти метаморфозы естественным образом отразились и на официальной трактовке личности Петра Великого, его эпохи и его преобразований, в которых теперь нужно было искать национальную основу. Поэтому А.И.Андреев, оправдываясь, вынужден был говорить, что в своих исследованиях он доказал русские основы проекта по учреждению Академии наук, приоритет русских картографов XVIII в. над иностранными и исключительный вклад русских в мировую географическую науку [12, с.222, 223].

Именно А.И.Андреев и С.А.Фейгина стали главными объектами официальной критики. Для него своего рода отягчающим обстоятельством была принадлежность к «старой школе» и судимость по «Академическому делу», а для нее – еврейское происхождение. Софье Ароновне не повезло еще и потому, что она была автором статьи о зарубежной историографии [26], попавшей под пристальное внимание в разгар «холодной войны» и начинавшейся «борьбы с космополитизмом». Закономерно, что именно она удостоилась особенно зубоскальной критики со

стороны конъюнктурщиков от науки: «С.А.Фейгина на страницах своей статьи не скупится на похвалы буржуазным историкам, отмечая изящество языка и безупречность стиля их работ, но за этой словесной шелухой она не заметила того, что они искажают историю и клеветают на Россию» [5, с. 121].

В своей статье Фейгина проделала анализ западноевропейских и американских работ 1920-х – 1940-х гг., доступных в то время в фондах московских библиотек. Читатель не встретит в ее статье ни обличения «буржуазных фальсификаторов истории», ни цитат классиков марксизма, ни отсылок к передовицам *Правды*. Вместо этого был сделан тщательный и взвешенный научный разбор, с указанием достоинств и недостатков исследований западных ученых. Софья Ароновна подытоживала: «работы эти, очень разного уровня и научной ценности, различного объема и на различном материале построенные, бесспорно говорят об одном: о большом интересе к нашей родине за рубежом, интересе к ее прошлому, к поворотным, переломным моментам». В своей статье она отвела особое место работе Е.Ф.Шмурло «Вольтер и его книга о Петре Великом», изданной в Праге в 1929 г. [26, с. 414–418]. А.В.Флоровский, к слову, этого ученого хорошо знал, ведь оба они в статусе эмигрантов оказались в начале 1920-х гг. в масариковской Чехословакии [13, с. 163, 166].

В итоге А.И.Андреев был отстранен от подготовки II тома сборника «Петр Великий», который он анонсировал Флоровскому весной 1947 г., и который в результате так и не был опубликован. А что касается Фейгиной, то ее злоключения были еще впереди. Она была ученицей Сергея Владимировича Бахрушина (1882–1950), писала под его руководством кандидатскую диссертацию о борьбе России за выход к Балтийскому морю во 2-й половине XVII в., успешно защитила ее в 1939 г. Очевидно, что тогда она глубоко прониклась этой темой и решила развивать ее уже на примере петровской эпохи. В 1940 г. под руководством А.И.Андреева она начала работу над докторской диссертацией. Профессор покровительствовал своей ученице, осознавая ее незаурядные исследовательские способности. Карьера Фейгиной шла в гору. После войны она стала преподавать в престижном Московском государственном институте международных отношений и вскоре получила звание доцента, а затем работу в Институте истории СССР, где ее назначили секретарем группы по изучению эпохи Петра I [25, с.200–201]. Коллеги ценили ее за глубокий интерес к изучению иностранной литературы и источников. Даже острый на

язык и мало кого любивший А.А.Зимин написал, что «Софья Ароновна [Фейгина] – очень образованная, умная женщина, научившаяся многому у А.И.Андреева» [10, с. 90]. Поэтому закономерно, что в сборнике «Петр Великий» статью о зарубежной историографии петровского царствования подготовила именно она. Теперь же ее обвиняли в «полной методологической беспомощности», «преклонении перед иностранщиной», пропаганде «антинаучных взглядов буржуазных, в том числе и фашистских историков» [12, с.238–239; 25, с.202–203]. Гонения на нее совпали с первыми арестами по «делу Еврейского антифашистского комитета». Видимо поэтому ее статье приклеили ярлык «худшего образца преклонения перед иностранщиной, перед буржуазной реакционной наукой» [24, с.123].

Вспомним теперь, что в письме к Флоровскому от 27 марта 1947 г. Андреев сообщал о завершении своей ученицей докторской диссертации о внешней политике России на заключительном этапе Северной войны и Аландском конгрессе. В.В.Тихонов показал, что травля затормозила защиту работы. Более того, С.А. Фейгину 1 марта 1949 г. уволили из Института истории АН СССР. Правда уже вскоре стараниями Б.Д.Грекова и С.В.Бахрушина ее вновь взяли на работу и в июне 1951 г. дали возможность провести защиту диссертации [25, с. 204]. Но на этом драматические перипетии не закончились, ибо Высшая аттестационная комиссия отказалась утверждать докторскую степень, даже несмотря на ходатайства влиятельного академика Е.В.Тарле. Вступить за Софью Ароновну было уже некому, ибо Бахрушин умер, Андреев был вынужден переехать в Ленинград, а Греков был при смерти. Пришедший на должность заместителя директора Института истории АН СССР А.Л.Сидоров приложил все усилия для увольнения Фейгиной, что и произошло 27 июля 1953 г. [24, с.130; 25, с.204–205]. В судьбе историка он сыграл крайне нелицеприятную и гнусную роль. Насмешка судьбы заключалась в том, что еще несколько лет назад Сидоров передавал Андрееву письмо от Флоровского, в котором пражский историк проявлял глубокий интерес к трудам советских коллег, в том числе и Софьи Ароновны Фейгиной.

Между прочим, в 1948 г. именно Сидоров сыграл злую роль и в судьбе Н.Л.Рубинштейна, которому всего год назад передавал письмо от А.В.Флоровского. Вспомним тут, как в июле 1947 г. Николай Леонидович радостно писал своему учителю о скором переиздании «Русской историографии». Вместо того, в марте 1948 г. началось обсуждение книги, изначально задуманное как уничтожающее, и фактически для

этой цели 15–20 марта было созвано Всесоюзное совещание заведующих кафедрами истории СССР университетов, педагогических ВУЗов, специалистов АН СССР и Высшей партийной школы при ЦК ВКП (б). Одним из главных погромщиков на совещании выступил неугомонный А.Л.Сидоров, обвинивший автора в неспособности проанализировать с марксистских позиций идейную борьбу в историографии и вскрыть классовую сущность дореволюционных ученых. В июле 1948 г. Министерство образования СССР издаст приказ «О книге Н.Л.Рубинштейна "Русская историография"». В нем автора прямо обвинят в «объективизме», «отсутствии боевого духа», «академичности, абстрактности и аполитичности в постановке и решении важнейших вопросов исторической науки» [16, с.362, 367; 31, с.190–191].

О роли Сидорова в событиях 1948–1949 гг. и о его персоне очень точно выразился А.Н.Шаханов: «А.Л.Сидоров в научных и политических вопросах менял свои воззрения в полном соответствии с изменениями партийного курса. Выпускник Института красной профессуры, он в предвоенные годы клеймил последователей школы М.Н.Покровского. С изменением политической конъюнктуры в 1960-х годах, напротив, писал о большом вкладе своего учителя в дело становления марксистской науки. Также резко менялись его оценки работ И.В.Сталина. В ходе кампании по борьбе с космополитизмом он, кроме выполнения партийного долга, преследовал своекорыстные цели – удаление научных противников». Именно он был одним из главных участников погромной кампании 1948–1949 гг., и именно он назвал взгляды Н.Л.Рубинштейна «последовательными идеями буржуазного космополитизма и... преклонения перед иностранной наукой», именно он обнаружил в работах историка «политические ошибки», именно он втянул в дискуссию вокруг «Русской историографии» даже студентов университета. В итоге в апреле 1949 г. Н.Л.Рубинштейн был уволен из университета, а в течение двух лет в печати не появилось ни одной его работы [31, с.193–197]. А.Л.Сидоров боролся за лидирующие позиции в советской исторической науке и был готов на этом пути смести всех конкурентов (как поступил, например, с академиком И.И.Минцем¹¹). Он сформировал вокруг себя круг молодых и идеоло-

¹¹ *А.Л.Сидоров, бывший одним из активных участников травли С.А.Фейгиной, в 1949 г. ставил себе в заслугу изгнание академика И.И.Минца из университета: «Там, где появлялся Минц, появлялись исключительно евреи. Я не против евреев, среди которых у меня много друзей и много учеников, но я против того, чтобы собирали и группировали только*

гически проверенных соратников, готовых поддерживать любые его начинания [23, с.5].

Александр Игнатьевичу Андрееву же после публичной травли пришлось оставить работу над изданием «Писем и бумаг», завершать 2-й выпуск VIII тома предстояло Б.Б.Кафенгаузу [19, т.8, вып.2]¹². К счастью, его не арестовали, не запретили заниматься научной работой, хотя пережитые события отразились на его слабом здоровье. Андреев вернулся в родной Ленинград, где поступил на службу сначала в Ленинградское отделение Института истории естествознания и техники, а затем – в Ленинградское отделение Института истории и возглавил его архив. Р.Ш.Ганелин вспоминал, как приехавший в 1950-е гг. в СССР крупный американский историк Сирил Блэк (Cyril E. Black; 1915–1989) поинтересовался судьбой и творчеством А.И.Андреева и пожелал с ним встретиться. Но тот оказался на даче и увидеться с заграничным коллегой не смог. Американский историк, видимо, наслышанный о прежних гонениях, в озвученную ему версию не поверил [8, с.138]. Александр Игнатьевич смог вернуться к работе над изданием «Писем и бумаг императора Петра Великого» только во 2-й половине 1950-х гг. и принял участие в подготовке XI тома. В 1959 г. он подал прошение о полной своей реабилитации. По злой иронии оно было утверждено лишь после смерти историка – 12 июня он скоропостижно скончался от сердечного приступа [21, с.357].

Список сокращений

АЕ. – Археографический ежегодник.
ННИ. – Новая и новейшая история.
SK. T-FLOOR. – Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V.Florovskij.

Библиографический список

1. Архив Российской Академии наук. Ф.514. Оп.3; Ф.1609. Оп.2.
2. Аксенова Е.П. Жрец «Клио» (к научной биографии А.В.Флоровского) // Вестник славянских культур. 2009. Т.11. №1. С.32–47.

их...» (Цит. по: [31, с.194]).

¹² Об истинных причинах ухода А.И.Андреева из проекта, конечно, официально не говорилось. И даже много лет спустя Е.П.Подъяпольская могла лишь лаконично заметить: «А.И.Андреев отошел от руководства по изданию в связи с переездом в Ленинград» [20, с.68].

ЗИГЗАГИ СУДЬБЫ

3. Аксенова Е.П. Институт имени Н.П.Кондакова: попытки реанимации (по материалам архива А.В.Флоровского) // Славяноведение. 1993. №4. С.63–74.
4. Аксенова Е.П. Русский эмигрант о Великой Отечественной войне. Взгляд из Праги // Славянский мир в третьем тысячелетии: Ратный подвиг и мирный труд в истории и культуре славянских народов. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2015. С.62–71.
5. Анпилогов Г.Н. Рец. на кн.: «Петр Великий: Сборник статей под редакцией доктора исторических наук А.И.Андреева». Л., 1947. Вып.1 // Вопросы истории. 1948. №4. С.120–123.
6. Афиани В.Ю., Лаптева Т.Н. Мастера российской историографии: Антоний Васильевич Флоровский (1884–1968) // Исторический архив. 2013. №3. С.149–163.
7. Вернадский Г.В. Русская историография. М.: Аграф, 2000. 448 с.
8. Ганелин Р.Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой: Страницы воспоминаний о 1940-х – 1970-х годах. СПб.: Нестор-История, 2004. 215 с.
9. Герасимова Ю.И. Записки Филиппе Балатри – новый иностранный источник по истории петровской России (1698–1701) // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В.И.Ленина. М., 1965. Вып.27. С.164–190.
10. Зимин А.А. Храм науки (Размышления о прожитом). Москва, 1976 // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / Сост. А.Л.Хорошкевич. М.: Аквариус, 2015. С.35–384.
11. Илизаров Б.С. Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива. К историософии сталинизма. М.: Вече, 2003. 480 с.
12. Кныш Н.А. Институт истории Академии наук СССР: рецепция партийных постановлений и выработка исследовательских стратегий // Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. М.: РОССПЭН, 2011. С.209–248.
13. Ковалев М.В. Евгений Францевич Шмурло: к истории русской италянистики в эмиграции // ННИ. 2016. №1. С.155–172.
14. Ковалев М.В. Жизнь и творчество историка Русского Зарубежья Сергея Германовича Пушкарева (1888–1984) // ННИ. 2015. №3. С.162–179.
15. Ковалев М.В. Имперская идея в учебных нарративах русской эмиграции 1920–1930-х гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». М., 2014. Вып.4 (27). URL: <http://mes.igh.ru/s207987840000732-4-1> (дата обращения: 12.06.2016).
16. Корзун В.П., Колеватов Д.М. Историки в фокусе кампаний по борьбе с космополитизмом. «Русская историография» Н.Л.Рубинштейна: меняющийся образ науки // Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. М.: РОССПЭН, 2011. С.323–372.
17. Панеях В.М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 446 с.
18. Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М.: Наука, 1992. 400 с.
19. Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб.: Гос. тип., 1887. Т.1. 888 с. + ЛП с.; М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. Т.7. Вып.2. 936 с.; 1951. Т.8. Вып.2. 1180 с.
20. Подъяпольская Е.П. Об истории и научном значении издания «Письма и бумаги императора Петра Великого» // АЕ за 1972 г. М., 1974. С.56–70.
21. Сербина К.Н. А.И.Андреев – ученый и педагог: из воспоминаний об учителе // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1985. Т.17. С.357–363.

22. Сидоров А.Л. Чехословакия. Прага. Октябрь 1946 – февраль 1947 г. // Мир историка. XX век / Под ред. А.Н.Сахарова. М.: ИРИ РАН, 2002. С.425–438.
23. Тихонов В.В. Идеологические кампании как форма контроля и управления советской исторической наукой (1945–1955 гг.) // Государственное управление: электронный вестник. 2011. Вып.26. С.1–8. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2011/vipusk_26._mart_2011_g./iz_istorii_upravljenija/tikhonov.pdf (дата обращения: 12.06.2016).
24. Тихонов В.В. Из истории идеологических кампаний в советской исторической науке: сборник «Петр Великий» и судьба его авторов // История и историки: историографический вестник. 2009–2010. М.: ИРИ РАН, 2012. С.118–144.
25. Тихонов В.В. «Худший образчик преклонения перед иностранщиной»: идеологические кампании «позднего сталинизма» и судьбы историка С.А.Фейгиной // Новейшая история России. 2013. №1 (6). С.199–207.
26. Фейгина С.А. Иностранная литература о Петре Великом за последнюю четверть века // Петр Великий: Сб. ст. / Под ред. А.И.Андреева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 390–423.
27. Флоровский А.В. Академия наук и законодательная комиссия 1767–1774 гг. // Ученые записки, основанные Русской учебной коллегией в Праге. Прага, 1924. Т.1. Вып.2. С.103–176.
28. Флоровский А.В. Из материалов по истории России эпохи Петра I в чешских архивах // АЕ за 1967 год. М., 1969. С. 236–241.
29. Флоровский А.В. Новый взгляд на происхождение «Русской правды» (о книге Л.К.Гетца) // Изв. Одесского библиографического об-ва при Новороссийском ун-те. Одесса, 1912. Т.1. Вып.4. С.97–122.
30. Флоровский А.В. Чехи и восточные славяне: Очерки по истории чешско-русских отношений (X–XVIII вв.). Прага: Slovansky ústav, 1935. Т.1. 527 с.; 1947. Т.2. 548 с.
31. Шаханов А.Н. Борьба с «объективизмом» и «космополитизмом» в советской исторической науке: «Русская историография» Н.Л.Рубинштейна // История и историки: историографический вестник. 2004. М.: ИРИ РАН, 2005. С.186–207.
32. Юрганов А.Л. Русское национальное государство: жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: Изд-во РГГУ, 2011. 765 с.
33. Bakhmeteff Archive of Russian and European History and Culture, Columbia University. George Vernadsky Papers. Box 32. Florovskii, A.V.
34. Cambridge University Library, Department of Manuscripts and University Archives. Sir Ellis Hovell Minns: Correspondence. Add. 7722. Box 1. Folder F. A.V.Florovsky.
35. SK. T-FLOR. Krab.II. Korespondence. №18. Bittner L., Vídeň.
36. SK. T-FLOR. Krab.VIII. Korespondence. №232. Rubínštejn, Nikolaj Leonidovič, Moskva.
37. SK. T-FLOR. Krab.XIV. Korespondence. Österreichisches Staatsarchiv, Vídeň.
38. SK. T-FLOR. Krab.XXXVII. [Konspekty přednášek na FF Karlovy university]. III. Istorija Rossii v epochu Petra I. 1. Petr Velikij i jeho epocha (letnij sem. 1934/1935). rkp.
39. Červinka V. Pražský rukopis o Petru Velikem // Národní politika. 1938. Roč. LVI. Č.46. 16. února. S.3.
40. Gesamtinventar des Wiener Haus-, Hof- und Staatsarchivs / Hrsg. L.Bittner. Wien: Verlag A.Holzhausens Nachfolger, 1936. Bd.1. 608 s.; 1937. Bd.2. 415 s.; 1938. Bd.3. 698 s.; 1938. Bd.4. 489 s.; 1940. Bd.5. 296 s.

ЗИГЗАГИ СУДЬБЫ

41. Hochedlinger M. Das k.k. „Geheime Hausarchiv“ // Quellenkunde der Habsburgermonarchie (16.–18. Jahrhundert) / Hrsg. J.Pauser, M.Scheutz, T.Winkelbauer. Wien; München: R.Oldenbourg Verlag, 2004. S.33–44.
42. Hochedlinger M. „Geistige Schatzkammer Österreichs“. Zur Geschichte des Haus-, Hof- und Staatsarchivs 1749–2003 // Das Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Geschichte – Gebäude – Bestände / Hrsg. L.Auer, M.Wehdorn. Innsbruck: Tiroler Verlags- und Druckservice Ursprunger, 2003. S. 16–40.
43. Hutter H., Just T. Zur Geschichte des Reichsarchivs Wien 1938–1945 // Das deutsche Archivwesen und der Nationalsozialismus. 75. Deutscher Archivtag in Stuttgart. Essen: Klartext Verlag (Tagungsdokumentationen zum Deutschen Archivtag 10), 2007. S.313–325.
44. Just T. Haus-, Hof- und Staatsarchiv in der NS-Zeit // Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs. Wien, 2010. Bd.54. S.103–147.
45. Just T. Ludwig Bittner (1877–1945): Ein politischer Archivar // Österreichische Historiker, 1900–1945: Lebensläufe und Karrieren in Österreich, Deutschland und der Tschechoslowakei. Wien: Böhlau, 2008. S.283–305.
46. Markner R. Forschungen Zur Judenfrage: A Notorious Journal and some of its Contributors // European Journal of Jewish Studies. 2007. Vol.1. No 2. P.395–415.
47. Průvodce po Rakouském státním archivu ve Vídni pro českého návštěvníka / Sest. E.Drašarová a kol. Praha: Národní archiv; Dolní Břežany, 2013. 991 s.

(Продолжение следует)

Михаил Пискунов

**«КОНСТРУИРУЯ
СОВЕТСКОЕ»:**

**СОБЫТИЕ И ПАМЯТЬ
ПОСТСОВЕТСКОГО СУБЪЕКТА
(ПО ДНЕВНИКАМ СВЕТЛАНЫ
ВОЛЬСКОЙ)**

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

УДК
323.225

Статья посвящена постсоветскому субъекту и его памяти. Основываясь на дневниках Светланы Вольской, сторонницы Ельцина в 1991 году и защитницы Верховного Совета в 1993 году, автор исследует ее идеологическую и политическую эволюцию. Используя подход Мориса Хальбвакса к социальной памяти и философию События Аллена Бадью, автор предполагает, что переопределяя собственные воспоминания о «советском» этапе своей жизни, Светлана в 1993–1996 годах таким образом формировала актуальную политическую позицию. Говоря более абстрактно, реинтерпретация исторических событий заменяет постсоветскому субъекту политическую и социальную рефлексию сегодняшнего дня.

The paper is dedicated to post-soviet subject and its memory. It is based on diaries of Svetlana Volskaya. She was a pro-soviet participant in October 1993 revolt in Moscow. But in late-Soviet period Svetlana was a part of soviet artist life, soft “frondeur”. Moreover, she was pro-Yeltsin protester during the putsch attempt in 1991. In the paper I study her ideological and political evolution using the approach to social memory of Maurice Halbwachs and philosophy of Event of Allain Badiou. My thesis is Svetlana defined herself and her actual political position in 1993–1996 by redefining soviet history and her own soviet memories. I suppose the process of that redefining of the history replaces for post-soviet subject actual political and social reflection.

Ключевые слова: С.Вольская; коллективная память; Событие; 1993 год; постсоветская история.

Key words: S. Volskaya; collective memory; Event; 1993; post-soviet history.

E-mail: mpiskunov@eu.spb.ru

О постсоветском субъекте пока написано мало – постсоветский субъект все еще предпочитает проживать жизнь, а не рефлексировать ее. Собственно, само определение *постсоветский* говорит, что о текущей эпохе российской истории и о людях, ее составляющих, нам известно лишь то, что они пришли на смену эпохе советской. Соответственно рефлексии поддается пока только наше советское прошлое. Самостоятельная ценность истории, начавшейся после 1991 (1993) года, на мой взгляд, остается под вопросом. Сергей Ушакин в начале нулевых годов даже охарактеризовал символическое производство «новой России» как своего рода афазию [5] – в смысле неспособности постсоветских субъектов связно говорить о себе и о своем времени, не прибегая к посредничеству идеологического языка предшествующего периода. В таких условиях известный афоризм Маркса о традициях мертвых поколений, которые подобно кошмару тяготеют над умами живых, в России пугающе теряет свою метафоричность.

Уже в ходе демонтажа советской системы политическая борьба приняла форму борьбы за интерпретацию советского наследия. Однако наиболее ярко эта политическая тенденция проявилась в 1990-е гг., когда сформировались лагеря просоветских национал-«патриотических»¹ и антисоветских либеральных политических сил. Актуальные политические лозунги неизбежно огрубляют любую интерпретацию до простых и понятных одномерных тезисов, из которых вытекает необходимость той или иной политической практики. Тем не менее язык этих лозунгов косвенно свидетельствует и о гораздо более интересных процессах переосмысления своего собственного советского опыта, происходивших в

¹ Кавычки здесь подчеркивают, что это самоназвание политиков того времени, а не термин автора. Строго говоря, сложившаяся в быденном политическом языке постсоветской России дихотомия патриоты–либералы является логической ошибкой, так как в смысле обозначения систем идей патриотизм и либерализм находятся в разных плоскостях и социальных масштабах. Патриотизм как идея верности политической нации, народу, родившаяся в ходе буржуазных революций конца XVIII – первой половины XIX в., не противоположен либерализму, который выступает как одна из системных в широком смысле «партий» капиталистического общества. Скорее даже наоборот: классический либерализм является частью просвещенческих ценностей, которые лежат, в том числе, в основе современного патриотизма. Специфика постсоветского словоупотребления, скорее всего, объясняется тем, что новейший российский либерализм с его традиционной апологией рынка воспринимается его противниками как способ разрушения политического единства народа, и потому борьба с ним маркируется как патриотизм.

сознании десятков миллионов бывших советских граждан под влиянием меняющейся жизни. Необходимость делать политический выбор в зависимости от идеологического отношения к советскому прошлому открыла бесконечный процесс индивидуального и коллективного идеологического «конструирования» ушедшей эпохи, который до известной степени заменил постсоветскому субъекту рефлексии, связанную с актуальным моментом его жизни.

* * *

Дневник [2; 3; 4] Светланы Вольской интересен тем, что демонстрирует, как за считанные месяцы люди переопределяют для себя советское прошлое и в соответствии с этим делают политический выбор, за который им приходится платить, в том числе и своими жизнями. Здесь я хотел бы сослаться на идеи французского философа Мориса Хальбвакса [6]. С его точки зрения, память и процесс воспоминания это не индивидуальный акт отдельного биологического человека, а процесс социального взаимодействия. Ни одно воспоминание не существует само по себе, оно всегда встроено в более широкий контекст понятий, знаний и воспоминаний человека. Исследователям устной истории хорошо известно, что даже воспоминания человека о себе самом всегда окрашены в тот цвет, который доминирует в личности человека сегодняшнего дня (см.: [9]). Таким образом, память, особенно память групповая, социальная – это явление сродни идеологии. В этом смысле дневник С.Вольской свидетельствует не только о переживаниях и воспоминаниях одной несчастной женщины в первую половину 1990-х гг., но и о том, как российское общество в целом через одного из своих членов пыталось определить себя в период тяжелых социальных столкновений и стремительных перемен.

Исходным моментом записей является кризис 1993 г. – первая запись опубликованного дневника датирована 24 сентября. Читатель сразу вводится в контекст затяжного политического кризиса, который к моменту повествования уже перешел в уличное противостояние сторон. Описание ведется со стороны защитников парламента. На тот момент автор не являлась политической активисткой или даже просто сознательной сторонницей Верховного Совета России. На митинг сторонников ВС ее первоначально толкнуло гражданское чувство, ощущение неправильности происходящего. Не будучи вовлеченной в политическую борьбу, она обращает внимание не на речи лидеров или лозунги

партий, а на слухи, разговоры в толпе, надписи на стенах, детали одежды собравшихся, свое и их настроение.

Попавшееся мне в руки издание дневника сделано не академическим коллективом, а является, пожалуй, современной разновидностью оппозиционного маргинального самиздата. Дневник тиражом в 500 экз. выпущен издательством «Академика», которое мимикрирует под научное и занимается публикацией небольшими тиражами литературы о «русском мире». Тексту Вольской предшествует патетическая вступительная статья Сергея Есина – советского писателя, поддерживавшего в 1990-е оппозицию, в 1992–2006 гг. – ректора Литературного института им. Горького. К сожалению, из этой статьи непонятно ничего, кроме того, что Есин считает дневник Вольской «книгой, которая со временем будет разнесена на цитаты» [2, с.5] и которая говорит сама за себя. Из-за такой лаконичности мы знаем о личности Вольской только то, что она сама сообщает о себе в тексте дневника. С учетом того, что в выходных данных не указано имя главного редактора, можно предположить, что подготовку к изданию осуществлял сам Есин. Таким образом, не видя оригиналов дневников, нельзя даже точно сказать, в какой мере их автором является сама Вольская, а в какой мере ее записи были отредактированы. Может быть, на сегодняшний момент пока даже правильнее говорить о тандеме Вольской–Есина. Осуществлять дальнейшую внешнюю критику источника пока проблематично, поэтому перейду к содержанию дневника, тем более что, по крайней мере, в одном Есин прав – сам по себе это очень интересный текст.

Из дневника становится понятно, что в описываемый момент Светлана – пенсионерка, а ее профессия в прошлом была связана, вероятно, с миром советской литературно-художественной интеллигенции. В соответствии с традицией этой (пользуясь определением Алексея Юрчака) «публики» автор была по-фрондерски настроена к советской власти, не будучи при этом никогда ее сознательной противницей (однако в 1991 г. она участвовала в борьбе с ГКЧП на стороне Ельцина). Соответственно ее саму удивляет соседство с последователями Анпилова, но она продолжает приходить к Верховному Совету, а после его расстрела – на полулегальные встречи его бывших защитников. Сейчас такого рода мероприятия мы бы назвали «окупаемыми». Друзья и родственники Светланы, судя по тексту, выходцы из приблизительно того же слоя советской интеллигенции, не приняли ее политических симпатий. Более того, как-то на кухонных посиделках кто-то охарактеризовал товарищей автора по защите ВС как фашистов [2, с.40–41]. Это событие глубоко за-

дело Светлану, которая затем пыталась для себя проблематизировать это именование и разобраться в том, действительно ли она сама и люди, которым она симпатизировала, были фашистами, а если нет, то что стояло за таким по-настоящему оскорбительным для бывшего советского человека политическим ярлыком. Сама Светлана считала себя защитником демократии, а затем, по мере ее вовлечения в язык оппозиции, идея демократии дополняется или даже заменяется патриотическим пафосом защиты гибнущей России, в образ которой органически вписывается Россия советская.

Для историка ценность дневника заключается еще и в манере, в которой он написан. Бывая практически постоянно на сходках реваншистской оппозиции, Светлана, тем не менее, так и не стала ее активисткой, «своей» среди оппозиционеров. Ее деятельность сводится к тому, чтобы ходить, слушать, иногда вступать в разговоры с участниками митингов и собраний, а потом переносить увиденное и услышанное в дневник. Эти политические заметки соседствуют с наблюдениями того, как под воздействием рыночных реформ меняется любимая автором историческая Москва, а под действием нищеты – москвичи. Одновременно на страницах дневника Светлана ведет молчаливые споры с ведущими радио- и телепередач, с чьей интерпретацией происходящего в стране она в большинстве случаев не согласна. В целом текст очень художественно описателен – порой это даже заставляет задумываться о том, действительно ли перед нами дневник, или это образец документальной прозы. Сказывается, вероятно, и связанная с культурой профессия автора – по всему дневнику то тут, то там рассыпаны небольшие отрывки из российской стихотворной традиции всех периодов. По-видимому, они играют не столько эстетическую роль, сколько призваны создавать картину той некой исторической России, которая, по мнению Светланы, умирает на ее глазах.

Хронологические рамки трех книг дневника охватывают 3–4 года – сотни страниц текста, описывающие события 1993–1996 гг. Даже не события, поскольку как таковое Событие в том смысле, который в это понятие вкладывает А.Бадью, в тексте всего одно – восстание 1993 г., – а дальше идет лишь история, – нерасчлененная, бессмысленная и тянущаяся в никуда. История с большой буквы в тексте заканчивается приблизительно 4 октября 1993 г. с расстрелом Белого дома. Потом идет уже просто история, которая нужна автору лишь для того, чтобы, отгаливаясь от нее, заново переживать события 1993 г. и, в свою очередь, переосмысливать советское прошлое.

Главной связующей нитью между дневниками разных годов является участие Светланы в любопытной полуофициальной практике коммеморации своих погибших товарищей, которая стихийно воспроизводилась сторонниками ВС возле символических могил перед обгоревшим Белым домом. Эти «могилы», самодельные памятники на них, а также сам обнесенный стеной (которая быстро стала публичным пространством, этакой оппозиционной доской объявлений) ремонтируемый Белый Дом на несколько лет стали своего рода «местом памяти» оппозиции. Здесь постоянно собирались соответствующим образом политически настроенные люди из Москвы и регионов, приносили цветы, вспоминали события 1993 г., находили старых товарищей, а также общались между собой. Там же всегда можно было узнать дату и место ближайшего оппозиционного мероприятия и купить оппозиционную литературу вроде газет *Завтра*, *Советская Россия* и пр. Просоветская национал-патриотическая идентичность, по сути, захватила этот кусок городского пространства и затем на нем воспроизводилась, по крайней мере, до тех пор, пока антисистемная оппозиция того времени представляла собой силу, и власти Москвы опасались или не хотели трогать это место. Во всяком случае, Светлана пишет, что забытость и запустение на могилах защитников Верховного Совета появились только к концу 1996 г. А уже в середине 1998 г. у оппозиции в городском пространстве Москвы появилась новая точка сбора, отсылавшая совсем к другим идеям и действиям – бессрочный пикет шахтеров на Горбатовом мосту.

Дневник С.Вольской 1993 г. отличается от дневников за 1994–1996 гг. не только плотностью событий, но и структурой записей. Заботливое описание мест, людей, их одежды, слухов, надписей на стенах, мнений, случаев в гостях, наконец, радио- и телепередач сменяется почти отчетами с акций протеста «патриотической» оппозиции. Семья и неполитические знакомые Светланы практически пропадают со страниц дневника, а записи начинает отделять друг от друга в среднем одна или две недели – период от одного оппозиционного мероприятия до другого. По сути, перед нами встает уникальный по своей подробности и личной вовлеченности автора каталог уличной активности просоветских сил в Москве после кризиса 1993 г. и до итогов президентских выборов 1996 г. В записях 1994 г. появляются попытки составлять конспекты речей политиков и уличных ораторов.

Перед нами разворачивается картина углубляющейся политизации человека. Светлана уже не просто сочувствующий, однако, еще и не активист. Наверное, правильнее всего ее было бы назвать завсегдаем

оппозиционных мероприятий. Она регулярно покупает и читает оппозиционные прессу и книги, доверяя им больше, чем проправительственным СМИ. Она ходит на большинство оппозиционных уличных акций, шапочно знакома с другими такими же оппозиционными завсегдаями родом из 1993 г. и разбирается в различиях между «патриотическими» политиками и партиями. При этом какой-то «своей» партии или программы у Светланы нет, на выборах она голосует ситуативно (склоняясь то к Жириновскому, то к Зюганову), а в целом тяготеет к идее объединенной «патриотической» оппозиции. Конкуренция оппозиционных политиков между собой вызывает у нее недоумение напополам с огорчением.

В политическом самоопределении автора важную роль играет переопределение своего отношения к советскому прошлому. Как я уже говорил, Светлана осознает парадоксальность своей позиции – не испытывая всю жизнь особых симпатий к советской власти, она оказалась в одном лагере с самыми пылкими ее сторонниками. Особенно ярко этот вопрос встает перед ней, когда она появляется на проправительственном мероприятии, посвященном трехлетию провала путча 1991 г. Светлана, будучи участницей мобилизации москвичей против ГКЧП, мучительно размышляет над недавним прошлым страны и самой себя. Своих противников и товарищей по оппозиции она с 1993 г. определяет в безличных терминах ОНИ и МЫ (именно так, прописными буквами), по-видимому, подчеркивая антагонизм сторон. Однако на трехлетию провала путча разглядывая участников памятных мероприятий, видя «демократов» вблизи, она приходит к выводу, что большинство сторонников Ельцина выглядят так же бедно, как и сторонники оппозиции, и, по-видимому, также проиграли от поддерживаемых ими же рыночных реформ. Светлана даже задумывается о том, что, возможно, и ОНИ, и МЫ не так уж противоположны друг другу, но мельком подслушанный ею разговор двух «демократов» – с безусловным осуждением советского периода и поддержкой распада СССР – вновь настраивает Светлану на восприятие их как Других.

Этот подслушанный разговор вращался вокруг фигуры генерала Варенникова и его недавнего освобождения из-под ареста по делу об участии в ГКЧП. Для Светланы суд над Варенниковым стал точкой окончательного перехода ею на просоветские позиции и относительного переопределения, по крайней мере, конца советского периода. Как я писал, в 1991 г. она на практике была противницей ГКЧП, одним из лидеров которого был Варенников. На судебное заседание по

этому делу пришла случайно – хотела попасть на суд над Руцким, но в том зале уже не было свободных мест, и поэтому Светлана пошла к Варенникову. И внезапно в условиях поведения сочувствовавшей подсудимому стороны обвинения, в атмосфере собравшихся его сторонников, в защитных речах самого Варенникова Светлана, по-видимому, окончательно меняет свою точку зрения на безусловную поддержку ГКЧП. Защитные речи генерала Варенникова стали первыми развернутыми конспектами речей лидеров оппозиции, которые женщина стала записывать в свой дневник с середины 1994 г. И уже в 1995 г., когда оппозиция собрала на 9 мая гигантскую многотысячную колонну под символами интерпретированного в свою пользу культа Победы, для Светланы именно Варенников был приоритетной фигурой лидера объединенной оппозиции – как человек, символизировавший ценности просоветского «патриотизма» на всех этапах своей биографии.

Объясняя для себя свою «пограничную» политическую ситуацию, Светлана обращает внимание на фигуру, как она его называет, «профессора-диссидента», с которым она познакомилась на встречах сторонников Верховного Совета. Этот человек (имени его мы не знаем), как следует из текста, выступал против советского режима, некоторое время сидел в тюрьме в начале 1970-х гг., а затем примкнул к «патриотической» оппозиции. Для Светланы его диссидентство становится своего рода политическим маяком: ей политически близка идея разномыслия и этической оппозиции. Она сравнивает «профессора-диссидента», который всю жизнь был в оппозиции, с ненавистными ей «демократами», которые, по ее мнению, большую часть жизни были верными членами КПСС, славословили ей, а также писали партии наукообразные программы.

Получается еще один парадокс. Даже взяв на вооружение модель антисоветского диссидентства, Светлана интерпретирует ее, в конечном счете, в духе просоветского «патриотизма». Этот парадокс можно попробовать объяснить, если обратиться к высказыванию А.Юрчака, что послевоенная официальная советская власть и советские диссиденты мыслили в одной и той же системе политических координат [7, с.90–159], которую, пожалуй, можно охарактеризовать как этическую. Она построена не вокруг вопросов власти, экономики или политики, а вокруг этики, того, что правильно, а что нет. Отсюда апелляция диссидентов к нравственности, а, например, брежневского советского идеологического аппарата – к гуманизму [1]. В этом смысле совершенно не слу-

чайно, что значительная часть диссидентов, особенно диссидентов-почвенников, в условиях политической борьбы 1990-х гг. сознательно поддержала «патриотическую» оппозицию. Соответственно и рядовые, сочувствовавшие оппозиции, люди могли выбрать для себя обе исторические формы позднесоветского политического сознания, не изменяя своему базовому политическому выбору.

Любопытна лексика, которую Светлана использует в отношении своих политических союзников. Так, коммунистов она ласково именуется «коммуняками». Взятая из речи Валерии Новодворской презрительная кличка, в устах Светланы становится покровительственной и даже сочувствующей. Она резко отделяет своих партийных и беспартийных товарищей по площадям от верхушки КПСС. Восхищается тем, что, в отличие от элиты партии, у которой было всё и которая, перековавшись в «демократов», разрушила страну, рядовые, ничего не имевшие за душой члены партии и сочувствующие, нашли в себе силы бороться за свои идеи и страну. Таким же разделением проникнута ее размышления о революции 1917 г. на фоне Мавзолея, в который она неожиданно испытала тягу сходить во второй раз. Описывая могилы в Кремлевской стене, она использует следующую изящную конструкцию, играя кавычками: герои Октября, похороненные там в 1920-е гг., боролись за счастье для всех, а их ровесники, похороненные в стене уже в 1960-е – 1980-е, дарили «счастье» всем. Там же Светлана с удивлением замечает перемену своего впечатления от посещения Мавзолея. Она вспоминает, что в детстве он оставил у нее впечатление смерти, причем смерти неестественной, в то время как посетив Мавзолей в апреле 1995 г., она не нашла в нем «ни жизни, ни смерти, только величие» [4, с.26]. По большому счету, все эти эпизоды подкрепляют мое предположение о том, что этическая позиция автора в рамках советской системы координат определяет ее двойственное, «плавающее» отношение к советскому прошлому и через это – однозначное отношение к настоящему.

Все это возвращает нас к высказанному в начале текста спорному тезису о том, что рефлексия о советском заменяет постсоветскому субъекту полноценную системную рефлексию над настоящим. И если описанный в дневнике, например, пересчет уровня жизни «по колбасе» – путем сопоставления современных и советских цен на самую дешевую колбасу и средней зарплаты / пенсии – выглядит довольно естественной и даже рутинной процедурой, то следующий эпизод представляет собой гораздо более глубокую апроприацию истории.

Поругавшись со своей двоюродной сестрой по поводу отношения к мятежному парламенту, Светлана вспоминает семейную историю о том, как одна из ее теток была яркой большевичкой, а другая была влюблена в активного члена партии эсеров, расстрелянного после левоэсеровского мятежа. В интерпретации сестры автора, несмотря на такие фатальные политические разногласия, обе тетки были в «прекрасных отношениях». Однако в новой интерпретации Светланы эти отношения вовсе не были прекрасными, и она чувствует, что и в ее отношениях с сестрой «какая-то нитка оборвалась» [2, с.56]. Аналогичным образом и после 1993 г. передаваемые Светланой разговоры в толпе, даже вращаясь вокруг актуальных политических моментов (война в Чечне, растущая нищета, деградация в Москве промышленности и т.д.), так или иначе касаются и советского прошлого (зачастую фигуры Сталина и государства эпохи сталинизма) в качестве исходной точки рассуждений.

Остановлюсь на одном интересном моменте «проговаривания» автора. Проходя мимо витрин ресторана в гостинице «Метрополь», в который она на свою современную пенсию никогда не смогла бы попасть, Светлана вспоминает, как во время ее учебы в университете по всей Москве начали открываться кафе и рестораны (по-видимому, речь идет о середине 1950-х – начале 1960-х гг.), и однажды она вместе со своими одногруппниками ходила в ресторан «Метрополя». На 2 рубля они ввосьмером купили каждому по чашке кофе и булочке, заняли два столика и разозлили официанта, который был разочарован их заказом, но ничего не мог поделать. В этом месте Светлана неожиданно вставляет «мы думали: закончим институт, и тогда начнется настоящая жизнь. И вот она – настоящая жизнь» [4, с.6–7]. В контексте переживания собственной жизни такой пассаж звучит странно, поскольку в нем Светлана выбрасывает свой тридцатилетний советский трудовой опыт «настоящей», «взрослой» жизни, превращает его в личную предысторию горькой истории 1990-х гг. Обычные подростковые ожидания неожиданно становятся своего рода политическим пророчеством, а позднесоветский период, к которому у Светланы, как мы знаем, в действительности было сложное отношение, перед окнами закрытого для нее навсегда «Метрополя» (вдобавок, Светлана настраивает сама себя пушкинскими словами «я докучный гость ненужный и чужой» [4, с.8]) становится своего рода счастливым беззаботным детством.

* * *

Конец опубликованного дневника представляет собой проблему для интерпретации. Дневник обрывается на исходе 1996 г. размышлениями Светланы над фразой Зюганова о том, что прошедший год был «сложным... и обнадеживающим» [4, с.202]. Для Светланы же ничего обнадеживающего нет, наоборот, ее надежды на скорый просоветский («патриотический») реванш исчезли; выборы проиграны; лидерам оппозиции (особенно, Зюганову, который не боролся за победу) она не верит; а жертвы 1993 г. обществом уже либо забыты, либо их образ изрядно потускнел. Таким образом, содержательно дневник оканчивается на ноте отчаяния, политической катастрофе, после которой дальнейшая личная история просто не имеет смысла. Однако в силу того, что перед нами не научное издание, трудно сказать, насколько подобная структура дневников является плодом редакторской задумки, а насколько – нарративной стратегией самой Светланы.

В завершение статьи я хотел бы обратиться к уже мельком проскальзывавшей здесь мысли философа А.Бадью [8] о Событии и верности Событию. Не имея места для разворачивания всей аргументации Бадью, отмечу лишь, что он называет Событием точку разрыва в бытии субъекта, опираясь на которую субъект затем сознательно или бессознательно начинает изменять свою идентичность и создавать свое новое бытие. Этот процесс Бадью и называет верностью Событию. По сути, это переработанная идея Сартра о существовании, рождающем сущность, однако Бадью делает эту идею прерывистой, дает возможность понимать существование (бытие) не как индивидуальный, а как социальный и при этом не детерминированный акт, – поскольку Событие в любой форме (политической, идейной, любовной) врывается в жизнь субъекта со стороны, из общества. Для самого Бадью таким Событием стал Красный май 1968 г. в Париже. В случае С.Вольской Событие предстало октябрьским кризисом 1993 г., в котором она приняла участие внезапно, но, в то же время, судя по дневнику, боялась пропустить его, опасалась, что из-за здоровья или еще чего самое главное пройдет без нее, она пропустит эту ключевую точку Истории. В принципе, так оно и получилось: расстрел Белого Дома Светлана встретила в своей квартире. И затем, приходя на встречи бывших защитников Белого Дома, Светлана как будто пыталась восполнить свое отсутствие на месте в ключевые моменты 3 и 4 октября. Обычно любая практика политической коммеморации имплицитно содержит в себе идею молчаливого извинения

живых перед мертвыми борцами – за то, что живые остались живы, в то время как мертвые погибли, погибли *за них*. И эта практика заставляет субъекта мучительно переживать тему того, кто он есть, и, в конечном счете, заново перестраивать себя, свою политическую идентичность. В случае участников политических батальон 1990-х гг. это перестраивание шло через реинтерпретацию событий советской истории, которые тогда находились в центре идеологической борьбы. Впрочем, для первого постсоветского десятилетия это более или менее понятно, так как судьба советских социальных и экономических структур в постсоветских государствах была кричаще актуальна. В том числе Событие 1993 г., вызванное различными взглядами на скорость приватизации бывших советских государственных предприятий. Однако гораздо более сложный вопрос, на который у меня пока нет ответа, состоит в том, что заставляет эту бесконечную дискуссию о советском наследии продолжаться до сих пор (ее наиболее ярким недавним эпизодом стал украинский закон о запрете фашистской и советской символики).

Библиографический список

1. Бикбов А.Т. Грамматика порядка: историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 431 с.
2. Вольская С. Россия, помни! М.: Академика, 2012. 272 с.
3. Вольская С. 1994. Россия, помни! М.: Академика, 2013. 272 с.
4. Вольская С. 1995–1996. Россия, помни! М.: Академика, 2013. 208 с.
5. Ушакин С.А. Бывшее в употреблении: Постсоветское состояние как форма афазии // Новое литературное обозрение. 2009. №100. URL: www.magazines.russ.ru/nlo/2009/100/ush55.html (дата обращения: 24.06.2016).
6. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. №2–3. URL: www.magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html (дата обращения: 24.06.2016).
7. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 663 с.
8. Badiou A. Being and Event. N.Y.: Continuum, 2005. 526 p.
9. Portelli A. The Death of Luigi Trastulli and other stories: form and meaning in Oral history. N.Y.: State Univ. of New York Press, 1990. 341 p.

Грандиозные вещи делаются
грандиозными средствами.
Одна природа делает великое даром.

А.И.Герцен

**Легко быть богатым и не кичиться этим;
трудно быть бедным и не сетовать.**

Конфуций

Евгения Лупанова

**ПРОБЛЕМА
ДОРОГОВИЗНЫ ДРОВ
В ПЕТЕРБУРГЕ
XVIII ВЕКА¹**

РЕСУРСЫ НАЦИИ

УДК
94(47)''18''

С первых дней своей жизни Санкт-Петербург требовал огромного количества древесины. Дороговизна дров стала острой проблемой для жителей молодого города. В статье рассматриваются причины и способы, предлагавшиеся для решения вопроса – попытки государственного регулирования торговли дровами и ограничения экспорта, просветительские публикации, предложения использовать особые конструкции печей и альтернативные виды топлива. Особое внимание уделено работе комиссии 1783 г., целью работы которой было решение проблемы дороговизны дров в столице.

St. Petersburg demanded a great amount of wood starting from the very first years of its existing. High prizes for firewood became an acute problem for the first habitats of the young city. Reasons for it and ways of solving the problem are under consideration in the article – attempts of state regulation of wood-sale, limitation of export, enlightening publications, suggestions to use special constructions of stoves and alternative fuels. Special attention is paid to the commission of 1783, created to solve the problem of firewood expensiveness in St. Petersburg.

Ключевые слова: история Петербурга; XVIII в.; отопление; рациональное использование природных ресурсов; Просвещение.

Key words: history of St. Petersburg; 18th century; heating; rational natural resources usage; Enlightening.

E-mail: lupanova@kunstkamera.ru

¹ Данная статья является частью работы, которая будет опубликована в виде монографии «История закрепощения природного ресурса. Леса России. 1696–1802 гг.» в издательстве Европейского университета в Санкт-Петербурге.

ПРОБЛЕМА ДОРОГОВИЗНЫ ДРОВ В ПЕТЕРБУРГЕ XVIII ВЕКА

*Дымились над каждой квартирой
Дымки благодетельных труб,
В морозном лесу под секирой
Звенел государственный дуб...*

А.П.Ладинский

Отопление является одной из злободневных проблем Петербурга зимой. По официальным данным это самая распространенная причина жалоб. Только за одну неделю с 23 по 29 ноября 2015 г. было принято 2 509 обращений граждан по этому вопросу. Не раз после жалоб родителей администрация города принимала решение о временном закрытии некоторых детских садов и школ на период морозов, т.к. не было возможности обеспечить температуру выше 10° в помещениях детских учреждений. В своих квартирах каждый решает проблему, как может. Утепляют окна, держат включенными газовые плиты; давно стали неотъемлемым атрибутом петербургского быта различные масляные радиаторы, тепловентиляторы и прочие электрические отопительные приборы. Их производители получают хорошую прибыль, а электросети в морозы дают сбои.

Проблема эта не нова. С первых лет существования Петербурга она имела особую актуальность, и была лишь ненадолго забыта в послевоенном Ленинграде, когда в домах массово, качественно, практически бесперебойно и без ощутимых финансовых затрат населения стала работать система парового отопления.

Сегодня мы остановимся на проблемах отопления в Петербурге XVIII века.

Быт первых петербуржцев и власть

Молодая столица России была ненасытным потребителем различных материалов, и со временем потребности непрерывно росли [22]. Большое количество древесины требовалось для строительства домов, их отопления, прокладки дорог, работы предприятий; и особенно много – для нужд молодого Балтийского флота. В Петербург везли лесоматериалы из различных районов страны. На протяжении всего XVIII в. шли стабильные поставки древесины из дубовых и сосновых лесов с Волги, Камы, Вятки, Суры, Свияги; из сосновых и еловых – с Мсты и Волхова; из дубовых, березовых, липовых,

ясеневых, ольховых – с Полю и Ловати. С Ладожского озера и Ильменя везли дровяной лес [8, с.146].

Нужды государства и повышенное внимание к лесам региона с трудом совмещались с традиционным укладом жизни первых петербуржцев. Активное экономическое развитие молодого порта создавало еще более сложную ситуацию – необходимость считаться с коммерческими интересами. Ситуация усугублялась городским укладом жизни, непривычным для большинства русских людей XVIII в. и казавшимся противоестественным. Большая степень специализации труда по сравнению с крестьянским хозяйством и необходимость покупать то, что отцы и деды получали бесплатно, вкладывая только свой труд, создавали особые условия, к которым нужно было привыкнуть и приспособиться. У строителя молодой столицы часто не было ни сил, ни времени, ни прав на то, чтобы пойти в лес и заготовить дрова на зиму. Поэтому дрова приходилось покупать. При том, что прежде вопрос решался без финансовых затрат и в непосредственной близости от жилья, любая цена казалась высокой. Отсюда экзальтированное восприятие проблемы дров и их дороговизны.

Санкт-Петербург постоянно находился в центре внимания. Окрестные леса подвергались подробному описанию еще при Петре I. Темпы вырубок, связанные со строительством города и флота, действительно привели здесь к ощутимому дефициту. Государство с одной стороны было заинтересовано в скорейшей расчистке и застройке земель, с другой – в сохранении лесов. Поэтому проводилась противоречивая политика. В 1719 г. было объявлено о свободной рубке лесов по берегам Невы и впадающих в нее рек для строительства и отопления жилищ². Через год началось межевание лесов по берегам Невы, Госны и Охты и «на каждых пяти верстах, для страха порубщикам» было приказано повесить по виселице [6, с.12–13].

Регулирование лесопользования в первой половине XVIII в. часто касалось именно столичного региона – если не с формальной точки зрения, то на практике.

Дрова с первых лет жизни столицы стали настолько острой проблемой, что они становились целью грабежей. Первый петербургский обер-

² *Именной [указ] объявленный из Сената о свободной рубке лесу на строение и дров от реки Славянки по обе стороны Невы и по прочим рекам до Шлюссельбурга и далее во всех дачах. 11 декабря 1719 г. // [16, т.6, №3467].*

ПРОБЛЕМА ДОРОГОВИЗНЫ ДРОВ В ПЕТЕРБУРГЕ XVIII ВЕКА

полицмейстер предписал жителям города из соображений безопасности ездить в лес за дровами большими группами – 20 человек и более. Это предписание также является одним из ранних свидетельств дороговизны дров в городе: «наперед сего в покупке лесу и дров при Санкт-Петербурге обывателям чинились дороговизны, от чего происходила народная тягость»³. Эта проблема на многие годы останется нерешенной для города.

Перманентный «топливно-энергетический кризис» стимулировал процесс поиска месторождений и разработки других видов топлива – угля и торфа. Однако дефицит сохранялся на протяжении десятилетий. *Экономический магазин*, со ссылкой на парижское происхождение идеи, предлагал продавать дрова не возами, а весом, что позволило бы избежать обмана, установить цены на разные сорта дров, точно рассчитать потребность каждого хозяйства и в конечном итоге уменьшить проблему дефицита и дороговизны [11, с.143–144].

В отличие от центральных регионов, в Петербурге не было столько не занятых особой профессиональной деятельностью и не связанных крепостным правом «иноверцев», которых можно было бы легко превратить в особую профессиональную группу, специализирующуюся на лесном хозяйстве. Организацией работ по описанию, подчисткам, заготовкам занимались здесь форстмейстеры и вальдмейстеры, а техническая часть работы выполнялась крестьянами как государственная повинность. Эта обязанность была не намного меньшим бременем, чем строительство дорог или постоянная повинность. Основная ее часть приходилась на разгар сельскохозяйственного сезона⁴.

Наиболее населенные районы в большей степени испытывали истощение лесов. Например, о Ямбургском уезде читаем: «некоторые дачи в сожалительном обстоят положении, так как оной уезд преисполнен частыми селениями, то в рассуждении многолюдства, а к тому ж тамо большею частию помещицыи крестьяне... необширные свои дачи давно уже

³ *Именной, объявленный генерал-полицмейстером Девиером [указ] о рубке в дачах лесу и дров не меньше 20 человеками и о смотреии Полицмейстерской канцелярии, дабы от помещиков в рубке в их дачах лесов не происходило воспреещения, обиды и грабежа. 13 декабря 1719 г. // [16, т.5, №3469].*

⁴ *Например: Экстракт описателя лесов Санкт-Петербургской губернии июня с 18 по августа 10 число 1800 г. // [3, д.30, л.138–138 об.].*

истребили, отчего и казенные леса не избежали их похищения, и теперь остался в казенных дачах один молодой дровяной лес, но и тот истребляется» [3, л.197]. Необходимость покупать и доставлять издалека строительные материалы, дороговизна дров сначала вынуждала крестьян нарушать запреты на въезд в казенные леса, а затем обнаружение этих фактов снова стимулировало активизацию различных контрольных и карательных мероприятий. Одновременно существовали и земли, богатые лесом. Например, густые леса вдоль Царскосельской дороги были удобным пристанищем разбойников. Чашобу было решено вырубить по обе стороны на 15 сажен [19, т.13 б, с.174].

Доставка материалов и дров

Основная масса дров сплавлялась в Петербург в виде плотов или на баржах, небольшая их часть доставлялась эстонцами и финнами по Финскому заливу на лайбах (двухмачтовых или трехмачтовых парусных шхунах небольшого водоизмещения) или окрестными крестьянами на саях или телегах. Баржи (барки), привозившие в город дрова, были обычно легкой постройки, с расчетом на «одну воду», то есть на 2–3 рейса в течение навигации. Баржи после финальной разгрузки разбирались на «барочный» лес, идущий на временные постройки дешевых домов на окраинах и частично – на топливо. Такая практика продолжала существовать в течение многих лет, несмотря на то, что правительству она не казалась рациональной, и Петр I одно время пытался бороться с ней⁵. «Барочный» лес продавался в местах разборки барж очень дешево, так как был сырой и весь в дырах от деревянных нагелей. Для разгрузки барж с пиленным лесом нанимались так называемые «носаки», их отличала притороченная у плеча кожаная подушка. Все работы на баржах и на берегу выполняли крестьяне. Четырехполенные в длину дрова отправляли в «гонках» – специальных плотках-обрубках [26]. Академик Н.Я.Озерецковский, совершивший поездку по Ладоге в 1785 году, описывал их следующим образом:

⁵ *Именной [указ] объявленный генерал-полцимейстером Девиером о неупотреблении водоходных судов на дрова и прочие домашние надобности. 29 мая 1719 г. // [16, т.5, №3377].*

ПРОБЛЕМА ДОРОГОВИЗНЫ ДРОВ В ПЕТЕРБУРГЕ XVIII ВЕКА

«...Строят из шестисаженного тонкого елового лесу четырехсторонние обрубы вышиною в полтора аршина, настилают в оных пол из жердей, скрепляют стены шпонками, а углы – смятыми еловыми прутьями, кои в сем случае надежнее железа; наполняют обрубы дровами, в каждый обруб помещается от 14 до 16 сажен нагруженные обрубы свозят в одну линию, привязывают один к другому счалками, то есть короткими бревнами... привязывают счалки еловыми измятыми прутьями и таким образом счаливают до 36 обрубов, а напереды плот из бревен, называемый головной, на котором держатся канаты и якори. Сие то есть гонка, которая в длину имеет до 250, а в ширину шесть сажен. Для большего укрепления протягивают через всю гонку толстые канаты, обвертывая оными каждую связь... На головном плоту ставят мачту и таковые же мачты чрез пять обрубов на шестом, а на всей гонке шесть мачт... При попутном ветре поднимают парусы и плывут под оными; в тихую ж погоду тянутся на завозах; в первом случае проходят в сутки более 20, а во втором от – 10 до 15 верст; при противном ветре стоят на якорях... В такую гонку погружается дров более 500 сажен, а людей бывает в ней от 16 до 20 человек» [13, с.46].

Описание это позволяет представить объем труда, связанный с обеспечением столицы топливом.

Плоты на Неве

Экспортная торговля

В 1750-х годах с новой остротой встал вопрос о снабжении столицы строительным материалом и дровами. В связи с этим была предпринята попытка ограничения экспорта леса

через Балтику. На практике это привело к увеличению числа ходатайств о разрешении на вывоз леса тому или иному частному лицу в виде исключения. Предприниматели представляли документальные доказательства того, что, например, находящиеся в Нарвском порту леса были срублены в Польше, и Россия является лишь транзитным пунктом; таким образом, их вывоз в Европу должен быть признан законным. Борьба за легализацию экспорта шла параллельно с развитием контрабандной торговли. В результате же объемы перевозок древесины сократились незначительно и в целом сохранились на уровне 1730-х – 1740-х гг. [21, с.35].

В 1751 г. проблема лесов близ Петербурга и «тех провинций, которые дровами и лесом Петербург снабжать могут» (в первую очередь, Новгородской), была вынесена на обсуждение Сената. Результатом рассмотрения вопроса стало решение 1754 г. о запрете вывоза лесоматериалов через Петербургский, Рижский и Выборгский порты. В 1757 г. был установлен новый таможенный тариф «к пресечению того отпуска на бревна и доски, и пошлина великая здесь положена». Такой запрет лишь отчасти позволял решить проблему. Рижские купцы сообщали о невыгодности внутренней торговли: «ежели де пилованный лес отвозить к Петербургу, или к другим российским портам, то они за дальним и многохарчистым провозом и за частым разбитием судов, как то им нередко уже случалось, ценою гораздо дороже обойдутся, нежели обыкновенно продажная в Санкт-Петербурге цена бывает» [19, с.325]. О том, что экспортная торговля значительно выгоднее по сравнению с торговлей в Петербурге, писал и камергер Р.Л.Воронцов, пытавшийся с 1755 г. добиться разрешения на ежегодный вывоз 700 деревьев через столичный порт. Заготовку он планировал вести в собственных дачах в Пензенском и Саранском уездах, где «имеется лесу немалое число». Проблему доставки Р.Л.Воронцов не считал настолько серьезной, чтобы ее обсуждать. В прошении он писал, что казна соберет пошлины «и при том шведскому, норвежскому и английскому-американскому лесному торгу будет препятствие». Однако аргументы казенной выгоды не возымели действия. Разрешение на вывоз не было

ПРОБЛЕМА ДОРОГОВИЗНЫ ДРОВ В ПЕТЕРБУРГЕ XVIII ВЕКА

предоставлено и в результате попытки оспорить первый отказ⁶. Ограничения и запреты экспортной торговли не решали проблемы обеспечения жителей столицы топливом. Вместо ожидавшейся продажи заготовленных материалов внутри страны, торговцы предпочитали просто прекращать торговлю. Под давлением европейских партнеров, заинтересованных в поставках в течение короткого времени, экспортная торговля возобновлялась. Дороговизна материалов с учетом доставки считалась оправданной, выгоды продажи за рубежом покрывали расходы, а платежеспособность населения Петербурга была настолько низкой, что и при продаже по максимальным ценам доставка из значительно более близких территорий не представляла интереса.

Цены на материалы и дрова

Данные 1790-х гг. показывают разницу в цене для Петербургского Адмиралтейства на сосновый лес, заготовленный в Новгородской и Казанской губернии. Эти различия

объясняются дальностью расстояния до Петербурга.

Сравнительная стоимость соснового леса, заготовленного в Новгородской и Казанской губерниях (в руб.)⁷

	7 сажен	8 сажен	9 сажен	10 сажен	11 сажен	12 сажен
новгородские 1794 г.	8,23	9,20	18,10	22,64	23,74	37,90
казанские 1790 г.	26,80	28–79,50	31,98	38,78	43,25	48,15

Проблема топливного дефицита осталась актуальной на долгие годы. На фоне либеральности екатерининской политики, в 1767 г. по берегам рек близ Петербурга была запрещена рубка лесов на дрова и постройки [14, с.207]⁸. Уже в 1760-х гг. цены на дрова по казенным подрядам пре-

⁶ Дело о выдаче разрешения камергеру Воронцову на вывозку мачтового леса за границу. 14 июля 1755 г. – 8 июня 1761 г. // [1, ф.212, оп.1, д.93, л.1–21].

⁷ Ведомость означаящая просимые помещиком Мачовским за сосновые деревья цены и по каким приписаны были таковые леса к Адмиралтейству прежде и казанские стоили чего [1798 г.] // [1, ф.198, оп.1, д.80, л.47–48 об.]. – Таблица приведена в сокращении.

⁸ Запрет, установленный законами петровского времени, был снят незадолго до того и

вышли 1 рубль⁹. В 1770–1771 гг., когда зимы выдались особенно морозными, цены на дрова доходили до 85 коп. – 1 рубля за куб. сажень (9,7127 м³), «ежели покупать их с первой руки», а перекупщики перепродавали их по цене до 2 рублей за сажень [18, с.123]. Затем цены несколько упали, а 1779–1781 гг. за сажень дров по казенным подрядам просили уже по 1 руб. 30–34 коп.¹⁰ На рубеже XVIII–XIX вв. цены стали расти еще быстрее. В 1810 г. стоимость сажени дров составляла уже 8 руб. 50 коп.

По свидетельству известного русского естествоиспытателя и путешественника И.И.Лепехина рост дефицита дров стимулировал поднятие цен в два раза на протяжении 1740–1760-х гг.: «отцы наши в Петербурге покупали сажень дров по полтине, а мы платим по рублю» [9, с.83]. Он близко подходит к мысли об ограниченности и исчерпаемости природных ресурсов в принципе (не только лесных) и развивает ее в дальнейшем. При публикации перевода труда французского естествоиспытателя Ж.Л.Л.Бюффона он обращает внимание на фразу: «рожденные истребителями подвластных нам существ, истощили бы мы самую природу, если бы она не была неисчерпаема, ежели бы не соответствовало ее великое плодородие нашему расхищению и если бы она не имела способов чрез самую себя вознаграждать погибшее и производить оное вновь» и снабжает ее следующим комментарием: «размышление сие находим мы жестоким и весьма желали бы оное или умерить или совсем опровергнуть; но жаль, что век наш к основанию сего уничижительного нам попрека ни одного основательного не оставляет довода» [5, с.8–9]. Пользование благами природы как неисчерпаемыми он считает неправильным, но жизненные реалии заставляют его признать, что многие современники придерживаются именно такого суждения.

Вольное экономическое общество и проблема дороговизны дров

Ф.Ф.Рогенбург описывал ситуацию 1770-х гг. следующим образом: «граждане и ремесленники жалуются с простыми и бедными людьми: "как жить и убавлять расходу, дрова ста-

введен вновь спустя несколько недель.

⁹ Журналы комиссии Академии наук // [4, д.307, 309, 536–539].

¹⁰ Журналы комиссии Академии наук. 18 августа 1774 г. // [4, д.545, л.241; д.550, л.268 об.; д.552, л.284–286 об.].

ПРОБЛЕМА ДОРОГОВИЗНЫ ДРОВ В ПЕТЕРБУРГЕ XVIII ВЕКА

новятся час от часу дороже!"... Жалобы сии справедливы и всякого уважения достойны, ибо дрова почти также как и хлеб» [18, с.123]. П.С.Паллас также отмечал, что близ Петербурга большие деревья вырублены [16, с.4].

Две публикации в *Трудах ВЭО*¹¹ 1784 г. предлагают новые способы экономии. Посредством помещения в печь пушечных ядер, которые будут долго оставаться горячими, как угли, и топку печи быстро растущими стеблями подсолнуха [15, с.155–158; 23, с.159–161]. Тогда же вице-канцлер И.А.Остерман объявил через Вольное экономическое общество награду в 50 червонных «за вымысел способнейшего судна для доставления дров и лесу с берегов Ладожского озера в С.-Петербург». При этом «для достижения в сем намерении конца пожертвовал он общей пользе не только оными денгами, но еще и приступил сам к строению желаемого судна». Оценка названных действий связывается с понятиями «общей пользы» и любви к родине: «весьма желательно, чтоб успех в деле сем соответствовал редкому усердию истинного патриота» [13, с.47].

Комиссия 1783 г.

В 1780-х гг. проблема отопления домов в столице достигла такой остроты, что императрица распорядилась создать специальную комиссию для выявления причин проблемы и изыскания способов ее решения. Дело было поручено президенту Коммерц-коллегии А.Р.Воронцову, губернатору города Маврину, статскому советнику А.В.Храповицкому и директору экономии¹² В.К.Энгельгарту. В отчете комиссии читаем: «Первое попечение наше было о верном осведомлении, нет ли в дровах недостатка? И обратя мы внимание главнейшее на настоящую в дровах надобность для всего города до будущего вешнего водоходства, старались удостовериться в том, достаточно ли количество дров, в Санкт-Петербург ввезенных; дабы в случае совершенного недостатка, не одну токмо уважать дороговизну,

¹¹ Вольное экономическое общество к поощрению в России земледелия и домостроительства (ВЭО) издавало в Санкт-Петербурге журнал, выходивший под разными названиями («Труды...», «Продолжение Трудов...», «Новое Продолжение Трудов...»).

¹² Директор экономии – чиновник Казенной палаты; по сути, третий человек в губернии по служебной иерархии после губернатора и вице-губернатора.

но поспешить предпринятием скорешних в средствах к снабдению города необходимо нужным числом дров для народного продовольствия».

Этот вопрос был изучен на основе:

- справок, наведенных полицмейстером;
- данных о дровах, прошедших за навигационный сезон через Ладожский канал;
- обследования дровяных складов по берегам Невы, Волхова и Ладожского канала;
- опроса промышленников, поставляющих дрова в столицу;
- осмотра дорог для зимнего подвоза дров;
- изучения дел в казенном магазине, откуда могли получить дрова небогатые обыватели по сниженной цене.

В результате комиссия заключила, что в городе имеются вполне достаточные запасы: «многие места, большое количество дров употребляющие, запаслись ими на всю зиму; а другие подрядили уже потребное для себя количество; да и для обывателей недостатка опасаться не можно, кроме дороговизны в сравнение с прошедшими годами». Было выявлено шесть причин дороговизны дров, среди которых притеснения поставщиков и действия правительства, призванные способствовать решению проблемы, но на деле усугубляющие ее.

А.В.Храповицкий

А.Р.Воронцов

ПРОБЛЕМА ДОРОГОВИЗНЫ ДРОВ В ПЕТЕРБУРГЕ XVIII ВЕКА

Первое, новгородское и новолодожское купечество притесняет крестьян, закупающих в тамошних местах дрова для Санкт-Петербурга, останавливая проходящие барки с дровами, под тем видом, что крестьянам торговать в городах не дозволено. Сказанные купцы принуждают крестьян или продавать им за низкую цену свои заготовленные дрова; или, заплатя деньги, идти с барками в Санкт-Петербург под их именем; или же порозжие барки для нагрузки дров покупать не прямо у низовых купцов по 25 и 30 рублей, но брать те же барки из их рук от 50 до 70 рублей.

Второе, как обыкновенно с открытием вешнего водоходства доставляются в спб заготавливаемые дрова по берегам рек Волхова и Сяси, по Ладожскому каналу и по другим удобным местам, то затруднялся в нынешнем году привоз тех дров недозволением от управы благочиния выгружать в городе дрова в летние месяцы, как сказывают для опасности во время пожаров.

Третье, после такого недозволения запастись дрова в частях города, не были отведены и на Неве реке места для причала с барками, дровами нагруженными.

Четвертое, равным образом бывает затруднение дровяным баркам при проходе сквозь большой невский мост, где берут с них не только ту же плату, какая установлена с судов иностранных, но еще и больше в случаях умышленного притеснения.

Пятое, нет теперь в городе казенных мест для бесплатной складки дров, но торгующие оными должны нанимать места у обывателей, платя за разные двory от 200 до 300 рублей; деньги сии раскладываются на количество дров, в тех дворах помещаемых, и возвышается цена на каждую сажень от 10 до 20 копеек.

Шестое, послужило к нынешней дороговизне дров – в было зделанное от санктпетербургского губернского правления запрещение привозить и продавать в городе однополенные дрова меньше аршинной меры, ибо дровосеки, приобькшие к рубке трехчетвертных дров, не стали за прежнюю плату рубить дрова аршинные, кои по величине своей и к вывозке из лесных угодий неудобны. В барку помещалось маломерных дров от 300 до 350 сажен, аршинных же поместится не больше 170 или 180 сажен, но расходы при згонке барки и найме работников, будучи те же, разложатся на меньшее против прежнего число сажен и прибавят цену на аршинные дрова. Равномерно и при развозке аршинных дров по домам больше бы-

Ресурсы нации

вает издержек потому, что на один воз целой сажени дров положить невозможно. Сверх того, как для излишней цены на аршинные дрова против дров прежней меры, так и по мере печей, во многих домах обыватели тех дров не покупают; неудобность же аршинной меры относится и на дрова, привозимые зимою на возах сельскими обывателями.

Выводя из причин, здесь представленных, примерное исчисление излишним только расходам против прежних лет причтется на всякую сажень дров.

При покупке дров выше волховских порогов	30 коп.
За барку и доставление в Санкт-Петербург до	10
За выгрузку и складку в городе	15
За наем дворов до	20
За развозку в дома покупателей	10
-----	85 коп.

Следовательно когда в 1782 году продавались однополенные малой меры дрова по 1 руб. 40 коп. и по 1 руб. 80 коп. сажень, то с прибавкою вышедших по примерному расчету 85 коп. на аршинные дрова, обойдется сажень в 2 руб. 25 коп. и в 2 руб. 65 коп.

Заготовку дров производили купцы, казенные и помещичьи крестьяне, в основном, в Новгородской губернии. Крестьяне объявляли себя приказчиками купцов для того, чтобы иметь возможность беспрепятственно торговать дровами. Детально изучив процедуру заготовления, доставки, хранения и продажи дров, члены комиссии приходят к выводу о том, что «торгующих дровами нельзя назвать скупщиками и перекупщиками, но купцами по внутренней торговле, дозволенную для себя прибыль получающими; ибо есть ли бы не было сих промышленников, которые, заготовляя и закупая дрова, доставляют в город и продают в розницу, то разве бы всякому обывателю посылать в уезд самому для закупки дров на свою надобность? И так заключаем, что дровяной промысел должен быть еще и ободряем и чем более людей оным заниматься станет, тем меньшее будет состоять в возможности дровяных промышленников устанавливать на дрова цену и между собою в том соглашаться, что самое будет способствовать дешевизне дров». В заключение комиссия давала следующие рекомендации:

ПРОБЛЕМА ДОРОГОВИЗНЫ ДРОВ В ПЕТЕРБУРГЕ XVIII ВЕКА

- разрешить всем желающим осуществлять оптовую и розничную торговлю дровами любого размера;
- запретить притеснения;
- мосты на Неве взять под контроль Управы благочиния и при пропуске барок с дровами взимать умеренную плату;
- выделить специальные места для выгрузки, хранения, продажи дров;
- увеличить финансирование казенного магазина;
- в лесах, расположенных в непосредственной близости от столицы, соблюдать рубку по лесосекам¹³.

Эти рекомендации были выполнены в дальнейшем лишь частично, и топливная проблема оставалась болезненной для Петербурга в последующие годы.

Как правильно топить печи?

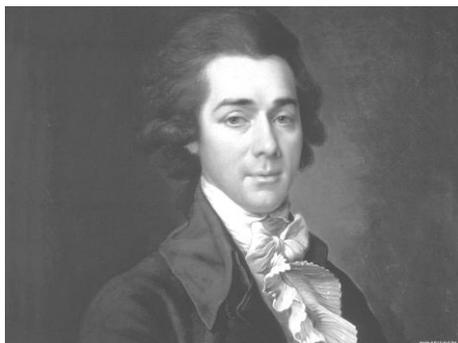
В 1790 году дороговизна топлива в Петербурге снова обсуждалась на страницах *Трудов ВЭО*. В качестве основной причины ее названы активное строительство – дворцовое, корабельное, обывательское и тот факт, что, несмотря на множество публикаций, люди «только об одной рубке, а не о сеянии и сажании

Изразцовая печь во Дворце А.Д.Меншикова

толь нужных родов оного или о чищении помышляли». Не претендуя на новизну своих идей, Е.И.Шретер призывал к использованию уже предлагавшихся способов экономии топлива – собирать валежник, тушить за собой костры в лесах и т.п. [25, с.203–212]. В другой статье автор пишет, что Санкт-Петербург и Москва стали первыми городами, куда были завезены европейские технологии строительства домов теплых и с печами, обеспечивающими максимально эффективное отопление; сообщает о правилах такого строительства и об особенностях конструкций изразцовых печей [24], а затем рассказывает об опытах, направленных на поиск экономного и эффективного способа топки [7, с.20].

Теме снабжения столицы недорогим топливом посвящена также длительная переписка различных государственных инстанций на рубеже XVIII–XIX веков. Однако попытка решения проблемы административными методами, также не привела к значительному изменению ситуации¹⁴.

Н.А.Львов

В 1795 г. вышла в свет «Русская пиростатика» Н.А.Львова. В этой работе автор – инженер и архитектор – критиковал распространенное увлечение европейскими фигурными печами, красивыми, но малоэффективными; и представил собственные отопительные установки. В 1799 г. он опубликовал вторую часть работы, в которой рассказал о системе, являвшейся

прообразом канального нагревателя водяного или парового отопления, не доведенную, однако, до той степени совершенства, чтобы продемонстрировать свои преимущества [10].

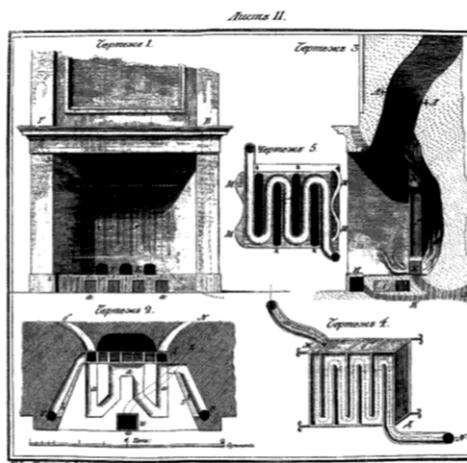
¹⁴ Дело о разрешении ежегодной рубки леса для надобностей города Петербурга; о принятии мер по борьбе с самовольной вырубкой леса крестьянами Новоладожского уезда Петербургской губернии. 31 декабря 1798 г. – 10 июля 1807 г. // [3, д.1594].

РУСКАЯ
П И Р О С Т А Т И К А
ИЛИ
УПОТРЕБЛЕНІЕ ИСПЫТАННЫХЪ УЖЕ
ВОЗДУШНЫХЪ
ПЕЧЕЙ И КАМННОВЪ,
ПОСРЕДСТВОМЪ КОИХЪ:

- 1 е. Нагревается комната наружнымъ воздухомъ.
- 2 е. Соблюдается дрова.
- 3 е. Переменяется въ покояхъ вредный воздухъ на свежий, но теплый.
- 4 е. Отыражается дымъ, и наконецъ
- 5 е. Доставляется разныя удобства, къ удовольствію жизни и здоровья служація.

Ч А С Т Ъ П Е Р В А Я.
Сочинена 1793 года.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЕ,
Печатана въ Типографіи Корпуса Чужеземныхъ Единверцовъ 1795.

Слева: обложка книги Н.А.Львова; справа: чертежи печей – прототипов системы современного парового отопления – из книги Н.А.Львова

**Страдая от дефицита,
продолжаем
экспортировать**

Дороговизной строительного материала и топлива в столице диктовались и павловские запреты на экспорт лесов. Составленная в связи с этим запретом ведомость о «приготовленных в заморский отпуск» матери

риалах (уже готовые к отправке разрешалось вывезти, с тем чтобы сразу после этого заготовки были прекращены) зафиксировала в Петербургском и Кронштадтском портах древесины на общую сумму 656 911 руб., принадлежащих 24 купцам и торговым компаниям. Среди перечисленных фамилий не встречается русских. Экспортная торговля лесами находилась всецело в руках англичан и других иностранцев [19, т.1, с.612–614]. Русское купечество не могло на равных конкурировать в деле, требовавшем больших организационных усилий, найма работников на

пространной территории – от мест заготовок до портов, наличия рынка сбыта в Европе. Соответственно вопросы о заготовках, продаже на месте, вывозе, разрешении или запрещении рубки выходили за рамки внутренних дел страны. Включались дипломатические механизмы, приходилось принимать решения, исходя из соображений сохранения торгового сотрудничества, коммерческих интересов, идти навстречу партнерам.

Заключение

На протяжении всего XVIII столетия и последующего времени, вплоть до перехода на водяное и паровое отопление, проблема дороговизны дров для жителей Петербурга оставалась острой, эффективных способов ее решения найти не удавалось. Попытки правительства регулировать торговлю дровами из года в год не улучшали ситуацию. Потребности растущего города – крупного населенного и производственного центра с увеличивавшимся населением, порта, верфи – росли со скоростью, не оставлявшей возможностей для эффективного решения вопроса в долгосрочной перспективе.

Библиографический список

1. Российский государственный архив Военно-Морского флота. Ф.198. Оп.1. Ф.212. Оп.1.
2. Российский государственный архив древних актов. Ф.16. Оп.1.
3. Российский государственный исторический архив. Ф.1594. Оп.1.
4. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф.3. Оп.1.
5. Бюффон Ж.Л.Л. Всеобщая и частная естественная история. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1804. Ч.8. 310 с.
6. Врангель В.В. История лесного законодательства Российской Империи. СПб.: Привилег. тип. Фишера, 1841. 156 с.
7. Опыты // Продолжение Трудов ВЭО. 1792. Ч.16 (46). С.375–376.
8. Истомина Э.Г. Водные пути России во второй половине XVIII – начале XIX века. М.: Наука, 1982. 279 с.
9. Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1770 году. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1795. Ч.1. 537 с.
10. Львов Н.А. Русская пиростатика, или Употребление испытанных уже воздушных печей и каминов... СПб.: Тип. Корпуса чужестранных единоверцев, 1795–1799. Ч.1–2.
11. Нечто о дровах // Экономический магазин. 1780. №35. С.143–144.
12. Сенатский архив. СПб.: Сенатская тип., 1909. Т.13. 614 с.

ПРОБЛЕМА ДОРОГОВИЗНЫ ДРОВ В ПЕТЕРБУРГЕ XVIII ВЕКА

13. Озерецковский Н.Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. Петрозаводск: Карелия, 1989. 206 с.
14. Описание дел Архива Морского министерства. СПб.: Тип. В.Демакова и тип. Морского министерства, 1888. Т.5. 1031 с.
15. Оррерус Г. Опыт топить печи меньшим количеством дров // Продолжение Трудов ВЭО. 1784. Ч.5 (35). С.155–158.
16. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской Империи. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1773. Ч.1. 657 с.
17. Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. [Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года]. СПб.: Тип. 2 Отд-ния с.е.и.в. канцелярии, 1830.
18. Регенбургер Ф.Ф. Рассуждение и исследование причин для чего все жалуются в Петербурге на дороговизну дров, при чем прилагается способ, как здесь в Петербурге и по другим городам, в которые уже дрова привозятся издалека, можно всякий год по малой мере 15 и 20 000 сажен дров сберечь // Труды ВЭО. 1772. Ч.20. С.122–155.
19. Сенатский архив. СПб.: Сенатская тип., 1872–1904. Т.1–11.
20. Сочинения // Продолжение Трудов ВЭО. 1792. Ч.16 (46). С.398.
21. Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции. СПб., 1786.Т.5. Кн.2. С.294–315.
22. Шапиро А.Л. О роли Петербурга в развитии всероссийского рынка в XVIII – первой половине XIX в. // Города феодальной России. Сб. ст. памяти Н.В.Устюгова. М.: Наука, 1966. С.386–396.
23. Шретер Е.И. О новом средстве топить печи в безлесных местах // Продолжение Трудов ВЭО. 1784. Ч.5 (35). С.159–161.
24. Шретер Е.И. Примечания о причинах холода в жилых покоях с наставлением кладки, или устройства наших одобренных, дрова сберегающих комнатных печей в С.Петербурге // Продолжение Трудов ВЭО. 1790. Ч.12 (42). С.1–66.
25. Шретер Е.И. Случайное размышление о употреблении всякого рода лесов в Санкт-Петербургской губернии, и как надлежит чинить им пособие // Продолжение Трудов ВЭО. 1790. Ч.10 (40). С.203–212.
26. Юхнёва Е.Д. Петербургские доходные дома. Очерки из истории быта. СПб.: Центрполиграф, 2008. 254 с.

Революция за два дня проделывает
работу десяти лет и за десять лет
губит труд пяти столетий.

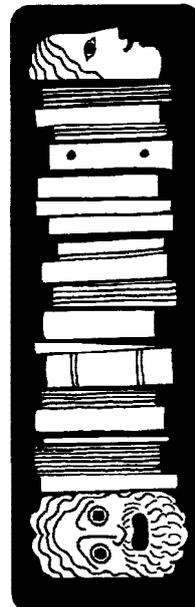
Поль Валери

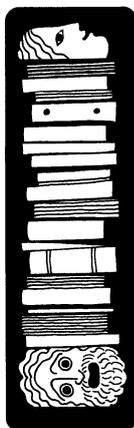
Насилие нельзя регулировать
и употреблять только до известного
предела. Если только допустить
насилие – оно всегда перейдет
границы, которые мы хотели бы
установить для него.

Лев Николаевич Толстой

**Насилие, если оно позволяет себе
помедлить, становится властью.**

Элиас Канетти

Елена Мягкова

**«БЕСЫ», «ИГРОКИ»
И «МЕЧТАТЕЛИ»,
ИЛИ КАК ЧЕЛОВЕК
СТАНОВИТСЯ
РЕВОЛЮЦИОНЕРОМ**

ЧАСТЬ IV¹

УДК
94(44)04

Для просветительского идеала («царства Разума») революция оказалась неожиданной возможностью для переноса утопии на твердую почву. Переход от вымысла к реальности, от сослагательного наклонения к изъявительному мыслился абсолютно мирным, без разрушительных бунтов и возмущений. Законодательство первого этапа революции полностью ориентировано на создание идеального государства и гражданина (нового мира и нового человека). Однако состояние перманентной опасности заставило правительство принять исключительные меры против «недоброжелателей» в обход Конституции. Насильственное воплощение в жизнь счастья земного черпало свой потенциал в психологии революционных лидеров, искренне убежденных в своей правоте, но одновременно находило подтверждение в правовых концепциях предшествующих эпох (теории общественного договора и абсолютистской практики «военного положения»).

The French revolution represented for enlighteners the most propitious occasion for the making a «kingdom of Reason» a reality. The evolution from fiction to reality, from subjective mood to indicative mood was imagined in most peaceful manner, without destructive rebels and indignation. During the first revolutionary period the legislation was directed to the creation of an ideal state and a citizen (new world and new man). However the permanent danger to social order brought the government to pass the extraordinary law against malevolents in contravention of the Constitution. The violent realization of an earthly paradise derived its strength from the revolutionary psychology but also from the ancient conceptions (the idea of social compact and the practice of “roi de guerre”).

Ключевые слова: Французская революция (1789–1799); политическая культура; теории общественно-политического устройства; представление об идеальном государстве и обществе; система государственного управления.

Key words: French Revolution (1789–1799); political culture; theories of social and political organization; image of ideal state and society; system of public administration.

E-mail: rgaspi@inbox.ru

¹ Продолжение. Начало см.: Россия XXI. 2016. №№1, 2, 3.

IV. Убеждать своих врагов лишь «силой абсолютной разумности»

Для просветительского идеала («царства Разума») революция оказалась неожиданной возможностью для переноса утопии на твердую почву. «Здесь останавливаются вечно блуждающие острова Блаженных. Никогда не принадлежавшие никакой эпохе или стране <...>, они бросают якорь и швартуются к новым берегам – здесь и теперь» [4, с.17]. Переход от вымысла к реальности, от сослагательного наклонения к изъявительному совершается мирно, без разрушительных бунтов и возмущений. Стоит старому порядку исчезнуть, как новое устройство мира обретает плоть и ясные очертания. Отсюда берет начало твердая уверенность Оноре де Мирабо в том, что «великая революция обойдется без злодеяний и слез».

Спокойное, даже будничное наступление нового порядка объяснялось и отношением людей конца XVIII века к роли законодателя – мудрого, просвещенного, добродетельного. Предложенные им законы идеальны в деле управления и безупречны с точки зрения морали. Отказ от

Французская Конституция, учрежденная Мудростью на основе неотъемлемых прав человека и обязанностей гражданина. Гравюра Копиа по рисунку Прудона. Офорт, резец. (РГАСПИ. Ф. 654. КП 3143. ГР 25318)

подчинения им виделся аномалией, патологией или заблуждением. Слепое сопротивление должно не наказываться, а «лечиться» посредством пропаганды и образования. Так, в своих беседах, адресованных жителям деревень, – недоверчивым, суеверным и неграмотным, – Ж.-М.Коллод'Эрбуа называл главным достоинством Конституции 1791 г. способность «подчинять своей власти самых заклятых врагов лишь силой ее абсолютной разумности» [6, с.5].

Однако предполагаемое царство гармонии было далеко от воплощения: на смену Великому страху и «заговору аристократов» пришли эмиграция, бегство короля, иностранная интервенция, повсеместные крестьянские «жакерии», бескомпромиссная борьба клубов и фракций. Напряженная атмосфера бесконечных «заговоров», состояние «перманентной» опасности мало-помалу заставили правительство «заморозить» закон, чтобы в обход Конституции (и для эффективности сопротивления) принять исключительные меры против «недоброжелателей».

Здесь трудно не вспомнить слова Эдгара Кине: «Беда в том, что почти все наши утопии родились, когда мы находились в рабстве, и потому пронизаны его духом. Отсюда следует, что утопия склонна видеть союзника во всяком нарождающемся деспотизме. Наши слагатели систем цепляются в своих мечтах за абсолютную власть. Поскольку их идеи часто противоречат природе человека, они часто препоручают деспотизму заботы об их претворении в жизнь. События развиваются не так, как им хочется? Значит надо при помощи произвола заставить их идти надлежащим образом. Отсюда открытое преклонение перед сильнейшим. Для них чем сильнее, тем лучше – и предела этому нет...» (Цит. по: [4, с.22–23]).

Политика оказалась во власти экстраординарных мер (нарушение индивидуальных прав и свобод от имени нации, социума в целом) [2] как закономерный результат двух дискурсов «спасения Отечества»: философской доктрины общественного договора (Ш.-Л.Монтескье, Ж.-Ж.Руссо), где частный интерес намеренно ограничивается в пользу общего блага, и абсолютистской практики «военного положения» (*roi de guerre*), предоставляющей королю полную свободу выбора действий в экстремальных условиях. Институциональный и идейный континуитет со Старым порядком выводит государственное насилие из привычной ему категории иррационального [5].

Н.М.Карамзин: «Кто более нашего славил преимущества осьмого-надесятого века: свет философии, смягчение нравов, тонкость разума и чувства, размножение жизненных удовольствий, всеместное распростра-

№1

**Предварительные статьи Устава Общества друзей Конституции
города Роман², или Патриотическое кредо названного общества**

[1791 год]

1.

Друзья Конституции³ не являются ни ее обожателями, ни ее рабами. Если бы они были ее обожателями, они не смогли бы увидеть ни один из ее недостатков; если бы они были ее рабами, они бы не посмели подвергать ее цензуре⁴.

2.

Друзья Конституции не считают ее безукоризненным произведением; они даже убеждены, что ничто человеческое не может иметь такого характера. Однако они ее любят и восхищаются ею как одним из самых прекрасных политических Законов, когда-либо существовавших на земле для счастья и славы человечества.

3.

Декларация прав человека и гражданина⁵ является базой Французской конституции. Все то, что прямо опирается на этот незыблемый⁶ фундамент, должно почитаться отныне и навсегда. Все то, что ведет от него свое происхождение, обязано своей красотой и основательностью всему зданию в целом. Друзья Конституции должны непрерывно работать, отдавая ему все то постоянство и те навыки, на какие они только способны.

4.

Друг, желающий исправить ошибку друга, не станет использовать насильственные меры, способные скорее усилить пороки, чем их вылечить. Он не проявит ни колкости, ни горячности; но он соединит мягкость с

² Роман (Romans), населенный пункт в департаменте Дром.

³ Имеется в виду Конституция 1791 г., принятая Национальным собранием 3 сентября 1791 г.

⁴ Слова «подвергать ее цензуре» вписаны над двумя зачеркнутыми словами: «обнаруживать [ошибки]» и «критиковать».

⁵ Декларация прав человека и гражданина, принятая Национальным собранием 26 августа 1789 г. Является основой современного конституционного права во Франции.

⁶ Слово «незыблемый» вписано над зачеркнутым словом «священный».

непреклонностью, снисхождение со справедливостью в ожидании, пока время и опыт поддержат и подтвердят советы Разума. Равным образом Друзья Конституции подчиняются законам, которые они не одобряют, но они и не пренебрегают ни одной законной возможностью, находящейся в их распоряжении, чтобы вычеркнуть их из величественного кодекса, который они обезображивают и оскверняют.

5.

Если все люди рождаются и остаются равными в правах⁷, если таков закон Природы, подтвержденный и обнародованный Учредительным⁸ собранием, то при помощи какого непостижимого противоречия смогло оно изменить эти права и их ранжировать в зависимости от доходов? Обычное свойство богатства состоит в том, чтобы портить людей, а здесь закон предполагает, что⁹ богатство их делает лучше.

6.

Если все люди рождаются и остаются равными в правах, пассивный гражданин¹⁰ не является человеком. Закон не просто его унижает, но отрицает его существование как объекта законотворчества. Представители коммун Франции! Размышляли¹¹ ли вы когда-нибудь, что именно злоупотребления и преступления вызвали революцию, что эти злоупотребления и преступления, прежде всего, касаются бедных людей, что вы призваны, прежде всего, освободить их от нужды и глумления, до которых их довел деспотизм, что в первых собраниях они обладали правом называться представителями, что они составляли большинство избирательных голосов, от которых зависели выборы, и что именно поэтому вы должны считать себя их прямыми ставленниками, далекими от идеи, что они избрали вас для того, чтобы вы их отрицали.

⁷ На полях заметка: «статья первая».

⁸ Слово «Учредительным» вписано над зачеркнутым словом «Национальным».

⁹ Далее в тексте зачеркнуто слово.

¹⁰ Вопреки Декларации прав человека и гражданина, признававшей общее равенство в правах, граждане, по Конституции 1791 г., делились на «активных» и «пассивных». Активными могли быть французы, достигшие 25-летнего возраста, имевшие оседлость в городе или кантоне в течение известного времени, платившие прямой налог в сумме не менее трехдневной заработной платы.

¹¹ Слово «размышляли» вписано над зачеркнутым словом «задумывались».

7.

«Все граждане, будучи равны перед законом, одинаково имеют доступ ко всем общественным званиям, местам и должностям без любых других различий, кроме добродетели и таланта»¹². Эта статья является необходимым следствием той, что устанавливает равенство в правах. Но зачем развивать принцип, очевидный сам по себе, если отсутствует стремление следовать ему? Не обозначает ли это соединения раскола с жестокостью? Какое, в самом деле, отвратительное варварство держать факел в одной руке и кинжал в другой, возглашать людям, которых убивают, говорить им, наконец: вот каковы ваши права, но я вас знакоплю с ними только для того, чтобы показать вам, что я их у вас похитил!

8.

Эти шокирующие противоречия не являются единственными из тех, что огорчают Друзей Конституции. Они спрашивают себя, как стало возможным, чтобы, при условии одинакового наказания за все однотипные правонарушения, в государстве продолжал существовать человек, провозглашенный законом священным, способный нарушать любое правило, не теряя при этом неприкосновенности. Друзья Конституции понимают, что Король не отчитывается, подобно тому как другие отчитываются перед ним самим под их личную ответственность, за свои действия по управлению. Как бы то ни было, но закон может быть доволен. Везде, где он видит преступления, он преследует преступника и лишен необходимости рассматривать некоторые из преступлений как беспричинные действия. Однако Друзья конституции не понимают, почему защитный покров неприкосновенности монарха не оставляет для закона никакого места; почему он не обязан отвечать за те преступления, за которые другие отвечают перед ним; они, наконец, никогда не поймут, каким образом новый Нерон¹³ может иметь во Франции конституционное право на преступления, вплоть до убийства. Французы! Вы трепещете от ужаса при виде этого Короля, тогда как он должен быть объектом вашей любви. Окружающая его безнаказанность заставляет вас отступать в страхе при его приближении. Ах, будьте спокойны! Скоро он сам попросит отмены этой неприкосновенности, которая, уподобляя его Богу, делает его самым опасным и самым отврати-

¹² На полях заметка: «статья шестая».

¹³ Нерон Клавдий Цезарь Август Германик (37–68), римский император.

тельным человеком среди других людей. Скоро он почувствует, что тот, кому нечего опасаться закона, должен опасаться только себя и себе подобных и что не существует более верной неприкосновенности, чем невиновность.

9.

Декрет, устанавливающий наследственность трона, бросает на милость случая первую и самую важную общественную должность. Может ли он существовать и далее, если напомнить уже цитировавшийся принцип: «Все граждане, будучи равны перед законом, одинаково имеют доступ ко всем общественным званиям, местам и должностям, без любых других различий, кроме добродетели и таланта»? Нет, пока не будет доказано, что дети королей рождаются с такими добродетелями и талантами, которые поднимают их над другими людьми, Друзья Конституции никогда не поверят, что такая чудовищная привилегия должна быть сохранена. Они будут ей подчиняться до тех пор, пока тот, кто принял эту привилегию, не отменит ее; но они не прекратят требовать отмены этого закона. Разум не может принять двух заведомо противоречивых утверждений. Французы, выбирайте: отменить равенство, являющееся основой вашей конституции, либо свести к единому уровню то, что выходит за рамки общих прав человека и гражданина.

10.

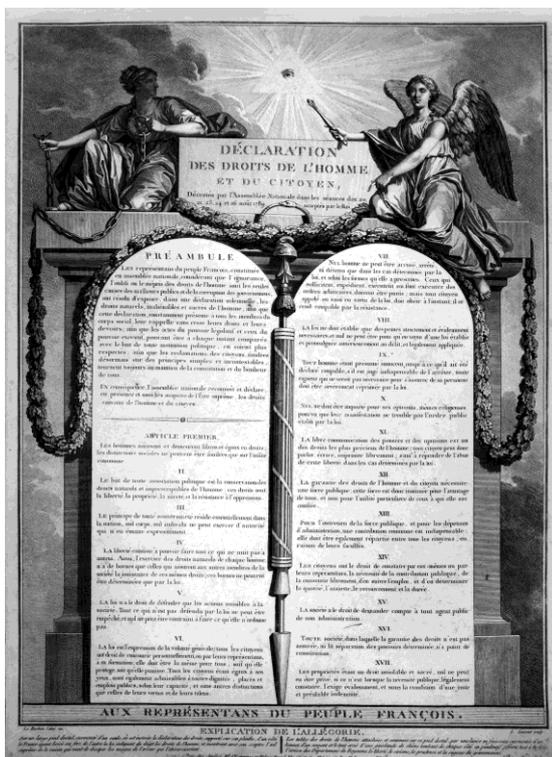
Друзья Конституции, уже напуганные необъятными и исключительными правами, предоставленными Короне, пришли в еще больший ужас, когда, под предлогом предоставления ей подобающего блеска, Национальное собрание утвердило для нее ежегодное содержание в 30 миллионов. Не скажут ли после этого, что мы добились свободы для того, чтобы предоставить возможность нескольким предателям продавать ее? Не скажут ли, что мы дали исполнительной власти возможности покупать ее? Или Король разрушит Конституцию или Конституция обеднит Короля. Вот еще одна статья для кредо почитателей свободы.

11.

Таковы главные пороки, бесчестящие Конституцию в глазах ее Друзей. Они не перестанут упрекать ее в этих пороках до тех пор, пока они не будут исправлены. Однако даже при сохранении пороков они будут продолжать любить ее и ей подчиняться. Мир является объектом их самых страстных желаний: далекие от мысли сопротивления декретам

Законодательной власти, они готовы всегда встать на их защиту¹⁴. Опираясь на Разум, вдохновляясь надеждой, они постоянно будут призывать к защите прав человека и гражданина. Этот призыв, не имеющий ничего общего с мятежом, будет понят и поддержан, он станет общим призывом, призывом суверенного народа, который проводит реформу только потому, что хочет реформироваться, и¹⁵ который не знает для своей последней воли других причин, кроме собственного счастья.

Автограф Жюльена. Бумага с водяными знаками.
РГАСПИ. Ф.317. Оп.1. Д.42. Л.1–3. Подлинник. Рукопись.

Декларация прав человека и гражданина.
Гравюра Лорана по рисунку Ле Барбье-ст. Офорт и резец (РГАСПИ. Ф.654. КП 77528. ГР 883)

¹⁴ На полях дополнение: «против всякого несправедливого и незаконного посягательства».

¹⁵ Далее зачеркнута фраза.

№2

**Обращение граждан Парижа к своим соотечественникам
в Париже и департаментах¹⁶**

[1793 год]

Граждане, которые состоят членами собрания Друзей единства и свободы, заседающего в бывшей церкви святого Якова¹⁷ на улице Доминик, предместье Жермен в Париже, поименно подписали нижеследующую декларацию для ее последующей печати и публикации, обнародования и распространения в Париже и департаментах Республики, поскольку она является точным выражением мнения и чувств, которым они всегда следовали¹⁸, и их желаний во благо родины.

Опасность для общественного порядка и необходимость оглашения настоящих причин наших бедствий и средств к их устранению¹⁹ побудили многих республиканцев к созыву патриотического собрания, в границах Конституции²⁰, с целью предложить Законодательному собранию, исполнительной директории и разным конституционным властям некоторые истины, способные прояснить их поведение, оказать поддержку их усилиям во имя блага, разоблачить врагов родины, объединить граждан, предотвратить новые бедствия и определить, наконец, судьбу Французской республики, в течение столь долгого времени брошенной на произвол коррупции, иностранного влияния и принесенной в жертву всем страстям и преступлениям.

Многие депутаты лично присоединились к нам с этой же целью для того, чтобы, постепенно и исключительно силой принципов, способствовать торжеству священного дела свободы.

¹⁶ Настоящему заголовку предшествует другой, зачеркнутый: «Закрытие Собрания Друзей Равенства и Свободы, заседающего в монастыре святого Якова, в Париже».

¹⁷ Речь идет о Якобинском клубе, который после переезда Национального собрания в Париж (октябрь 1789 г.) назывался «Обществом друзей конституции» (см. первый документ в настоящей публикации), а после провозглашения республики (сентябрь 1792 г.) – «Обществом друзей свободы и равенства».

¹⁸ Слова «мнения и чувств, которым они всегда следовали» вписаны над зачеркнутым текстом: «их мнения, их чувства».

¹⁹ Далее зачеркнуты слова: «и достигнуть состояния».

²⁰ Речь идет о Конституции, принятой Национальным Конвентом 24 июня 1793 г.

Нам остается только констатировать факт использования нас мишенью клеветы; она преследовала нас с ожесточением, она нарушала наши собрания, извращала наши речи, меняла наши мнения, пугала миролюбивых и слабых людей. Она оживила все те источники, которые могли разжечь злобу и месть, тогда как мы желаем единства и согласия. Она обманула даже исполнительную директорию. Она искусно подготовила новые расколы и новые беды. Но мы пресечем эти преступные намерения; умеренность, великодушие, мудрость республиканцев будут единственным ответом их клеветникам; ни одна жертва не будет чрезмерной для друзей Республики во имя прекращения угрожающих ей бед.

Так как только роялисты обвиняли нас, так как только их ядовитые листовки без конца тиражировали вздорные и старые обвинения в нашем желании восстановить *террор*, следовать²¹ *анархии*, предпринять отмену Конституции 3-го года, то мы хотим противопоставить этим абсурдным заявлениям мирные дискуссии о средствах по упрочению этой конституции, столько раз и так²² притворно призываемые даже теми, кто беззастенчиво нарушает ее. Единственной целью наших встреч и работы является пресечение царства произвола, расколов, убийств и установление царства порядка и законов, завершение бедствий войны и заключение прочного и достойного мира; и оба эти условия являются глубоко и неразрывно связанными.

Мы не станем подробно останавливаться на тех несчастьях, жертвами которых мы являемся, и той жестокой кровожадной системе, стоившей жизни стольким республиканцам под ударами кинжала или в военных сражениях. Мы хотим лишь беглого и слишком часто воспроизводимого обзора преступлений наших врагов, способного вызвать новые преступления и замкнуть нас в порочном круге революционных действий и противодействий, из которого пора уже найти выход, чтобы жить в мире под покровительством братства. Наши чувства всегда были чисты, наши убеждения были республиканскими, наши действия соответствовали Конституции и законам.

Однако таково было влияние интриги и клеветы, что наше существование запугало даже тех людей, которые инициировали наше собрание. В наивысшие моменты кризиса и опасности обратились к старым друзь-

²¹ Далее следует зачеркнутое слово «системе».

²² Слова «и так» вписаны над строкой.

ям революции; когда же опасность миновала, их пытаются объявить вне закона.

Мы осознали, не без удивления даже для представителей власти, что Конституция призывает защищать и давать гарантию тем патриотическим собраниям, которые она признает законными, призывает стать отзвуком и средством наших клеветников и врагов. Люди, бывшие ненавистниками роялистов и стяжавшие славу в первые дни битвы против тирании, восприняли недоверие и страх, которые им пытались внушить по отношению к нам, и предвестники возрождающейся реакции привнесли тревогу и ужас в сердца друзей человечества.

Как! Резня и смерть все еще обитают на французской территории! Гнев роялистов остается безнаказанным и поощряется! Получатели национальных имуществ, солдаты, вернувшиеся к своим очагам, все патриоты брошены без покровительства на милость орд варваров и убийц!..

Нет, необходима, наконец, гарантия. Люди и собственность находятся под охраной законов. Представители и должностные лица французского народа несут ответственность за индивидуальную безопасность граждан. Национальное представительство обратится в недремлющее око и примет законные меры, достаточно сильные, чтобы сдерживать всех тех, кто пожелал бы нарушать спокойствие²³ Республики. Исполнительная власть позаботится о замене человекоубийственной системы противовесов, угнетения и насилия системой примирения, сближения и единения между всеми настоящими республиканцами. Она не позволит больше властвовать палачам. В противном случае кровь приносимых в жертву людей запятнает ее и продолжение беспорядков и казней, столь долго печаливших нашу страну, завершится внутренней войной, открытой и явной, общей и ужасной, позволившей бы, по меньшей мере, жертвам, уничтожаемым отдельно, защищаться совместно и тем самым заставить дорого заплатить за свои жизни. Пусть же небо²⁴ избавит нас от этого слишком²⁵ ужасного будущего! Но горе²⁶, трижды горе безалаберным и виновным правителям, которые, оказавшись одновременно²⁷ под

²³ Далее зачеркнуто слово «общества».

²⁴ Далее зачеркнута фраза.

²⁵ Слово «слишком» вписано над строкой.

²⁶ Далее зачеркнуты слова: «трижды проклятие».

²⁷ Слово «одновременно» вписано над строкой.

давлением и прессом²⁸ между двумя вооруженными партиями, королевской и республиканской, и видя с обеих сторон разъяренных и отчаявшихся граждан, осуждают их, получая отмщение в той ужасной²⁹ жестокости, к которой те были вынуждены, занимаясь резней, подобно прежним гладиаторам на окровавленной арене. Сможет ли мудрость и стойкость Законодательных властей, надзор и сильная, энергичная воля директории предупредить и прекратить навсегда эти дни скорби и ужаса? Сможем ли мы погасить, наконец, пока у нас еще есть время, эти жестокие гражданские беспорядки, радующие и обнадеживающие иностранные силы, жадные до раздела территорий нашей разрываемой на части страны?

Законодатели, члены директории и магистраты, вы все, французские граждане, каковыми бы ни были ваши мнения, трепещите от результатов, которые породили расколы, разжигаемые и подпитываемые нашими врагами. Кто сеет ветер – пожнет бури; меч поразит того, кто держит его. Слишком много горя было выстрадано, слишком много слез было пролито. Надо уничтожить кинжалы и мечи, убить смерть и сковать разрушение.

Во Франции 25 миллионов жителей; существование, по меньшей мере, 20 миллионов из них зависит от Республики. Объединимся же против общего врага. Австрийцы, русские, англичане стоят у наших дверей, окружают нас и угрожают. Нужно еще бороться, чтобы добиться мира. Нужно собрать все наши силы, объединить все наши возможности, противопоставить королевской коалиции коалицию всех граждан Франции, слитых воедино при помощи духа, гордости, национального интереса, общественной опасности, настоятельной необходимости забыть все разногласия для поддержания единства французской земли. Таково кредо настоящих друзей Республики.

Иностранные короли использовали наши проблемы. Они надеялись уничтожить нас, вооружив одних против других. Они осознали, что французы, объединившись и сражаясь вместе для защиты своей родины, были бы неуязвимы. Они хотели увековечить, ожесточить и национализировать споры вокруг разных мнений, политические битвы, фракции, расколы, распри. Они хотели надеть на Францию отравленную тунику Несса³⁰ и повергнуть ее в состояние конвульсий злобы и гнева. Они улы-

²⁸ Слова «и прессом» вписаны над строкой.

²⁹ Слово «ужасной» вписано над зачеркнутым словом «отвратительной».

³⁰ В древнегреческой мифологии Несс – кентавр, отравивший Геракла своей кровью.

бались, предвкушая возрождение отвратительных и жестоких сцен, обагривших кровью революцию.

Иностранные державы присвоили себе эпоху и средства, в том числе спасительные, чувства, в том числе похвальные, вплоть до ³¹ наших побед и завоеваний, чтобы ³² обернуть их против нас. Патриотизм, победа иногда становились их ³³ соучастниками ³⁴ и служили ³⁵ их планам. Они взяли на вооружение тот великий принцип управления, который состоит в том, что препятствия, ведущие к гибели гениального человека, служат их собственному успеху, и в том ³⁶, чтобы суметь использовать даже те элементы, которые сначала кажутся вредными.

А мы, воспользовавшись длинным и гибельным опытом по избеганию ловушек, в которые нас пытались заманить, мы разоблачим макиавеллистические ходы ³⁷ жестокого и подлого врага. Мы будем едины, мы будем спокойны и мы спутаем его планы.

Он надеялся, что собрание республиканцев Парижа, предоставив предлог к обвинениям купленных газетных писак, предоставив пищу вздору, химерическому страху трусливых душ, сможет способствовать его заговорам. Он льстил себя надеждой, что при помощи заброса в наши ряды своих агентов скомпрометирует нас опрометчивыми, неосторожными и дезорганизующими предложениями, гнусность которых тотчас же опорочит собрание в целом и повлечет за собой его разгон при помощи общественных сил, либо, если мы останемся верными мудрости и конституции, он стал бы продолжать клеветать на нас с таким постоянством и коварством перед высшими властями, чтобы представить нас людьми, стоящими в оппозиции и затевающими одновременно неподобающую и недостойную нас борьбу, неразумную и способную привести побежденные партии к новым выступлениям и переворотам.

³¹ Далее зачеркнуты слова: «нашего процветания и до».

³² Далее зачеркнуто слово «сделать».

³³ Слово «их» вписано над строкой.

³⁴ Далее зачеркнута фраза.

³⁵ Слово «служили» вписано над зачеркнутым словом «помогали».

³⁶ Слова «и в том» вписаны над строкой над зачеркнутым словом.

³⁷ Термином макиавеллизм обозначают государственную политику, основанную на пренебрежении нормами морали. Название происходит от имени итальянского мыслителя Никколо Макиавелли (1469–1527) и связывается с идеями его книги «Государь».

Наши враги не получают такой возможности. Их эмиссары не имеют доступа в наши ряды. Несправедливость тех, кто собирается нас обвинить³⁸, не вызовет у нас ответных обвинений, так как мы не хотим уподобиться гнусным типам. Мы не подадим ни единого повода к расколу. Мы даже готовы добровольно отказаться от предоставленного нам законом³⁹ права ежедневно собираться и информировать друг друга о наших общих и взаимных интересах, если наши общественные и братские собрания могут послужить хотя бы малым поводом к беспокойству введенной в заблуждение и обманутой власти.

Граждане, состоящие членами собрания друзей равенства и свободы, объявляют, что они приостанавливают и откладывают свои заседания и что отныне они станут собираться только один раз в десять дней, в первый день каждой декады⁴⁰, в целях последовательной выработки для разных властей⁴¹ различных обращений по поводу принятия законов или рекомендации тех мер, которых требуют обстоятельства.

Так рассеются эти абсолютно клеветнические обвинения в том, что мы хотим преобразоваться в постоянное собрание для осуществления давления на два совета и исполнительную директорию. Никто не упрекнет членов тех властей, которые защищают интересы народа в том, что они являются выразителями и представителями пожеланий узурпаторского и амбициозного общества. Все будут вынуждены оценить и признать наши намерения и поведение. Люди, введенные в заблуждение, оценят нас в правильном свете. Недоброжелатели вынуждены будут замолчать.

Но состояние, в котором мы находимся, и пример, который мы подаем, не могут быть применены к собраниям коммун департаментов, необходимых для информирования народа о его настоящих интересах, для оживления патриотизма и общественного духа, для примирения и объединения всех мнений, для сообщения законодательным властям и ди-

³⁸ Далее зачеркнута фраза.

³⁹ Рядом на полях карандашом вписано слово «Конституция».

⁴⁰ После принятия во Франции республиканского календаря (5 октября 1793 г.) привычные недели были заменены на десятидневки (декады). Этот шаг следовал общей тенденции революционеров к переходу на десятичные единицы.

⁴¹ Слова «для разных властей» вписаны над строкой; рядом над строкой – зачеркнутая фраза.

ректории, находящимся слишком далеко, о злоупотреблениях и обстоятельствах на местах, которые необходимо исправить. Мы хотим объяснить нашим согражданам из различных департаментов, что их обязанностью является участие и посещение собраний, разрешенных и гарантированных конституцией, что задача правительства, согласно закону, поддерживать и защищать их. Пусть же все добрые граждане смогут посещать их, умножая обращения и заявления к конституционным властям с целью предотвращения бед и преступлений, печалующих нашу родину.

Мы заявляем, что, добровольно откладывая наши собрания и ожидая, что закон о собраниях даст им более надежные и более твердые гарантии, мы не отрекаемся от права и обязанности собраться по первому же сигналу опасности, исходящему от Республики, для того, чтобы встать на ее защиту.

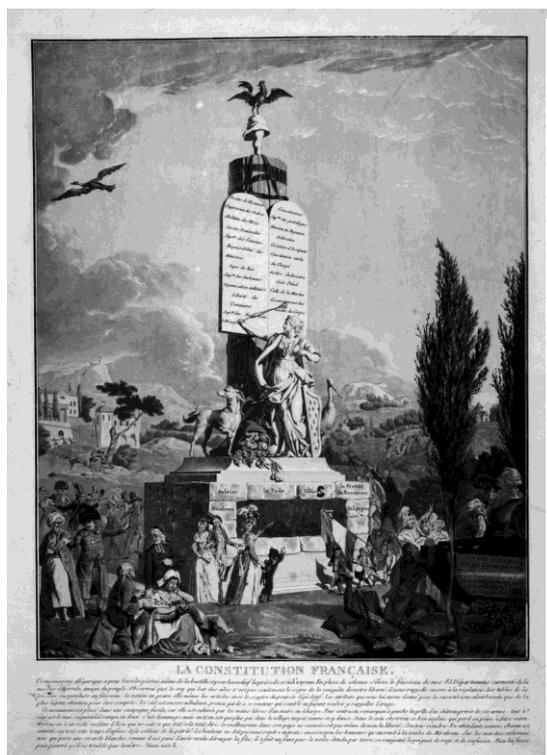
Если наш добровольный самороспуск произведет тот эффект, на который надеются некоторые люди, то богатые будут вынуждены выплачивать заем, доверие возродится, все группы граждан объединятся вокруг Законодательной власти и директории, призывники направятся к границе, все страхи будут рассеяны и в общем согласии все встанут на защиту Республики. Если бы реализовались все эти блестящие надежды! Если бы мы, пребывая в покое у наших очагов, стали свидетелями счастья нашей родины и поздравили себя, подобно спартамцам, что среди нас нашлось достаточно бесстрашных и преданных граждан, способных обеспечить торжество свободы!

Мы заканчиваем это открытое и торжественное обращение кратким перечнем тех обширных обвинений, которые были выдвинуты против нас, и наших ответов на них, а также общим указанием основных мер, в которых нуждается общественное дело, и основ системы, которые необходимо принять и которым надо следовать без отклонений всем людям, призванным участвовать в деле управления⁴².

Автограф Жюльена. Бумага с водяными знаками.

РГАСПИ. Ф.317. Оп.1. Д.48. Л.1–5. Подлинник. Рукопись.

⁴² Последний абзац полностью зачеркнут карандашом.

Французская конституция.
Неизвестный художник.
Офорт раскрашенный
(РГАСПИ. Ф.654. КП 96712.
ГР 20732)

№3

**[Письмо] Изабо К[лода]-Алекс[андра]⁴³, представителя народа
при Армии Западных Пиренеев гражданину Фуркаду⁴⁴,
члену Комитета при Армии Западных Пиренеев**

*Байонна, 24 июня 1793,
2-ой год Республики*

Нет, гражданин, я не допущу безответственного отношения к власти,
которой меня наделила нация, я держу ее твердо со всей энергией, на

⁴³ Изабо Клод-Александр (Ysabeau Claude-Alexandre), 1754–1831, депутат Национального конвента, представитель в миссии.

⁴⁴ Фуркад (Fourcade), агент Исполнительного совета (Conseil exécutif).

какую только я способен, и верю, что те три месяца, что я нахожусь в этом департаменте, могут служить тому подтверждением. Неужели Вы верите, что я не слежу неустанно за тем, что происходит вокруг, и что я не принял меры для предотвращения грозы, собирающейся над нашей головой, и если случайно эти меры не соответствуют Вашим представлениям, неужели Вы верите, что они хуже и менее эффективны.

Я знаю не хуже Вас, что депутаты Жиронды⁴⁵ спокойно передвигаются по департаментам для того, чтобы склонить их на сторону гибельной коалиции. Их усилия провалились в Байонне⁴⁶ и в департаменте Ланды. Даже у Вас они смогли втянуть в свою интригу некоторых администраторов, но никогда не смогут втянуть большинства управляемых. Я уже разоблачил их заговор в отношении армии, которая осталась верной единству и Республике, за что я готов поручиться. Что может сделать горстка дерзких администраторов против большинства общественного мнения? Они пошлют депутатов в Париж? Тем лучше. Именно там они прозреют, подобно депутатам Байонны, уже присылающим самые трогательные сообщения о Горе⁴⁷ и городе Париже. В противном случае Вы и сами знаете, какой контроль осуществляется в этом революционном городе против злонамеренных.

Вы предлагаете мне ввести строгий порядок в департаменте, арестовать двух депутатов! Очень хорошо. Но какие же действия этого департамента должны вызвать столь резкие меры? Необходимо сообщить мне о них, и я отвечу на них без промедления!

Кто заверил Вас, что департамент подчинится моему приказу и администрация прекратит исполнять свои функции? Разве конституционные власти Тулузы не игнорировали действия моих коллег? В таком случае не является ли власть компромиссом?

Кто знает, не ожидают ли подстрекатели для разжигания пламени мятежа именно такого момента, когда существует видимость преследования, когда появляется указ об аресте без малейшей возможности гаран-

⁴⁵ Политическая группировка, основу которой составляли идеи индивидуальной свободы и демократической теории Ж.-Ж.Руссо. Получила название от департамента Жиронда, депутаты которого стали первоначальным ядром партии.

⁴⁶ Город и коммуна на юго-западе Франции в департаменте Атлантические Пиренеи (бывшие Нижние Пиренеи).

⁴⁷ Иное название партии монтаньяров (от франц. *montagne* – гора), демократическое крыло Конвента, представлявшее якобинцев.

тировать его исполнение? И именно за такую ситуацию я должен был бы получить порицание Национального конвента, тогда как я мог и должен был бы применить другие методы.

А вот как строятся Ваши! В понедельник утром я получаю от Вас письмо, в котором Вы мне рекомендуете отправиться во вторник в По⁴⁸ для разгона собрания и, помимо того, что это физически невозможно, морально Вы, видимо, имеете тысячу и один мотив для того, чтобы отправить меня туда одного.

В итоге я отправил двух человек, пользующихся большим доверием, в По, Тарб⁴⁹, Тулузу, а оттуда – в Париж. Вы увидите их, и мне приятно сообщить Вам, что решение об этом путешествии, как и инструкции к нему, были приняты задолго до того, как я получил Ваше письмо.

Ваше поведение в состоянии того кризиса, в котором Вы находитесь, должно быть соединением благоразумия и твердости. Старайтесь сеять и распространять добрые принципы в противовес мнению фракционистов и будьте уверены, что Вы найдете гораздо больше сторонников, чем Вы думаете, так как народ не разделяет гнева администраторов, чувствующих, что узурпированная ими власть ускользает из их рук. Отдайте в руки нашим посланцам доказательства, которые Вы сможете собрать, достаточные для того, чтобы применить к виновным те меры наказания, которые уже были исполнены в отношении других администраций. Я вижу, Вы не в курсе всех новостей. Верьте, если я сочту момент подходящим, я незамедлительно приму жесткие меры, но не делайте преступления из моего благоразумия, если оно кажется мне необходимым. В конце концов, я готов представить в Национальный конвент отчет о своих действиях, и, уверен, он не увидит в них ни слабости, ни нерешительности. Никто не заставит меня следовать всем тем советам, в которых, вопреки пользе общественного спасения, я вижу лишь меры, благоприятные для наших врагов.

<...>

В По достаточно много патриотов; объедините их и вместе с ними принимайте те меры, которые Вы должны принять для разоблачения федерализма. Жюльен⁵⁰ уверен, что эта система успешно действует в

⁴⁸ Административный центр департамента Атлантические Пиренеи (бывшие Нижние Пиренеи).

⁴⁹ Административный центр департамента Верхние Пиренеи.

⁵⁰ Марк-Антуан Жюльен (Marc-Antoine Jullien) (1775–1848), один из видных деятелей революции.

Тарб, но у меня на руках есть подлинные свидетельства в пользу обратного.

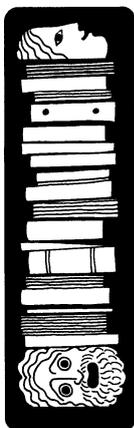
Привет и братство,
К.Алекс. Изабо

Копия письма заверена подписью Фуркада. Бумага с водяными знаками.
РГАСПИ. Ф.317. Оп.1. Д.148. Л.1–2. Копия. Рукопись.

Библиографический список

1. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.317. Оп.1.
2. Генифе П. Политика революционного террора 1789–1794. М.: Изд-во УРСС, 2003. 320 с.
3. Карамзин Н.М. Сочинения. Л.: Художественная литература. Ленинградское отделение, 1984. Т.2 / Сост. Г.П.Макогоненко. 456 с.
4. Озуф М. Революционный праздник: 1789–1799. Перевод с французского Е.Э.Ляминой. М.: Языки славянской культуры, 2003. 416 с.
5. Boroumand L. La guerre des principes. Les assemblées révolutionnaires face aux droits de l'homme et à la souveraineté de la nation, mai 1789 – juillet 1794. P.: Éditions de l'École des hautes études en sciences sociales, 1999. 584 p.
6. Entretien du père Gérard avec des paysans sur les décrets de l'Assemblée Nationale, par J.-M. Collot-d'Herbois // Recueil de pièces pour servir à l'histoire de la Révolution française depuis la première Assemblée des notables jusqu'en 1800. Avignon, 1820. Т.39. N7. P.1–23.

(Продолжение следует)

Оксана Киянская, Давид Фельдман

АКТУАЛЬНЫЙ АРХИВ

«ВЕДЬ ОН У НАС В СПИСКЕ...»:

**К ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ
НАСТРОЕНИЙ 1937 ГОДА**

УДК
111

Статья посвящена описанию общественных настроений 1937 года – времени «Большого террора» в СССР. Публикуются, комментируются и анализируются показания журналиста-известца А.Н.Гарри, данные им на следствии 1937 г. Описывается биография Гарри, круг его общения, причины, по которым он трижды попал в тюрьму.

The article is devoted to description of the public sentiments in 1937, in the time of “Great Terror” in the USSR. Testimonies given by A. N. Garry, journalist from the “Izvestia” newspaper, in the course of investigation carried out in 1937 are published, commented and analyzed. Biography of Garry, his contacts and causes due to which he went up for three times are described.

Ключевые слова: А.Н.Гарри; «Известия»; НКВД; террор; расстрелы; Г.Г.Ягода; война в Испании.

Key words: A.N.Garry; the “Izvestia” newspaper; People’s Commissariat of Interior; H.H.Yagoda; war in Spain.

E-mail: kianoks@inbox.ru; dmfeld@inbox.ru

Трагическая история Большого террора часто становится предметом обсуждения и российского общества, и профессиональных историков. За годы изучения этой темы уже опубликовано множество статей и монографий, многие источники – мемуары, дневники, письма – стали базой для исследований и общественной дискуссии.

Гораздо реже историку оказываются доступными непосредственно материалы следствия 1937 г. И совсем редко можно увидеть показания тех, кто, будучи арестованными, в принципе понимал, что им не грозит расстрел или тюремное заключение и что залог освобождения не в подтверждении выводов следствия, а в относительно правдоподобном рассказе о собственных настроениях накануне ареста.

Такого рода показания принадлежат знаменитому в 1920-х – 1930-х годах журналисту *Известий* Алексею Гарри. И именно они публикуются ниже.

* * *

Алексей Николаевич Гарри родился в 1898 (по другим данным – в 1903) году. Юность его пришлась на Гражданскую войну, в которой был активным участником. Он служил рядом с легендарным комбригом Григорием Котовским: был в его кавалерийской бригаде помощником комиссара, постепенно «дорос» до начальника полевого штаба. За храбрость Гарри получил два ордена Красного Знамени.

После войны Алексей Николаевич стал журналистом. Современники вспоминали: «В двадцатые и тридцатые годы имя Гарри стояло в первом ряду набирающей силу советской журналистики. Кольцов и Гарри! Один – в "Правде", другой – в "Известиях". Пожалуй, не было ни одного приметного события в жизни страны в те годы, в котором бы не участвовал Алексей Гарри в качестве корреспондента "Известий"... Кольцов был политически острее, строже что ли. Гарри писал лиричнее, мягче, он был незаурядным новеллистом»; «он считался "известинским Кольцовым" – по популярности, по поискам тем» [5, с.4; 4].

В начале 1930-х годов Гарри писал не только журналистские тексты. Он был автором нескольких десятков рассказов и книг, имевших документальную основу. Эти книги, в частности, «Огонь: Эпопея Котовского» (М., 1934) и написанное в соавторстве со Львом Кассилем художественно-документальное повествование «Потолок мира»

(М., 1934), тоже были популярны у читателей. В 1934 г. Гарри стал членом Союза советских писателей.

Непростые отношения были у Гарри с ОГПУ-НКВД.

В 1930 г. Гарри арестовали, судили и сослали на 10 лет на Соловки. Журналиста обвинили в том, что он «поддерживал связь с представителем агентства "Юнайтед Пресс" американским корреспондентом Лайонсом Евгением, по заданию руководства редакции газеты "Известия" и НКВД инспирировал Лайонса; в процессе инспирации перешел дозволенные границы своего знакомства с Лайонсом и был использован как действительный источник информации по всевозможным вопросам» [1, л.19].

Однако через год он был полностью реабилитирован по постановлению Политбюро. Причем доклад о необходимости его освобождения на Политбюро делал лично Сталин [6].

У Гарри были большие связи: выйдя из тюрьмы, он не только не прекратил общаться с Лайонсом, но познакомился через него с другими иностранцами. В частности, его другом стал американский инженер Заря Виткин, приехавший в СССР помогать строить новый мир. Инженер слышал об аресте Гарри, но причина этого ареста виделась Виткину следующим образом: «Боевой журналист, постоянно расследующий причины серьезных препятствий в бурлящем преобразовании нации, расследующий случаи реального или мнимого саботажа, он часто оказывался втянутым в ожесточенные конфликты с чиновниками-бюрократами, на которых он нападал беспощадно. Однажды враги добились его ссылки. По слухам, в Москве он был освобожден благодаря личному заступничеству Сталина».

Вообще Гарри поражал воображение знавших его иностранцев. «Знаток нескольких языков, блестящий журналист, с углубленным психологизмом и большими техническими знаниями... Казалось, он единственный русский, которого я знал и кому мог вполне доверять», – рассказывал Виткин.

Поражали иностранцев и связи журналиста. Так, столкнувшийся с советской бюрократией Виткин прибег к его помощи, и Гарри посоветовал написать письмо Сталину. Письмо это, согласно мемуарам, Гарри «сам читал... Сталину. Сталин слушал внимательно, без прерыва, до конца. Затем он задал только один вопрос: "Это честный

человек?". Бюрократические препоны были, таким образом, преодолены [8, р.153–161, 167–179, 202–204, 211–212].

Вторая половина 1930-х годов была для Гарри тяжелым временем. Он разошелся с женой; расставание было громким и широко обсуждалось в литературных кругах Москвы [3, с.103]. Уйдя от жены, Гарри оставил ей жилплощадь – комнату в коммунальной квартире, а сам был вынужден жить у знакомых. Кроме того, журналиста стали преследовать служебные неудачи: Николай Бухарин, назначенный редактором *Известий*, выгнал его из газеты

Оставшийся без работы и крыши над головой, Гарри переживал тяжелый личный кризис. Очевидно именно поэтому в декабре 1936 г. он принял предложение сотрудничать с Секретно-политическим отделом НКВД. Согласно его позднему признанию, этим сотрудничеством он «старался по мере сил загладить все свои прежние промахи как в области отсутствия бдительности, так и в области преступного легкомыслия по отношению к врагам народа» [2, л.69–70].

Однако это сотрудничество не спасло Гарри от второго ареста, в июле 1937 г. Формальной причиной ареста стали попавшие в НКВД сведения о том, что он «систематически распространяет» «слухи о массовых арестах», и в частности об арестах бывших и действующих чекистов. В августе 1937 г. Гарри был освобожден – по личному распоряжению Ежова.

Однако в 1938 г. он в третий раз попал в тюрьму. На этот раз бывший журналист обвинялся в том, что согласился совершить террористический акт: бросить бомбу и стрелять из пистолета в машину членов Политбюро [2, л.121]. Гарри поистине родился в рубашке: его не расстреляли. В апреле 1939 г. его лишили боевых наград и осудили на 8 лет лагерей за участие в «антисоветской террористической организации».

Наказание он отбывал в Норильском исправительно-трудовом лагере, после освобождения жил в Норильске и Красноярске, работал в местных библиотеках, издательствах и газетах. В 1946 г. пытался разжалобить Сталина, в личном письме сообщив ему, что арестовавшие его «недобросовестные люди», «расправились» с ним за то, что он «ходил жаловаться в ЦК» [2, л.137].

И хотя письмо осталось без ответа, в начале 1950-х гг. он снова стал писать художественные произведения. Гарри дожил до реабилитации в сентябре 1955 г., вернулся в Москву и через 5 лет умер.

* * *

Ниже печатаются показания Гарри, данные на следствии 1937 г. Из них следует, что сам журналист относился к событиям философски: «Говоря о судьбе, ожидающей арестованных, я, взяв кусок бумаги и произведя расчет, заявил, что если даже придется расстрелять 6 000 чел[овек], то это, в сущности, будет лишь расстрелом одного из 30 000 и что для истории это никакого значения не имеет». Однако далеко не все его собеседники готовы были разделить это философское отношение к событиям.

Из показаний следует: большинство собеседников Гарри были напуганы, пытались понять, смогут ли они избежать ареста, чувствовали собственную обреченность. В круг знакомств Гарри входили, прежде всего, бывшие и действующие чекисты, журналисты и партийные работники – и почти все они погибли в Большом терроре.

Орфография и пунктуация в публикации приведены к современным нормам, сокращения раскрываются в квадратных скобках. К показаниям предложен минимальный комментарий. Общеизвестные имена и реалии, а также имена и реалии, достаточно поясняемые во вступительной статье или в самом документе, не комментируются.

А.Н.Гарри. Фотография из Центрального архива ФСБ РФ

**Собственноручные показания арестованного
ГАРРИ Алексея Николаевича от 20 июля 1937 года**

На первом допросе (19 июля с[его] г[ода])¹ я заявил Вам о полной своей готовности изложить в своих показаниях подробное содержание разговоров, которые я вел за последнее время с разными лицами.

Вы назвали эти разговоры антисоветскими. Допускаю, что в отдельных случаях в своих разговорах о текущих событиях я до известной степени увлекся обывательскими настроениями, которыми заражена часть лиц, с которыми мне приходилось встречаться, тем не менее я не могу согласиться с тем, что разговоры эти носили антисоветский характер. К квалификации этих разговоров я еще вернусь в сегодняшних своих показаниях.

Прежде всего – вопрос о моих отношениях с чекистской средой. Близкие, дружеские отношения с довольно обширным контингентом чекистов возникли у меня уже очень давно. Они возникли, прежде всего, на почве спортивных интересов, а именно моего активного участия в работе «Динамо», главным образом – летной секции. Эти связи корнем своим имели Украину, где я с первых шагов принимал активное участие в развитии динамовской авиации и помогал этому развитию своими связями в авиационном мире. На протяжении последних 10-ти лет я кроме того выступал несколько десятков раз в клубе НКВД Украины с докладами о перелетах и экспедициях, с чтением своих докладов и статей. Выступал я в чекистских клубах и в Москве. Настоящие дружественные отношения у меня сохранились до последнего времени на Украине с майором Письменным, старшим лейтенантом Букшпаном, ст[аршим] майором Александровским и комиссаром 3 ранга Мазо².

¹ *Протокол этого допроса в деле отсутствует.*

² *Письменный Яков Вульфович (1902–1937) – в 1936–1937 гг. начальник Транспортного отдела УГБ НКВД УССР, расстрелян.*

Букшпан Михаил Маркович (ум.1937) – в середине 1930-х гг. начальник учётно-статистического отдела НКВД УССР, расстрелян.

Александровский Михаил Константинович (1898–1937) – в 1936–1937 гг. начальник контрразведывательного отдела НКВД УССР, в 1937 г. заместитель начальника разведывательного отдела Красной армии, расстрелян.

В Ленинграде – комиссаром 1-го ранга Заковским³.

Мой арест в 1930 году и последующая моя реабилитация не только не изменили моих отношений с чекистами, а наоборот, послужили к их дальнейшему укреплению.

Кроме перечисленных выше лиц, я знаком с несколькими десятками чекистов СССР (часть из них сейчас арестована), которых в случае необходимости могу перечислить.

Переходя к вопросу о моей осведомленности во внутренне-чекистских делах и к тому, в какой степени я мог распространять свою осведомленность вне чекистской среды, могу сообщить нижеследующее.

На протяжении многих лет я вел очень открытый образ жизни и встречался буквально с сотней людей. Что же касается текущего 1937 года, то круг моих встреч со знакомыми весьма сузился, так что я могу с почти абсолютной точностью перечислить все свои встречи и соответствующие разговоры в этом году.

Из украинских чекистов я видел в этом году только майора Письменного. Встретил я его случайно в помещении Московского телеграфа. Я был не один, а с Я.Бельским⁴, бывшим чекистом, фельетонистом «Вечерней Москвы». Майор Письменный приехал в Москву для того, чтобы уточнить маршрут своего рекордного перелета, который, кстати, я ему в свое время посоветовал. Переговорив о различных интересующих нас авиационных делах, мы перешли к испанским делам. Я спросил Письменного, как ведет себя в Испании мой старый приятель – динамовец летчик Ворончук?⁵

Письменный сообщил мне следующее: «Летать ему приходится мало, он занят в основном своими чекистскими делами. Ведь он поехал просто вместе с частью».

Мазо Соломон Самойлович (1900–1937) – в 1936–1937 гг. начальник Управления НКВД Харьковской области, покончил с собой.

³ *Заковский Леонид Михайлович (1894–1938) – в 1934–1938 гг. начальник Ленинградского управления НКВД, расстрелян.*

⁴ *Бельский Яков Моисеевич (1897–1937) – в 1920–1922 гг. сотрудник Одесской ЧК, в 1934–1937 гг. корреспондент газеты «Вечерняя Москва», расстрелян.*

⁵ *Слово «Ворончук» исправлено в тексте из слова «Воронович». Ворончук Михаил Родионович (р.1898) – сотрудник НКВД УССР, в 1939 г. приговорен к двадцати годам заключения в исправительно-трудовом лагере.*

Помню точно, что эту полученную мною информацию я имел неосторожность использовать следующим образом. Днем в Москве, в кафе «Националь» собираются обычно писатели и художники. В этот же день и я пошел в «Националь». Группа писателей, если мне не изменят память, в составе Олеси, Финна, Славина⁶ и других, сидя за столиком, дискутировала вопрос о реальном количестве наших сил, принимающих участие в военных действиях [в] Испании. Сведения писателей были фантастически преувеличены. Назывались едва ли не цифры десятитысячных порядков. Пользуясь сведениями, которые я получил от вернувшегося недавно из Испании писателя Л.Кассиля⁷, и недавней беседы с майором Письменным, – я вполне авторитетно заявил:

– Всё это чепуха. У нас в Испании всего одна авиационная и одна танковая часть, а также несколько инструкторов. Я знаю это точно.

Не могу сейчас припомнить, говорил ли я что-либо подобное на эту тему в ближайшие дни. Во всяком случае, я такую возможность допускаю.

Несколько позже, идя по улице с тем же Бельским, я встретил на Лубянке комиссара 3-го ранга Быстрыха⁸, с которым я поверхностно знаком лет 15-ть. Я.Бельский отошел с Быстрыхом в сторону и разговаривал с ним примерно около 20-ти минут, после чего присоединились ко мне. Мы направлялись на квартиру к новой жене Я.Бельского – Ф.Карелиной⁹. Мы пришли туда обедать. Мы были сначала втроем, вскоре к нам присоединилась подруга Карелиной Сосновская. За обедом Бельский сообщил, со слов Быстрыха, о ряде перемещений и арестов среди сотрудников НКВД. О ком персонально шла речь, я

⁶ Олеша Юрий Карлович (1899–1960) – автор романа «Зависть» (1927) и сказки «Три толстяка» (1928).

Финн Константин Яковлевич (1904–1975) – драматург, прозаик и журналист.

Славин Лев Исаевич (1896–1984) – автор пьесы «Интервенция» (1932).

⁷ Кассиль Лев Абрамович (1905–1970) – детский писатель, автор книг «Кондуит и Швамбрания» (1931), «Вратарь республики» (1937). Соавтор Гарри по книге «Потолок мира» (М., 1934).

⁸ Быстрых Николай Михайлович (1893–1939) – в 1936–1938 гг. заместитель начальника Главного управления рабоче-крестьянской милиции НКВД, расстрелян.

⁹ Карелина Эсфирь (Фира) Львовна (ур. Гантварг, р. 1898) – художница, руководитель цеха по производству батика, гражданская жена Я.М.Бельского, в 1938 г. приговорена к высылке в Казахстан.

сейчас припомнить не могу, точно так же, как не помню, кому именно я передавал содержание этого разговора. Могу лишь сказать точно, что я в беседе с людьми, с которыми я встречался в последующие дни, этими сведениями воспользовался.

Примерно в это же время я встретил на квартире Бельского какого-то приезжего с периферии майора или старшего майора с женой и дочерью, фамилия его мне неизвестна и ни раньше, ни позже я его не видел. Разговор шел о чекистских делах. Что именно говорилось – не помню, так как я был выпивши и играл в соседней комнате в шахматы с сыном Карелина¹⁰.

За этот же период времени, т.е. в последние 2–3 месяца перед арестом, я встречал на той же квартире Бельского ныне арестованного бывш[его] чекиста – работника НКВД Мамендоса, бывш[его] работник[а] НКВД Перцова и быв[шего] прокурора по надзору за НКВД Гальперина. У этого Гальперина в один из этих дней я был вместе с Бельским и Перцовым (Перцов – быв[ший] начальник Одесского облотдела НКВД, был три года тому назад арестован и осужден, работал в Белбалтлаг¹¹).

Во время всех перечисленных выше встреч происходили разговоры о внутречкистских делах.

С начала 1937 года и по день ареста никаких других непосредственных встреч по день ареста¹² у меня с чекистами не было. Это помню я точно. Мне известно, что за это время как Бельский, так и Мамендос, Перцов, Гальперин и другие часто встречались с чекистами, с кем именно, я не знаю. Знаю лишь, что за этот период времени у

¹⁰ Имеется в виду Карелин Феликс Владимирович (1925–1992) – сын Э.Л.Карелиной, впоследствии – известный религиозный публицист. Его отцом был Владимир Петрович Карелин (1897–1938) – в 1937 г. заместитель начальника 5-го (Особого) отдела ГУТБ НКВД СССР, расстрелян.

¹¹ Мамендос Лев Арсентьевич (1894–1937) – бывший сотрудник ОГЧК–ОГПУ, в 1931–1937 гг. начальник Центрального управления связи и сигнализации в НКПС СССР, расстрелян.

Перцов Юрий Моисеевич (р.1894) – в начале 1930-х гг. – начальник Одесского Областного отдела ГПУ УССР, в 1933 г. приговорен к пяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере за «моральное разложение», вскоре освобожден, затем снова арестован.

¹² Так в тексте.

Бельского был старший майор Добродицкий¹³, я лично его не видал; последний раз видел его года полтора тому назад.

Таким образом, заключая эту часть своих показаний, я должен констатировать, что кроме перечисленных выше конкретных фактов всю информацию о чекистских делах я черпал от Бельского. Если не считать отдельных обывательских слухов, о которых буду говорить ниже.

Я говорил выше, что в 1937 г. я вел очень замкнутый образ жизни, кроме дома Бельского, который я стал посещать лишь после его развода с первой женой и женитьбы на Карелиной, я посещал фактически только два места: московскую редакцию ленинградской «Красной газеты» (Петровка, 16) и квартиру и дачу члена ЦИК'а СССР, управляющего московской конторой Госбанка С.Л.Гольдберга¹⁴.

На редакции «Красной газеты» следует остановиться особо. Занятия там происходят ежедневно с 8-ми часов утра до 2-х часов дня. В эти часы в этом помещении у завед[ующего] отделением Германа бывает буквально несколько десятков людей. Это своеобразная биржа информации. Сюда приходят десятки журналистов – представители провинциальных газет. Они приходят для обмена информацией, совместного заказа статей. К примеру, если готовится какой-нибудь крупный перелет, то здесь совместно вырабатывается план освещения этого перелета в печати. Совершенно неизбежно, что здесь ежедневно ведутся разговоры или, вернее, сплетни о текущих политических событиях, об арестах и перемещениях. В этих разговорах принимал участие и я.

¹³ Добродицкий Николай Иванович (1899–1939) – в 1936–1937 гг. заместитель начальника Управления НКВД по Ивановской области, расстрелян.

¹⁴ «Красная газета» – ежедневная газета, выходившая в Ленинграде с 1918 по 1939 г., объединена с газетой «Ленинградская правда».

Гольдберг Самуил Львович (1894–1937) – в 1925–1928 гг. руководитель Гострудсберкасс СССР, в 1930–1931 гг. председатель Госплана БССР, в 1931–1937 гг. управляющий Московской областной конторой Госбанка СССР, расстрелян. На его даче (поселок «Отдых» на станции Валентиновка Северной железной дороги) жил, разошедшись с первой женой, сам Гарри; на этой даче он и был арестован в 1937 г. По видимому, второй женой Гарри с 1937 г. была вдова Гольдберга. В 1938 г. журналист был арестован на московской квартире Гольдберга (Никитский бульвар, д.8, кв.14).

Основными постоянными посетителями этого учреждения кроме Германа являются: представитель донецкой газеты, член ВКП (б) Ракитников, представитель «Ленинградской правды» Азарх, представитель крымской газеты Дунаевский; сотрудники «Известий» Савва и Рафалович, представитель «Союзфото» Раппопорт и многие другие.

Конкретно здесь я узнал об аресте Антипова, Каминского, Яковлевой, Цилько, Гайстера¹⁵, сотрудников «Правды» и «Комсомольской правды». Об арестах в Наркомате Обороны всегда был очень хорошо осведомлен также посещающий это учреждение приятель Германа Н.Верховский, сын преподавателя Академии Генштаба Верховского¹⁶. Разговоры, как я общал выше, носили самый разнообразный характер и касались самых различных отраслей политической жизни, решений правительства, имевших уже место и ожидаемых в ближайшие дни, о награждениях, перемещениях и т.д.

Помню конкретно, что здесь я впервые услышал о назначении Балицкого на Дальний Восток и Агранова в Саратов¹⁷. Причем тут же кто-то, кажется Азарх, сообщил, что перед своим отъездом в Саратов Агранов имел свидание с тов. Сталиным. Здесь же я ус-

¹⁵ Антипов Николай Кириллович (1894–1938) – в 1936–1937 гг. председатель Комитета советского контроля при Совнаркоме СССР, расстрелян.

Каминский Григорий Наумович (1895–1938) – в 1934–1937 гг. народный комиссар здравоохранения СССР, расстрелян.

Яковлева Варвара Николаевна (1885–1941) – в 1929–1937 гг. народный комиссар финансов РСФСР, расстреляна.

Цилько (Цылько) Федор Андреевич (1894–1937) и Гайсер Арон Израилевич (1899–1937) – в 1931–1937 гг. заместители народного комиссара земледелия СССР, расстреляны.

¹⁶ Верховский Николай Александрович (1910–1985) – врач, сын офицера императорской армии, военного теоретика Александра Ивановича Верховского (1886–1938), в 1917 г. военного министра во Временном правительстве, в 1919 г. перешедшего на сторону большевиков. С 1936 А.И.Верховский руководил кафедрой в Военной академии Генерального штаба, в 1938 г. расстрелян.

¹⁷ Балицкий Всеволод Аполлонович (1892–1937) – в 1934–1937 гг. народный комиссар внутренних дел УССР, с мая 1937 г. – начальник Управления НКВД Дальневосточного края, расстрелян.

Агранов Яков Саулович (1893–1938) – в 1934–1937 гг. первый заместитель народного комиссара внутренних дел СССР, в апреле 1937 г. понижен в должности, в мае назначен начальником Управления НКВД Саратовской области, расстрелян.

лышал от Германа о гибели писателя Матэ Залки и о том, что он идентичен с генералом Лукачем¹⁸. Помню, что я, придя в тот день в кафе «Националь», пытался рассказать об этом писателю Олеше, но он об этом уже знал.

Теперь относительно Гольдберга. Каждый раз, как я с ним встречался, мы, естественно, говорили о текущих политических событиях, причем говорили преимущественно с глазу на глаз, так как обычный контингент посетителей дома Гольдберга – люди, чуждые политики и мало ею интересующиеся. Нужно отметить, что Гольдберг информирован преимущественно о делах московского масштаба, т.е. о тех сплетнях, которые идут за кулисами Мособлисполкома и М[осковского] К[омитета партии]. Чаще всего я информировал Гольдберга, а не он меня.

Помню лишь один конкретный факт: говоря об аресте ряда ответственных работников, Гольдберг сказал мне, что речь идет о заговоре правых. Причем, насколько я понял с его слов, он узнал об этом из беседы с зам[естителем] пред[седателя] Госбанка Сванидзе¹⁹.

Из других источников моей информации могу назвать приехавшего несколько недель тому назад с Сахалина старинного моего приятеля Курносова, председателя Радиокomiteта Сахалина, бывш[его] работник[а] ТАСС и полпредства СССР в Италии²⁰. В частности, помню точно, что от него я узнал конкретно о самоубийстве Долецкого, об аресте сотрудников НКВД: Миронова, Корнева, Цукермана и других. От него я узнал об освобождении Крестинского и Галины Серебряковой²¹.

¹⁸ Матэ Залка (Бела Франкл, *Béla Frankl*, 1896–1937) – венгерский и советский писатель и политический деятель, участник Гражданской войны в Испании, с 1936 г. под именем генерала Лукача командовал Интернациональной бригадой, убит в результате артобстрела.

¹⁹ Сванидзе Александр Семенович (1886–1941) – брат первой жены И.В. Сталина, с начала 1930-х гг. председатель правления Внешторгбанка, заместитель председателя правления Госбанка СССР, в 1937 г. арестован, впоследствии расстрелян.

²⁰ Курносов Владимир Яковлевич (1887–1938) – в середине 1930-х гг. председатель Сахалинского областного радиокomiteта, расстрелян.

²¹ Долецкий Яков Генрихович (1888–1937) – в 1925–1937 гг. ответственный руководитель Телеграфного агентства Советского Союза (ТАСС), покончил с собой.

Миронов Борис Миронович (р.1892) – в середине 1930-х гг. заместитель заведующего Отделом печати Народного комиссариата иностранных дел СССР, арестован в

С этим Курносовым я несколько раз был у его приятеля, бывш[его] сотрудника ТАСС Людина и журналиста Свэна²². Повторяю, что при каждой встрече с Курносовым у нас, конечно, происходили разговоры на политические темы, которые иначе как обывательские сплетни я характеризовать не могу. Этот же Курносов однажды был вместе со мной в доме моей жены В.Гарри²³ совместно с упомянутой выше Сосновской. Никаких политических разговоров не было, так как они преимущественно пили вино. Я же в этот день как раз ничего не пил.

С этим же Курносовым я посетил один раз старого больного партийца Ремлинского (точно фамилию не помню), живет на Тверской, в доме б[ывшем] Елисеева. Мы вели там разговоры на политические темы, содержание которого²⁴ я в тот же день в частной беседе передал Герману. Сейчас не могу вспомнить, говорил ли я еще с кем-нибудь на эту тему. Разговор сводился к следующему:

1937 г., судьба после ареста неизвестна.

Корнев – по-видимому, имеется в виду Н.Корнев, дипломат и писатель, автор книг «От Носке до Гитлера» (М., 1934), «Принцы и приказчики Марианны» (М., 1935), «Литвинов» (М., 1936); после 1937 г. следы его теряются.

Цукерман Владимир Моисеевич (1891–1937) – в середине 1930-х гг. заведующий 1-м Восточным отделом Народного комиссариата иностранных дел СССР, расстрелян.

Крестинский Николай Николаевич (1883–1938) – в 1930–1937 гг. заместитель и первый заместитель наркома иностранных дел СССР, в 1937 г. – первый заместитель наркома юстиции СССР, расстрелян. С чем был связан слух об «освобождении» Крестинского, установить не удалось.

Серебрякова Галина Иосифовна (ур.Бык-Бек, 1905–1980) – писательница, с 1925 г. жена Григория Яковлевича Сокольников (1888–1939), крупного партийного и советского работника (с 1935 г. первый заместитель наркома лесной промышленности СССР, арестован в 1936 г., приговорен к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере и погиб в тюрьме). Арестована вслед за мужем, в феврале 1937 г. освобождена из тюрьмы, вскоре снова арестована, приговорена к восьми годам заключения в исправительно-трудовом лагере.

²² *Свэн (Кремлев-Свэн) Илья Львович (1897–1971) – писатель и журналист, сотрудник сатирических журналов.*

²³ *Гарри Вера Григорьевна (ур.Полякова, р.1905) – балерина, в 1929–1937 гг. жена А.Н.Гарри.*

²⁴ *Так в тексте.*

У Ремлинского большая библиотека из французских книг, преимущественно относящихся к французской революции. Я тоже на протяжении нескольких лет собираю французские книги на эту тему. Разговор зашел об одном редком издании, 4-томнике с алфавитным указателем всех казненных во время террора²⁵. От разговора о французском терроре обмен мнений перешел к происходящим сейчас массовым арестам. В частности, говоря о судьбе, ожидающей арестованных, я, взяв кусок бумаги и произведя расчет, заявил, что если даже придется расстрелять 6.000 чел[овек], то это, в сущности, будет лишь расстрелом одного из 30.000 и что для истории это никакого значения не имеет.

Ремлинский спросил меня, знаком ли я с формулировкой осуждения французского химика Лявуазье, который, как известно, впоследствии был реабилитирован²⁶. Разговор перешел к предполагаемому проценту оговоренных или невинно арестованных во время последних массовых арестов в СССР. В этом разговоре делались ссылки и проводилась параллель с террором во времена французской революции. Шел спор о том, когда было больше арестованных в абсолютных цифрах – тогда или сейчас. Придя к заключению, что сейчас количество арестованных больше, чем тогда, мы пришли к выводу, что, следовательно, и количество оговоренных должно быть больше. В заключение Ремлинский сказал, что здесь он впадает в большое внутреннее противоречие, и вот почему. Сказал он буквально следующее:

– Если я считал Ягоду способным на что угодно, то я не допускаю, чтобы Ежов в данной обстановке потерял голову. Вот поэтому-то я сейчас ничего и не понимаю....

Ремлинский – старый большевик, персональный пенсионер, лежит в постели....

²⁵ Очевидно, имеется в виду двухтомная книга французского журналиста и историка Луи-Мари Прюдомма (1752–1830), опубликованная в Париже (1796) и представлявшая собой аннотированный перечень известных автору жертв Французской революции конца XVIII в. [7].

²⁶ Французский естествоиспытатель, химик и физик Антуан Лоран Лявуазье (Antoine Laurent de Lavoisier; 1743–1794) казнен в ходе якобинского террора; был признан, в частности, виновным во вредительстве и «заговоре с врагами Франции», в 1796 г. реабилитирован.

Как я говорил выше, этот разговор я в тот же день передал Герману. Должен отметить, что в своем первоисточнике разговор этот носил чисто академический характер. Я признаю, что этого разговора Герману передавать не должен был, и сейчас, после своего ареста, отдаю себе полный отчет в том, что отдельные элементы этого разговора, попав на нежелательную почву, не могли не иметь своим последствием не только обывательских сплетен, но и болтовни прямого контрреволюционного характера.

Относительно Сосновской. Я встречался с ней несколько раз у Бельского, где, как я уже говорил выше, всегда бывали разговоры на политические темы. Круг знакомых Сосновской мне неизвестен. Знаю лишь, что она очень любит играть в карты и постоянно бывает в компании бывш[ей] жены Д.Бедного Марии Руфовны²⁷ и что она вообще часто бывает в Доме Правительства²⁸. Из области политических сплетен от нее лично я узнал лишь об аресте Лонгвы и ряда руководящих работников Управ[ления] связи Наркомата Обороны²⁹, где она работала и откуда была уволена. Я лично был у нее на квартире два раза. Один раз я застал у нее какого[-то] штатского и какую-то женщину. Кто они такие, я не знаю. Я был у нее недолго, гости играли в карты и пили вино. Второй раз кроме меня у Сосновской никого не было. Разговор шел о моих семейных делах. Сосновская просила меня устроить ее на работу. Я посоветовался с Бельским, и тот сказал мне, что этого ни в коем случае делать не следует.

По вопросу о моей осведомленности относительно предстоящих арестов и о списке лиц, которые имеют быть арестованными.

Ведя в течение 10-ти лет руководящую работу в советской печати, я естественно, точно так же, как Бельский и Герман, был прекрасно осведомлен о различных политических, групповых и личных связях отдельных руководящих работников партии и правительства. Когда мы узнавали об арестах одного из них, мы делали логические предположения о том, кто еще должен быть арестован в этой

²⁷ Первую жену Д.Бедного звали Вера Руфовна.

²⁸ Дом Правительства – имеется в виду жилой дом руководящих советских и партийных работников по адресу: ул. Серафимовича, д.2.

²⁹ Лонгва Роман Войцехович (1891–1939) – в 1927–1937 гг. начальник Управления связи РККА, расстрелян.

компании. Нужно отметить, что почти всегда эти предпосылки совпадали с действительностью. В частности, когда я узнал об аресте Ягоды³⁰, мы совместно с Бельским обсудили, кто еще из работников НКВД и связанных с ними лиц неизбежно должны быть арестованы. Помню, я лично назвал фамилии Прокофьева, братьев Фельдман[ов], Паукера, Фирина, Шанина и Решетова³¹. Возможно, что назывались и другие фамилии.

Сидя за письменным столом Бельского, мы на клочках бумаги набросали несколько десятков фамилий, в состав которых входили не только чекисты. Эти бумажки мы тут же порвали, но фамилии запомнили. Впоследствии, когда мы узнавали тех или иных лиц, мы говорили друг другу:

– А помнишь, ведь он у нас в списке!

Об этом пресловутом списке как-то я упомянул Герману. Это я помню точно, точно так же, как помню, что еще кому-то об этом говорил. Признаю, что такое обывательское зубоскальство было с моей стороны совершенно недопустимым. К сожалению, я в то время в этом не отдавал себе отчета и понял это только после моего вчерашнего допроса.

³⁰ Бывший (до сентября 1936) народный комиссар внутренних дел, в 1936–1937 гг. народный комиссар связи Генрих Григорьевич Ягода (1891–1938) был арестован 28 марта 1937 г., впоследствии расстрелян.

³¹ Прокофьев Георгий Евгеньевич (1895–1937) – в 1934–1936 гг. заместитель народного комиссара внутренних дел, в 1936–1937 гг. заместитель, первый заместитель наркома связи, расстрелян.

Братья Фельдманы – очевидно, имеются в виду Фельдман Владимир Дмитриевич (1893–1938) – в 1934–1937 гг. особоуполномоченный НКВД СССР, расстрелян, – и кто-то из его родственников.

Паукер Карл Викторович (1893–1937) – в 1936–1937 гг. начальник 1-го отдела (отдела охраны руководителей партии и правительства) ГУГБ НКВД СССР, расстрелян.

Фирин Семен Григорьевич (1898–1937) – в 1932–1937 гг. заместитель начальника Особого отдела ОГПУ-НКВД СССР, в 1933–1937 гг. заместитель начальника Главного управления лагерей (ГУЛАГа) ОГПУ-НКВД, расстрелян.

Шанин Александр Михайлович (1894–1937) – в 1935–1937 гг. начальник 6-го отдела (отдела транспорта и связи) ГУГБ НКВД СССР, расстрелян.

Решетов Илья Федорович (1894–1937) – в 1936–1937 гг. помощник начальника 6-го отдела (отдела транспорта и связи) ГУГБ НКВД СССР, расстрелян.

Вдобавок должен отметить, что проведя всю Гражданскую войну в 45-й дивизии, которой командовал Якир и которая, как известно, является настоящим рассадником троцкизма и всяческой контрреволюции, я в разговорах с весьма, правда, ограниченным кругом людей неоднократно высказывал удивление по поводу того, что отдельные «деятели» 45 дивизии до сих пор еще не арестованы. В частности, помню конкретно, что говорил я о Якире, Гамарнике и Ракитове еще задолго до их разоблачения и ареста³².

Теперь инцидент с Александровским. В свое время во время чистки партии в «Известиях» мне принадлежала руководящая роль в разоблачении Братина³³. Нужно отметить, что Братин был когда-то моим приятелем, и я резко изменил к нему свое отношение, лишь когда в дни чистки узнал, что он в свое время редактировал черносотенную газету³⁴.

³² 45-я советская стрелковая дивизия была создана в июне 1919 г. из регулярных соединений Красной армии и повстанческих отрядов, расположенных в районе Одессы. В состав этой дивизии входила 2-я кавалерийская бригада, которой командовал Г.И.Котовский; Гарри служил в этой бригаде помощником комиссара. В 1919–1921 гг. дивизией командовал И.Э.Якир.

Якир Иона Эммануилович (1896–1937) – в 1935–1937 гг. командующий войсками Киевского военного округа, член Военного Совета при наркомате обороны СССР, в 1937 г. командующий Ленинградским военным округом, расстрелян.

Гамарник Ян (Яков) Борисович (1894–1937) – в 1919 г. секретарь Одесского губкома партии, вместе с руководством 45-й дивизии разработал план свержения «боярской» власти на территории Румынии и дальнейшего революционного похода в Венгрию, в 1929–1934 гг. начальник Политуправления РККА, в 1934–1937 гг. первый заместитель наркомата обороны СССР, покончил с собой.

Ракитов Григорий Давыдович (1894–1937) – в 1919–1920 гг. заместитель начальника политотдела 45-й дивизии, в 1933–1937 гг. председатель областного Исполкома Западного областного совета, в 1937 г. – председатель Исполкома Курского областного совета, расстрелян.

³³ Братин Евгений Михайлович (1893–1936) – в начале 1920-х гг. сотрудник аппарата Всеукраинской ЧК, впоследствии – журналист «Известий», в середине 1930-х гг. собственный корреспондент «Известий» в Польше, покончил с собой. Подробности эпизода исключения Братина из партии неизвестны.

³⁴ До революции Е.М.Братин был членом Союза русского народа и редактировал выходящую в Санкт-Петербурге черносотенную газету «Колокол».

Я был в Харькове в дни разгрома националистических организаций³⁵. Приезжал туда по авиационным делам. Посетил Александровского у него в кабинете. Помню точно, что это было в день самоубийства Скрыпника³⁶. Александровский сообщил мне, что Братин был у него и что он дал ему лучшую аттестацию, чтобы помочь ему восстановиться в партии. По этому вопросу я с Александровским крупно поспорил. Тогда он подошел к несгораемому шкафу и выхватил оттуда отрывок страницы, напечатанный на пишущей машинке. Закрыв верхние и нижние строчки ладонью, Александровский дал мне прочесть примерно следующую фразу: «Всю информацию я передавал через корреспондента "Известий" в Варшаве Братина»...

Потом Александровский сказал мне:

– Вот видишь, Братина уже давно пытались оговорить. А я ему верю, эти показания оставил у себя и не дал им ходу. То, что делается с Братиним в «Известиях», это простая склока. И если Радек³⁷ его защищает, то он знает, что делает...

Месяца два тому назад, беседа с Германом о Радеке, не помню уже по какому поводу, мы заговорили о Братине. Герман сообщил мне, я услышал об этом впервые, что Братин умер не случайно, а именно в день, когда узнал об аресте Радека³⁸. Герман выразил предположение, что Братин даже отравился и что на этот факт просто в свое время не было обращено должного внимания.

Тут я вспомнил об инциденте с Александровским и Герману об этом рассказал.

³⁵ Имеются в виду события 1933 г. в Харькове, столице УССР: сворачивание курса на т.н. «украинизацию», жесткая критика одного из главных «украинизаторов» Украины Н.А.Скрыпника, самоубийство Скрыпника, аресты среди украинской интеллигенции.

³⁶ Скрыпник Николай Алексеевич (1872–1933) – идеолог «украинизации», в 1927–1933 гг. народный комиссар образования Украины, в 1933 – заместитель Председателя Совнаркома УССР и председатель Госплана УССР, обвиненный в «украинском национализме», покончил с собой.

³⁷ Радек Карл Бернгардович (1885–1939) – в 1932–1936 гг. заведующий Бюро международной информации ЦК ВКП (б), заведующий международным отделом газеты «Известия», приговорен к десяти годам тюрьмы, погиб в заключении.

³⁸ К.Б.Радек был арестован 16 сентября 1936 г., Е.М.Братин застрелен 6 октября того же года.

В свете приведенных выше фактов я вынужден признать, что в последние месяцы я безусловно подпал под влияние обывательской среды и виновен в том, что недостаточно серьезно относился к текущим политическим событиям и заменил трезвый анализ их пустой обывательской болтовней. Я должен добавить, что к этому были очень веские объективные причины: я имею в виду свое вынужденное бездеяние, праздность, подавленное настроение в связи с моими личными неудачами. Ограниченный круг лиц, в котором я вращался, и полное доверие, с которым я к ним относился, на этот раз лишили меня свойственной мне обычно политической бдительности.

В заключение последний эпизод, которым интересуется следствие.

Несколько лет тому назад я на Украине познакомился с управляющим Госбанком Певзнером³⁹. Познакомил меня с ним, кажется, Александровский. На протяжении всех прошедших лет я Певзнера встречал всегда в окружении Александровского, Мазо и друг[их] чекистов. Я знал, что Певзнер снят и направлен на Урал, знал также, что он приезжал в Москву в качестве делегата Чрезвычайного Съезда Советов от Свердловска. Впоследствии Гольдберг сообщил мне, что Певзнер тоже арестован по делу о растратах. От Бельского я узнал о том, что он препровожден для следствия в Харьков. Помню, я выразил по этому поводу свое удивление, принимая во внимание, что Певзнер является закадычным другом Мазо, который к этому времени был назначен начальником Харьковского облотдела НКВД. Это удивление я выразил как Бельскому, так и несколько дней спустя – Гольдбергу.

Написано собственноручно, в чем и расписываюсь А. Гарри

Допрос произвел: оперуполномоч[енный] 2 отделения 4 отдела ГУГБ, мл[адший] лейтенант государственной безопасности

Арсенович

Центральный архив ФСБ РФ. Д. Р-33346. Л.8–20.

³⁹ Певзнер Александр Маркович (1895–1937) – в 1923–1927 гг. управляющий Сибирской краевой конторы Госбанка СССР, в 1928–1937 гг. – директор Украинской конторы Госбанка, член ЦК КПБ (У), расстрелян (по др. сведениям погиб в тюрьме до приговора). Подробности перевода Певзнера на Урал установить не удалось.

Библиографический список

1. Уголовное дело Гарри А.Н., 1930 г. // Центральный архив ФСБ РФ. Д. Р-33346.
2. Уголовное дело Гарри А.Н., 1938 г. // Центральный архив ФСБ РФ. Д. Р-2409.
3. Антипова В.А. Повседневная жизнь советских писателей. 1930–1950-е годы. М.: Молодая гвардия, 2005. 288 с.
4. Котовец // Известия. 2006. 24 апр. URL: <http://izvestia.ru/news/313171> (дата обращения 07.03.2016).
5. Кудреватых Л. Репортер «Известий» // Заполярная правда. 1969. 16 февр. С.4.
6. Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) о пересмотре дела А.Гарри, 20 октября 1931 г. // Лубянка. Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД. Архив Сталина Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936. М.: МФД, 2003. С.286.
7. Prudhomme L. Dictionnaire des individus envoyés à la mort judiciairement, révolutionnairement et contre-révolutionnairement pendant la révolution, particulièrement sous le règne de la Convention nationale. Paris: An. V. de la Republique, 1796. Vol.1–2.
8. Witkin Z. An American Engineer in Stalin's Russia: The Memoirs of Zara Witkin, 1932–1934. Berkeley: Univ. of California Press, 1991. 364 p.

Наши авторы

Максимычев Игорь Федорович

доктор политических наук, посланник в отставке,
главный научный сотрудник Института Европы РАН

Дегоев Владимир Владимирович

доктор исторических наук, директор Центра проблем
Кавказа и региональной безопасности,
профессор МГИМО-Университета МИД России

Медведев Жорес Александрович

кандидат биологических наук, биохимик-геронтолог,
почетный член Биохимического общества, член Американского
геронтологического общества, историк, публицист

Ковалев Михаил Владимирович

кандидат исторических наук, доцент, заместитель декана
факультета экологии и сервиса Саратовского государственного
технического университета

Пискунов Михаил Олегович

аспирант Санкт-Петербургского института истории РАН

Лупанова Евгения Михайловна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела
истории Кунсткамеры и российской науки XVIII в. МАЭ РАН

Мягкова Елена Михайловна

кандидат исторических наук, заместитель начальника
Отдела обеспечения сохранности документов РГАСПИ

Киянская Оксана Ивановна

доктор исторических наук, профессор кафедры литературной
критики факультета журналистики РГГУ

Фельдман Давид Маркович

доктор исторических наук, профессор кафедры литературной
критики факультета журналистики РГГУ

Our authors

Maksimychiev Igor' Phedorovich

D.Sci. in political sciences, the Chief researcher of the Institute of Europe, Russian Academy of Sciences

Degoev Vladimir Vladimirovich

D. Sci., historian, Director of the Center for the Caucasus Problems and Regional Security, Professor of Moscow State Institute of International Relations–University

Medvedev Zhores Aleksandrovich

Ph.D. in biology, biochemist-gerontologist, the honorary member of the Biochemical Society and of the American Gerontological Society, historian, publicist

Kovalev Mikhail Vladimirovich

Ph.D., historian, assistant Professor, Associate Dean of faculty of environment and service, Saratov State Technical University

Piskunov Mikhail Olegovich

post-graduate of the St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences

Lupanova Evgeniya Mikhailovna

Ph.D. in history, senior researcher at Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences

Myagkova Elena Mikhaylovna

Ph.D., historian, Deputy Head of the Department for Safety Documents, Russian State Archive of Social and Political History

Kiyanskaya Oksana Ivanovna

D.Sci., historian, Professor, Chair of Literary Criticism, Faculty of Journalism, Russian State University for Humanities

Fel'dman David Markovich

D.Sci., historian, Professor, Chair of Literary Criticism, Faculty of Journalism, Russian State University for Humanities

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ:

Подписные индексы:
39363 – по объединенному каталогу «Пресса России»
(подписка возможна с любого месяца)

Для иностранных читателей
подписка проводится
через агентство «МК-Периодика»:
тел. (495) 672-70-12
e-mail: info@periodicals.ru

Подписка на электронную версию журнала
оформляется через Научную электронную библиотеку:
www.eibrary.ru

ЖУРНАЛ МОЖНО КУПИТЬ В РЕДАКЦИИ:

Тел. (495)691-74-79
E-mail: russia21@ecc.ru,
kurilenkova@ecc.ru
123001, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2

Кроме того журнал «Россия XXI» можно
заказать с доставкой по всей России или купить
в книжном интернет-магазине «Русская деревня».
сайт www.hamlet.ru, тел.8(495)621-41-10

ISSN 0869–8503

Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.

Регистрационное свидетельство №011074.

© «Россия XXI», 2016.

Цена свободная.

Адрес редакции:

123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2

Телефон (495)691-74-79, факс (495)694-17-54

E-mail russia21@ecc.ru

<http://www.russia-21.ru>

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.

Подписано в печать 09.08.2016. Формат 60x88 1/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 11,5 печ. л.

Тираж 1500 экз. Заказ №

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»,
428019, Чувашская Республика, г. Чебоксары, пр. И.Яковлева, д. 13

4.2016 july-august

Geopolitics and International Policy Issues

Igor' Maksimychev

On the Eve of the Berlin Wall's Downfall.

Pages from the Diary _____ **6**

Pages of History

Vladimir Degoev

Peter the Great's Diplomacy at the Final
Stage of Russo-Turkish War of 1686–1700.

Part IV _____ **30**

Zhores Medvedev

Perestroika to the Ground

(the continuation) _____ **56**

Labels and Myths

Mikhail Kovalev

Twists of Fate: Professor A.V.Florovski
and his Soviet Colleagues _____

82

Mikhail Piskunov

“Constructing the Soviet”: Event and Memory
of Post-Soviet Subject (Based on Diaries
of Svetlana Volskaya) _____

106

Resources of Nation

Evgeniya Lupanova

The Problem of the High Cost
of Wood in St. Petersburg
XVIII Century _____ **120**

Topical Archive

Elena Myagkova

“Demons”, “Gamblers”
and “Dreamers” or How
a Person Becomes a Revolutionary.
Part IV _____ **140**

*Oksana Kiyanskaya,
David Fel'dman*

“But He is in our List”: Remarks
Related to the History of Public
Sentiments in 1937 _____ **160**

РОССИЯ XXI